

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1985
НОРИЛЬСКОМУ КОМБИНАТУ—ПОЛВЕКА
ЧТО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ?
ЛЕВ ЯШИН: ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ФОРВАРДАМИ
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ИВАНА СТАДНЮКА «МОСКВА, 41-й»

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИ

Во время подписания.

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 6—7 июня в Москве с дружественным рабочим визитом находился Генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков.

7 июня в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

В центре внимания были вопросы дальнейшего развития советско-болгарских отношений. Высоко оценив достигнутый уровень всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией, руководители двух братских партий выразили решимость и впредь крепить боевой союз КПСС и БКП, их политическое и идейное единство, совершенствовать связи по государственной и общественной линиям, усиливать взаимодействие в сфере политики и идеологии, науки и культуры.

Встреча, прошедшая в сердечной, товарищеской обстановке, продемонстрировала полное взаимопонимание и общность позиций двух братских партий и социалистических государств.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев вручил в Кремле Генеральному секретарю ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателю Государственного совета НРБ Т. Живкову орден Ленина.

При вручении были товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В. П. Орлов, заместители Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук, Н. В. Талызин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, руководители ряда министерств и ведомств, другие официальные лица.

С болгарской стороны присутствовали член Политбюро ЦК БКП, первый заместитель Председателя Совета Министров НРБ Ч. Александров, секретарь ЦК БКП Д. Станишев, заместитель Председателя Совета Министров НРБ Г. Караманев, другие официальные лица.

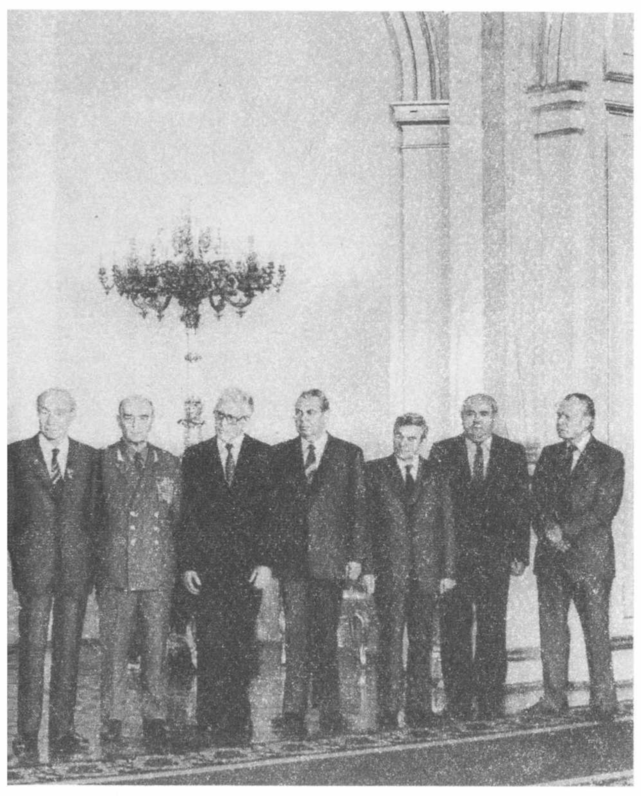
На церемонии награждения выступил тов. М. С. Горбачев.

С ответным словом выступил тов. Т. Живков.

7 июня в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков подписали Долгосрочную программу развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и НРБ на период до 2000 года.

ЗИТОМ

Фото А. ГОСТЕВА

«ТРУДИСЬ В АТАКУЮЩЕМ СТИЛЕ!»

Эти слова принадлежат Алексею Григорьевичу Стаханову. В 1972 году он прислал строителям КамАЗа письмо: «...В вашем рабочем задоре, в ваших больших свершениях мы видим и свою трудную, но счастливую молодость... Соревнование — это атакующий стиль работы, когда энтузиазм, помноженный на неустанный поиск и инженерный расчет... позволяет добиваться все более высокой производительности труда. Этот стиль работы наш, советский, переходит от поколения к поколению. К тебе, камазовская молодежь — наследница славных традиций, мой призыв: «Трудись в атакующем стиле!»

Недавно жюри производственных объединений Камгэсэнергострой и КамАЗ подвело итоги соревнования бригад на призы журнала «Огонек». Они показали: наказ Алексея Стаханова труженики города Брежнева выполняют достойно.

СТРОИТЕЛИ

Спросите у Эльвиры: «А кто строил такую красивую школу, в которой ты учишься?» — и девочка без заминки ответит: «Мой папа». «А детский сад, в который ходил твой брат Алик? Ты тогда была совсем маленькой...» «Тоже папа, только тогда мы жили в старом городе, в поселке Камгэса». И, подумав, обстоятельно добавит: «Между прочим, тот бывший наш дом, где мы жили раньше, всего в пять этажей, тоже строил папа. А теперь он строит вот такие»,— и поднимается она на цыпочки...

Такая вот она, четвероклассница Эльвира, отличница учебы, бойкая. Вся в папу и все про него знает. Кроме, разумеется, того, что появилась она на свет в доме, который тоже строил папа. Тот дом был особенный: первый в городе, сданный «под ключ», по методу бригадного подряда. Да еще досрочно! Очень нужен был строителям настоящий родильный, на сто мест дом. За такую ударную работу бригада Вазыха Мавликова даже премию получила. С того самого дома и началось ее непрерывное восхождение. Она первой применила коэффициент трудового участия, Равиль Валеев его остроумно назвал строгомером. Он тогда работал в бригаде простым каменщиком. Сегодня Валеев — член Союза писателей СССР. Но первые его очерки посвящены родному коллективу, тому, как он участвовал в соревновании за право включать в свой состав героев первых пятилеток, как завоевывал переходящее знамя ЦК ВЛКСМ...

У них, воспринявших атакующую тактику, были свои рекорды. Мыслимое ли, например, дело построить школу за 23 дня? С субподрядчиками, конечно. Но было же! Такая школа не плод фантазии, она существует под № 12. В прошлом, 1984 году признанные во всем городе мастера кирпичной кладки превзошли даже сами себя: почти сорок кубических метров кладки в месяц на брата, это при плане-то двадцать шесть! Практически большую школу-десятилетку зачинатели бригадного в городе подряда возвели за 131 день с оценкой «хорошо». Всего же за тринадцать лет «подарили», как сказал местный поэт, городу Брежневу 28 общежитий, школ, жилых домов, детских садов и тот самый роддом. Кроме того, была работа на литейном и прессово-рамном заводах КамАЗа и в пригородных поселках.

Об этом говорил в своем докладе на собрании в новом ДК «Строитель» заместитель главного инженера Камгэсэнергостроя О. И. Пакидов.

— И вот что замечательно,— отметил он,— сейчас подрядных бригад в двенадцать раз больше, чем десять лет назад, а объем строительно-монтажных работ, выполненных ими, вырос в пятьдесят раз!

Приняв переходящий приз «Огонька», к микрофону подошел Вазых Мавликов. На его груди значок депутата Верховного Совета СССР, золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда. Он говорит о повышенных обязательствах строителей в честь XXVII съезда партии, в честь полувекового юбилея стахановского движения. Им, строителям, есть где развернуться: сооружаются Татарская АЭС, Камский тракторный завод, картонно-бумажный комбинат...

АВТОЗАВОДЦЫ

Камазовцы приурочили к 50-летию стахановского движения VI слет ударников коммунистического труда. С присущей им выдумкой и комсомольским задором продумали сценарий и оформили свой ДК, который оказался вдруг тесен и мал — так было много желающих попасть. Люди входили в зал под звуки марша коммунистических бригад, на сцене мелькали кадры кинохроники, запечатлевшие события первых пятилеток... Кульминацией вечера стало чествование победителей соревнования. Удостоиться этого нелегко: в бригады объединено 98 процентов всех работающих — десятки тысяч людей. Сначала надо завоевать звание лучшей бригады цеха, потом завода, а на каждом заводе сотни бригад. Критерии те же, что и раньше: высокое качество, эффективность, экономия.

У бригады наладчиков и операторов агрегатного завода, которую четыре года возглавляет Вячеслав Крыпаев, эти показатели давно высокие: при плане 0,85 коэффициент качества 0,97. Почти на шесть процентов выросла за прошлый год производительность труда. За счет чего же?

— Полная взаимозаменяемость: каждый из нас может работать на любом из пятидесяти станков,— поясняет Крыпаев, светловолосый, прямо-таки с васильковыми глазами молодой человек.— Использование каждой рабочей минуты и рационализация. Своими силами модернизируем оборудование.

Не что-нибудь там по мелочам, а самая настоящая у них получается модернизация. Изменили, например, электрическую схему токарного копировального автомата, и он стал проще в обслуживании, а качество обработки деталей улучшилось. Другой станок превратили в полуавтомат. Сам Крыпаев тоже в посто-

РАБОТА НА «САЛЮТЕ-7»

В соответствии с программой исследования космического пространства 6 июня 1985 года в 10 часов 40 минут московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз Т-13», пилотируемого экипажем в составе командира корабля дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника Джанибекова Владимира Александровича и бортинженера Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Савиных Виктора Петровича.

8 июня 1985 года в 12 часов 50 минут московского времени осуществлена стыковка космического корабля «Союз Т-13» с орбитальной станцией «Салют-7». После проверки герметичности стыковочного узла космонавты Владимир Джанибеков и Виктор Савиных перешли в помещение станции.

В ходе двухсуточного автономного полета корабля «Союз Т-13» было проведено несколько коррекций траектории движения, в результате которых корабль приблизился к станции «Салют-7» на заданное расстояние. Дальнейшее сближение выполнялось экипажем вручную с использованием аппаратуры определения дальности и бортового вычислительного комплекса.

При подходе к станции космонавты осмотрели антенны, солнечные батареи и другие наружные элементы конструкции. На этапе причаливания они выполнили необходимые маневры, а затем осуществили стыковку. Четкие действия экипажа обеспечили выполнение процессов сближения причаливания и стыковки точно в расчетное время.

В соответствии с программой полета экипаж провел проверку состояния бортовых систем и оборудования станции.

Н а с н и м к е: экипаж космического корабля «Союз Т-13» — командир экипажа летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза В. А. Джанибеков (справа) и бортинженер летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза В. П. Савиных во время предполетной подготовки на космодроме Байконур.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

янном поиске. Только за последние полтора года подал и осуществил семь предложений. Да, и в этом тоже выражается наступательный, атакующий стиль современного рабочего.

И все же бригаде Крыпаева нелегко было приблизиться к призу: у нее оказалось 25 соперников-претендентов с других заводов. Что же перетянуло на чаше весов?

— Мы ездили в бригады, сравнивали,— вспоминает Аниса Абзалова, председатель комиссии профкома объединения.— Вы знаете, в бригаде Вячеслава какой-то особый микроклимат. Они очень дорожат честью камазовской марки, болеют за дело, заботятся друг о друге... Точно в одной большой семье побывали...

Но вот приз «Огонька» вручен, и Нуриса Набиуллина, групкомсорг этой большой семьи, поднимается на сцену и исполняет на радостях национальный танец...

600 000-й большегрузный автомобиль сошел с конвейеров КамАЗа в майские дни, в преддверии праздника Победы. Сорока лучшим водителям страны вручены были сорок машин, выпущенных комсомольцами. Шести моделям КамАЗа из восьми присвоен государственный Знак качества. Двигатели, рожденные здесь, устанавливаются на ЗИЛы и УралАЗы, на львовские и ликинские автобусы. Начато производство автопоездов для села. Почти вдвое возрастут поставки машин на экспорт. И с каждым годом будет увеличиваться производство грузовиков и дизелей. Выполнение таких задач камазовцам по плечу: ими это доказано. Стахановские традиции здесь живы.

* * *

В работе творческой бригады «Огонька» в городе Брежневе, возглавляемой членом редколлегии журнала А. Г. Панченко, принял участие тепло встреченный строителями и камазовцами поэт Анатолий Тучин.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

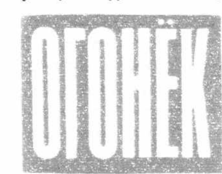
Вазых Мавликов (в ц е н т р е) принял приз.

Бригада Вячеслава Крыпаева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (3022)

15—22 ИЮНЯ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Психология конфронтации, отмечал на днях М. С. Горбачев, подстегивает гонку вооружений, а наращивание арсеналов оружия с целью сломать военно-стратегический паритет порождает склонность к агрессивным методам и приемам во внешней политике. «Этот порочный круг — конфронтация — гонка вооружений — конфронтация — можно и нужно разорвать. У человеческой цивилизации просто нет другого выхода».

Газета «Правда»

Общий Дом наш —
Не ракетный тир:
Отстоим,
Народы мира,
Мир!

Всепланетной мощью
Честных рук
Разорвем
Порочный этот круг!

ОТ БИТБУРГА ДО НЕССЕЛЬВАНГА

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения в ФРГ
Фото автора

Две черные треугольные тени от американских бомбардировщиков скользнули по надгробным плитам и тяжелым каменным крестам военного кладбища в Битбурге.

...Президент США Рональд Рейган, как все знают, возложил венок на битбургском кладбище, отметив таким необычным образом сорокалетие разгрома нацизма. Он сделал это вопреки воле сотен миллионов людей, включая и американцев, вопреки бесконечному потоку протестов.

Дивизия СС «Адольф Гитлер» была самой отборной и близкой сердцу «бешеного Ади». Ее преступления неисчислимы, она играла роль топора в руках фюрера, являясь надеждой и военной опорой гитлеризма. Именно этой дивизии Гитлер адресовал наиболее зверские приказы в полной уверенности, что они будут выполнены с предельным рвением. Потерпев полный разгром, эти служаки нацизма некоторое время вели себя тихо, прячась от справедливого возмездия. Но, убедившись в своей полной безнаказанности, они стали устраивать сборища остатков своей дивизии. Для очередного слета в год сорокалетия понесенного ими поражения они избрали отель «Корона» в баварском городке Нессельванг у подножия прекрасных заснеженных Альп, среди роскошных, усыпанных цветами горных лугов. Подавляющему большинству граждан ФРГ все это очень не понравилось.

На стадионе Нессельванга состоялся многотысячный митинг протеста. Там было оглашено письмо председателя Социал-демократической партии Германии Вилли Брандта, выразившего возмущение сборищем старых гитлеровцев. На митинге цитировали выдержки из приказов Гитлера, который требовал от СС искоренения славянских народов, особенно русского. Приводились примеры жестокости гитлеровских палачей. Это позор, говорили ораторы, что эсэсовцы чувствуют себя прекрасно и даже устраивают регулярные слеты под портретом своего фюрера.

Организаторы митинга призвали граждан провести антиэсэсовскую демонстрацию, соблюдая установленный порядок и не вступая в конфликт с полицией, охраняющей слет гитлеровских недобитков. Все же около тысячи человек, главным образом молодежь, не дождались окончания митинга и подошли к гостинице «Корона» с требованием, чтобы эсэсовцы прекратили собрание и убрались из Нессельванга. Полиция, как, впрочем, и всегда в таких случаях, окружила отель мощными заслонами и металлическими барьерами. Наиболее горячие головы из числа демонстрантов стали забрасывать «Корону» через ряды полицейских тухлыми яйцами, гнилыми помидорами и пакетами с краской. Власти подтянули к отелю новые отряды полицейских в защитных шлемах с забралами и с большими прозрачными щитами. Страсти раскалились, в «Корону» и в полицию полетели бутылки и все, что попадалось демонстрантам под руку. Действуя водометами и щитами, полиция принялась разгонять людей.

«Нессельвангский инцидент» был, хотя и очень коротко, показан по телевидению ФРГ и обсуждался гражданами страны. Все говорили: это ясно, не будь эсэсовской встречи, не было бы и никакого инцидента. Официальное мнение, однако, заключалось в том, что полиция действовала даже «слишком мягко», поддерживая порядок и защищая проводимое в рамках закона «мирное собрание частных лиц».

Тяжелые струи воды, смешанной со слезоточивым газом, били в людей, валили с ног, тащили по асфальту. Поток сбросил с забора двух фотокорреспондентов в нескольких шагах от нас. Направленная опытной рукой «водяного канонира» струя протащила журналистов по дороге, а затем поднялась и повалила группу горожан, стоявших на балконе соседнего дома и наблюдавших за «сражением».

Эхо выстрелов на площади Св. Петра

Николай ПАНИЕВ,
заместитель председателя Советского национального комитета в защиту Сергея Антонова

В предвечернюю тишину стамбульского парка неожиданно врезались воинственные крики босоногих подростков с волчьими масками на лицах. Сокрушая на своем пути садовые скамейки и мусорные урны, эта стая с гиком и визгом бросилась на группу детворы у входа в парк. Завязалась короткая и жестокая потасовка, после чего «таинственные маски» с громким кличем победителей, словно привидения, растворились в темноте дальней аллеи.

— Волчата,— со смущенным видом произнес один из моих новых знакомых. Турецкий журналист явно пытался сгладить неприятное впечатление от дикой проделки своих соотечественников.

— Из таких волчат образуются волчьи стаи,— хмуро заметил его коллега, недовольно покачивая головой.

Эпизод в далеком городе на Босфоре, происшедший в середине шестидесятых годов, невольно приходит на память, когда слушаю или читаю о том, как фашиствующие молодчики из ультраправой националистической организации «Серые волки» совершают террористические акты в Турции и за ее пределами.

Один из бывших волчат — молодой, но уже матерый убийца из стаи хищников — забрел в Рим после того, как бежал из турецкой тюрьмы Картал накануне судебного процесса по делу об убийстве главного редактора либеральной газеты «Миллиет» Ипекчи и заочно был приговорен к смертной казни. С фальшивым паспортом на имя Фарука Юзгуна волк-убийца выжидал удобный момент в «вечном городе», чтобы убить папу римского. 13 мая 1981 года на римской площади Св. Петра прогремели выстрелы, эхо которых, казалось, затихло после того, как тяжело раненный Иоанн Павел II оправился, перенеся многочасовую операцию в больнице «Джемелли», а покушавшийся был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Но не успели служители Фемиды в одном из железобетонных зданий римского Дворца правосудия положить дело Мехмета Али Агджи в архив, как эхо выстрелов зазвучало с новой силой. По настойчивым советам посольства США в Риме (позже некоторые секретные шифротелеграммы стали достоянием итальянской прессы) и была предпринята попытка использовать законченное судебным производством дело террориста-одиночки для политической компрометации одной из социалистических стран. Как известно, выбор авторов крупномасштабной провокации пал на Болгарию. Трубадурами этой насквозь фальшивой версии «болгарского следа» в трагической истории на римской площади стала кучка американских писак — патентованных клеветников, находившихся на службе ЦРУ и выполнявших «деликатные поручения» администрации Белого дома. Прогрессивные журналисты во всем мире, прежде всего, конечно, в Болгарии, ибо заокеанские фальсификаторы и клеветники замахнулись на честь и достоинство народной республики, разоблачили

Разгон демонстрации.

Молодой парень (он на снимке) выбежал вперед и стал перед водометом, раскинув руки.

— Остановитесь, подумайте, что вы делаете, это ведь ваши сограждане,— сказал он громко и спокойно.

Струи били в асфальт у его ног. Прямой удар воды под большим давлением и с такого близкого расстояния мог бы его убить. Трое полицейских схватили парня и отбросили в сторону. Он встал на ноги и снова заслонил дорогу машине. Его опять отшвырнули. Полиция начала действовать всерьез и явно входила в раж. Парень еще раз поднялся, его лицо было удивительно уверенным и спокойным. Он стал говорить полицейским, что они бьют людей, защищая убийц, по пояс вымаранных в человеческой крови... Его схватили и поволокли в глубь полицейских рядов.

Завывая сиренами, машины «Скорой помощи» увозили раненых. Когда вода в первой машине иссякла, подошел второй водомет, и все началось сначала. В конце концов полицейские восстановили порядок до такой степени, что любимцы Адольфа Гитлера могли заседать спокойно и вспоминать о своих «военных подвигах» без помех.

Это было далеко не первое сборище старых эсэсовцев в ФРГ и явно не последнее.

Нессельванг

досужие вымыслы авторов статей и телерепортажей о так называемом «деле болгарина Антонова и двух его соотечественников», якобы причастных к покушению на папу римского.

Большой резонанс во всем мире вызвал доклад — заключение авторитетной комиссии по «делу Антонова», созданной Международной ассоциацией юристов-демократов. В составе комиссии были видные юристы из Франции, ФРГ, Бельгии, Ирландии и Индии. В работе комиссии участвовал известный общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Нобелевской премии, председатель Комиссии ЮНЕСКО по проблемам коммуникаций Шон Макбрайд. Комиссия пришла к выводу, что обвинительное заключение по «делу Антонова» страдает отсутствием объективности и не может не вызвать возражений, поскольку оно основывается главным образом на «показаниях» одного Агджи. В заключении комиссии дана оценка политической подоплеки инспирированной спецслужбами США и Италии шумихи вокруг абсурдных "признаний", сделанных «главным свидетелем» после девяти месяцев молчания в тюремной камере. «Болгарская версия» используется для ведения кампании против НРБ, против стран социалистического содружества.

В США нашлись честные журналисты, юристы, общественные деятели, которые многочисленными фактами и логическими рассуждениями внесли свой вклад в ревизию «болгарского контакта». Одна из вышедших книг четырех американских авторов так и называется — «Ревизия болгарского контакта». Один из авторов этой книги, известный адвокат, лаконично и точно сказал, что такой рецидивист, как Агджа, с таким же успехом мог назвать своим соучастником не болгарина Антонова, а его, американца Рональда Кьюби. Что касается самой фальшивки о «болгарском участии», то в книге четырех американских авторов говорится следующее: «Мы убеждены, что она была создана, поддерживалась и даже частично была организована такими фигурами, как Стерлинг, Хенци, Ледин, и их соучастниками в правительственных кругах и в прессе». В этой связи стоит напомнить, что же представляет из себя упомянутая тройка фальсификаторов. Клэр Стерлинг, находясь на содержании американской разведки, потерпела фиаско в Италии, когда пыталась вместе с коллегой — «тихим американцем» в Риме Майклом Лединым статейками о «сотрудничестве СССР» с террористическими «красными бригадами» бросить тень на нашу страну. Что же касается Ледина, то он уже сбросил маску «объективного» журналиста и работает по заданиям Пентагона и госдепартамента США. Пол Хенци не скрывает, что он кадровый разведчик, тесно связанный с неофашистской организацией «Серые волки». Он же—один из главных дезинформаторов в связи с «болгарским контактом» профессионального террориста Агджи.

Разножанровые клеветнические материалы участников пропагандистского шоу удивительно быстро попадали из-за океана в одиночную камеру тюрьмы строгого режима Асколи-Пичено. Раздуваемый в США и Италии миф о «болгарском контакте» надоумил узника камеры (не без помощи допущенных, вернее, подосланных к нему агентов итальянских спецслужб, особенно тюремного священника, который впоследствии сам оказался за решеткой за связи с мафией) объявить, что он готов сотрудничать с итальянским правосудием при условии... перевода его на домашний арест и дальнейшее помилование.

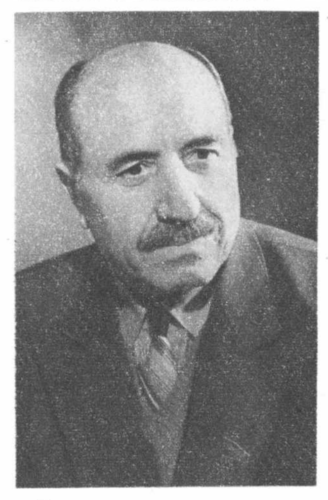
В насквозь лживом, фальсифицированном и позорном обвинении невиновных трех болгар видна работа тайных служб — Центрального разведывательного управления США и итальянского СИСМИ— секретной службы военной информации и контрразведки.

Широкие круги мировой общественности расценивают «дело Антонова» как тщательно организованную политическую акцию антисоветчиков, врагов свободолюбивых народов и дела сохранения мира.

Итак, в Риме 27 мая начался процесс по «делу Антонова». «Главный свидетель обвинения» представился на суде не кем иным, как Иисусом Христом, спустившимся на землю, дабы объявить о том, что приближается конец света. Фарс — срежиссированная провокация человека с необузданной психопатической фантазией.

В нашей стране создан Советский национальный комитет в защиту Сергея Антонова. В потоках писем, которые поступают в комитет, в Общество советско-болгарской дружбы, в редакции газет и журналов, телевидения и радио, люди разных профессий и национальностей решительно требуют прекратить политическую провокацию против Болгарии и других стран социалистического содружества. Они требуют немедленного освобождения Сергея Антонова, разоблачения врагов мира и разрядки. Вместе со всеми честными людьми на всех континентах широкие круги советской общественности уверены в том, что крах грязной антиболгарской, антисоциалистической кампании неизбежен.

Кайсын Шуваевич
КУЛИЕВ

Советская многонациональная литература понесла тяжелую утрату. 4 июня 1985 года на 68-м году жизни после продолжительной болезни скончался видный советский поэт, член КПСС с 1944 года, депутат Верховного Совета СССР, народный поэт Кабардино-Балкарской АССР, секретарь правления Союза писателей РСФСР, член правления Союза писателей СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Кайсын Шуваевич Кулиев.

К. Ш. Кулиев родился в селении Верхний Чегем Чегемского района Кабардино-Балкарской АССР в ноябре 1917 года в семье крестьянина. С 1934 по 1939 год учился в Московском государственном институте театрального искусства имени А. В. Луначарского, закончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Участник Великой Отечественной войны.

В 1940 году вышла первая книга его стихов «Привет, утро». С тех пор более 40 лет продолжалась напряженная творческая деятельность К. Ш. Кулиева.

Поэт-фронтовик, К. Ш. Кулиев воспел героические подвиги советских людей в годы Великой Отечественной войны. Патриот и интернационалист, он ярко выразил тему братства и дружбы советских народов. Широкую популярность получили у читателей книги К. Ш. Кулиева «Горы», «Раненый камень», «Горская поэма о Ленине», «Мир дому твоему», «Живу среди людей».

К. Ш. Кулиев избирался членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР, депутатом Верховного Совета СССР V, IX, X, XI созывов, являлся секретарем правления Союза писателей Кабардино-Балкарии, членом правления СП СССР, секретарем правления СП РСФСР. Он был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, многими медалями.

Светлая память о Кайсыне Шуваевиче Кулиеве, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, поэте и гражданине, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

В. И. Воротников, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, А. Э. Восс, Т. Н. Ментешашвили, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, Т. К. Мальбахов, Б. К. Чабдаров, М. И. Докшоков, Г. М. Марков, Е. М. Чехарин, Г. Г. Абашидзе, Ч. Т. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. Г. Алексин, А. А. Ананьев, Ю. Я. Барабаш, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, С. В. Викулов, Ю. П. Воронов, Р. Г. Гамзатов, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, А. Д. Дементьев, К. М. Долгов, Н. К. Доризо, Ю. В. Друнина, М. А. Дудин, С. П. Залыгин, Е. А. Исаев, М. Карим, В. В. Карпов, А. П. Кешоков, Д. Н. Кугультинов, Ф. Ф. Кузнецов, Л. М. Леонов, Э. Б. Межелайтис, С. В. Михалков, А. А. Михайлов, В. М. Озеров, Б. И. Олейник, Р. И. Рождественский, А. В. Софронов, О. О. Сулейменов, Ю. И. Суровцев, М. Танк (Е. И. Скурко), А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, А. О. Шогенцуков.

Героям Прикамья

Открытие в Перми памятника «Героям фронта и тыла».

Праздник сороколетия Великой Победы в Прикамье был возвышенным и светлым.

Мне посчастливилось провести три праздничных дня в Перми рядом с теми, кто сражался на фронтах, и с теми, кто героически трудился в тылу. Они шли по улицам города в колоннах семьями, в одиночку и группами. Шли к воинским могилам, к местам, где ковалось оружие для защитников Родины. Память объединила всех. Вечная память и гордость за не покорившихся в самые трудные минуты.

Свыше ста тысяч жителей Перми собралось на центральной площади города. Здесь происходило торжественное открытие памятника «Героям фронта и тыла». «Бронза живет дольше, чем люди, но бессмертной бронзу делает народ» — эти слова, сказанные на праздничном митинге, адресовались всем труженикам и героям Прикамья, и особенно рабочим Пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, который в будущем году отмечает свое 250-летие. От стен легендарной Мотовилихи — района, на территории которого раскинулись заводские кварталы, уходили на поля сражений бойцы Уральского добровольческого танкового корпуса, вписавшие немало ярких страниц в летопись Победы. Парторгом корпуса был Александр Дмитриевич Дюженков, выпустивший недавно документальную книгу «От Перми до Праги», где он рассказывает о подвигах однополчан. На его глазах погиб в январе 1945 года мотовилихинский доброволец Михаил Иванович Стрекалов, начальник отделения разведки. Вместе с его сыном, космонавтом Геннадием Стрекаловым, А. Д. Дюженков принял участие в открытии монумента в Перми — дани благодарных потомков защитникам Родины.

Памятник «Героям фронта и тыла» намечено было открыть 9 мая 1985 года. Рабочая модель монумента и его архитектурное решение получили высокую оценку специального совета. Но главное — воплотить творческий замысел в бронзе. Художественные комбинаты, работая на полную мощь, не гарантировали отливки памятника к установленному сроку. И тогда мотовилихинцы решили взять трудное дело, практически незнакомое заводу, в свои руки. Решить для пермских машиностроителей — значит сделать. Я видел мастеров, прошедших кратковременную стажировку на комбинате в Мытищах и приступивших к отливке трех фигур семиметровой высоты. Начальник цеха В. Красильников и его заместитель А. Бояршинов скромно улыбались, когда на торжественном вечере их сравнивали с тульским Левшой, и говорили, что заслуга в отливке принадлежит прежде всего рабочим завода. А старейший строитель Г. Скрипов, превозмогая тяжелый физический недуг, руководил монтажом монумента.

— Работая над проектом пермского памятника, — говорит автор монумента, скульптор Вячеслав Клыков, — я искал источник вдохновения в общении с жителями Перми, с местными художниками, но прежде всего меня вдохновлял труд мотовилихинских рабочих. Фигура воина и рабочего объединяет символическое изображение Родины.

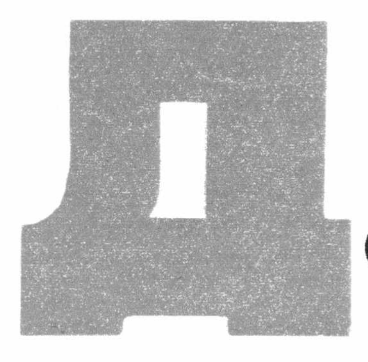
Содружество московского скульптора с пермскими машиностроителями продолжается. Уже открыта первая очередь мемориала, посвященного памяти мотовилихинских воинов, не вернувшихся с фронта. Впереди большая работа по окончанию скульптурного ансамбля, который В. Клыков осуществляет вместе с архитекторами Р. Семерджиевым и В. Снегиревым.

Савелий **ЯМЩИКОВ**

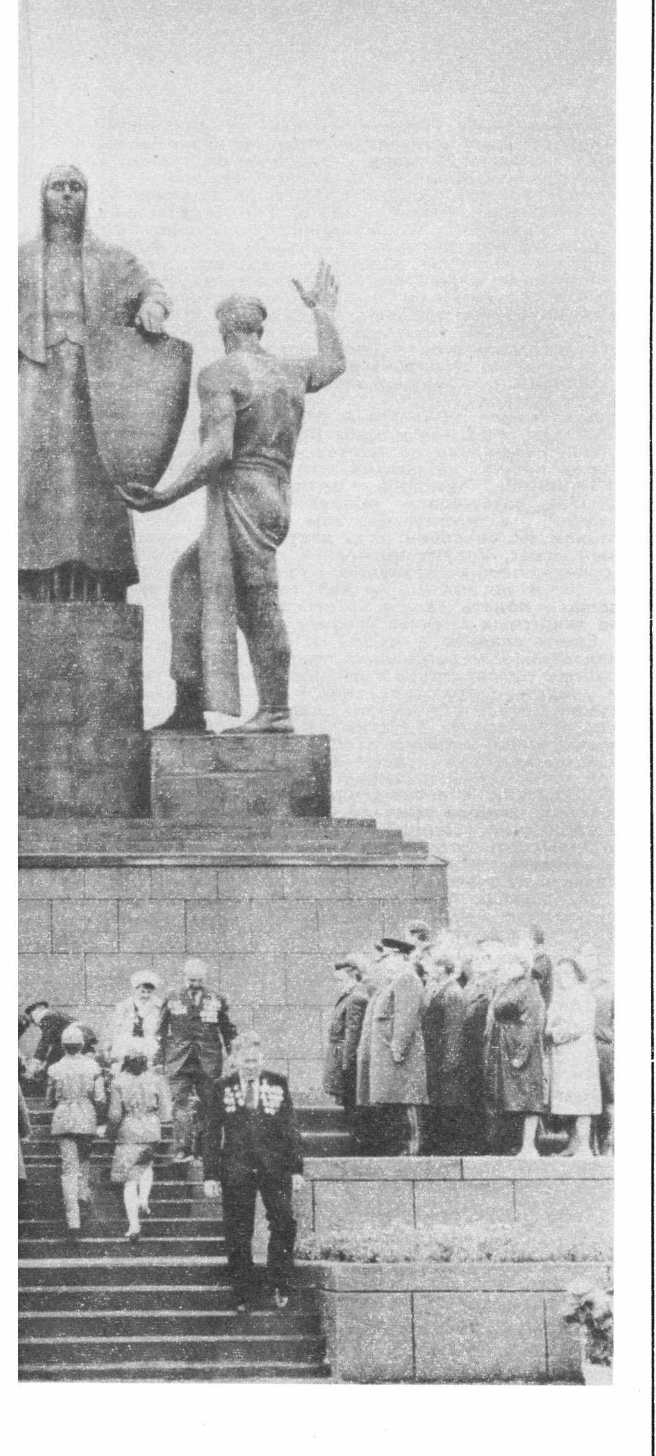
Ветераны уральского добровольческого танкового корпуса (справа налево) А. Лёвкин и А. Дюженков, летчик-космонавт СССР Г. Стрекалов. ▶

Фото В. Ившина

Держать цель

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Природа щедро наделила Рэма Викторовича Петрова, действительного члена двух академий — Академии наук СССР и Академии медицинских наук,— талантом, трудолюбием, наблюдательностью, умением «держать цель».

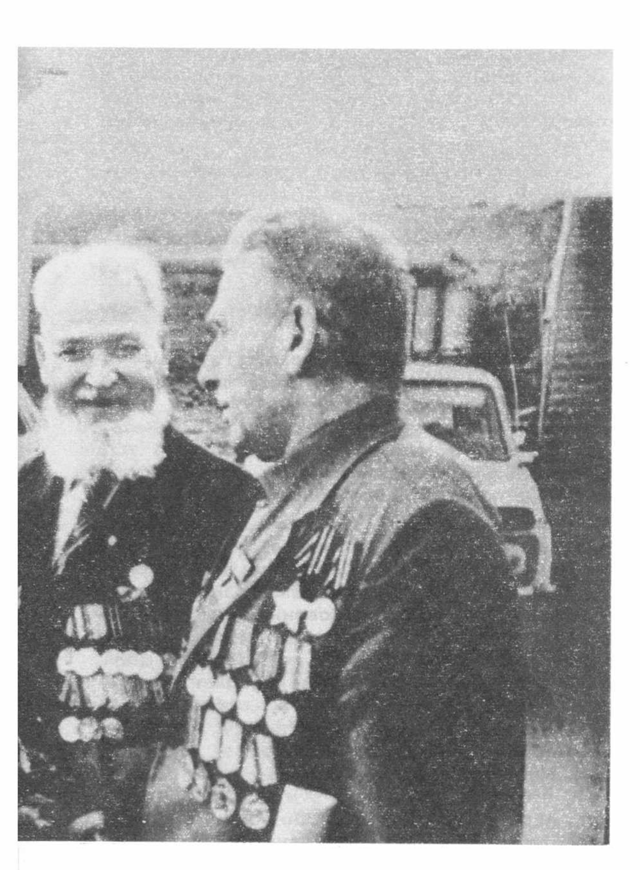
Еще в школьные годы, когда четырнадцатилетним мальчишкой отец впервые взял его с собой из родной казачьей станицы Усть-Медведицкой в Москву, он долго бродил вокруг поразившего воображение Кремля, разглядывал его со стороны Манежа и Василия Блаженного, с Полянки и Ордынки, от баженовского дома Пашкова, чтобы выбрать наконец точку на Софийской набережной, с которой удобнее всего было убедиться: вращаются кремлевские звезды или всегда глядят в одну сторону?

А в 1953 году он, молодой специалист, младший научный сотрудник Института биофизики, стал все чаще задумываться над тем, почему каждый наш орган выполняет какую-то одну работу: легкие дышат, глаза видят, сердце перекачивает кровь, и только два органа наделены множеством сложнейших обязанностей. Один из них — мозг — вырабатывает тысячи, десятки тысяч мыслей, все запоминает и создает интеллектуальную индивидуальность человека. Другой — орган иммунитета — вырабатывает тысячи, десятки тысяч специализированных защитных белков, запоминает все биологические опасности, с которыми сталкивается организм, и создает нашу иммунологическую индивидуальность. Рядом существуют, выходит, две индивидуальности: духовная и телесная. Одна отражает и оберегает неповторимость вкусов, способностей, характера человека, другая — неповторимость и неприкосновенность его биологических структур, у которых столько угроз — микробы, вирусы, рак, аллергия...

Рэм Викторович Петров.

Фото И. Тункеля

Но мозг зрим и осязаем, его можно измерить, взвесить, а где спрятан и каков из себя таинственный орган иммунитета, которого тогда никто еще не видел? Молодому исследователю остро не хватало образца.

Шли годы. Над захватившими Петрова проблемами бились во всем мире сотни иммунологов. Постепенно, как это бывает у следователей, сложился некий словесный портрет загадочного органа. Петров вместе со своими сотрудниками тоже внес в него ряд важных уточняющих черт.

— И тут,— вспоминает он,— как это часто бывает, помог случай. В Амстердаме мне довелось посетить выставку мобилей Александра Калдера. Я увидел подвешенные к потолку на единой нити десятки причудливо изогнутых и прямых элегантных коромысел, прикрепленных друг к другу отнюдь не по своим центрам тяжести. У иного коромысла одно плечо метра полтора, другое — не более сантиметра. На коротком висит солидный круг замысловатой формы, а уравновешивает его на длинном плече какой-то лепесток или шарик. Малейшее внешнее влияние — подует ли ветер, пригреет солнце или зритель дотронется ненароком — и вся система приходит в причудливое движение. У одного, наиболее сложного мобиля самые нижние грузики ударяются о расставленные на полу серебряные вазы, и помещение наполняется каким-то космическим перезвоном... Увиденное и услышанное преследует меня до сих пор. Динамика, столкновения, повороты мобилей были неожиданны, непредсказуемы. Но ведь и у иммунной системы десятки клеточных «пружин» и «винтиков», множество возбуждающих и уравновешивающих воздействий, великое разнообразие ответных реакций.

Найденный впечатляющий образ, удивительное образное чувствование ученого подтвердили и нечто более фундаментальное: функции иммунной системы гораздо значительнее, чем только оберегать нас от внешних инфекций. Главное для нее — поддерживать постоянство внутренней среды организма. Естественно, что нормой для столь изменчивой, чутко реагирующей системы не могут служить статичные показатели: столько-то лимфоцитов, столько-то макрофагов... Для подлинной оценки иммунного состояния человека нужны некие новые формулы, номограммы, по которым можно было бы достоверно судить о норме и патологии, о здоровье и болезни. Созданию таких оценочных методик — Петров так и назвал их, «концепция мобилей» — было отдано много времени, труда, вдохновенного, окрыляющего поиска. Сегодня они взяты на вооружение практической медицины. В ближайшем будущем, считает ученый, обследования иммунной системы станут столь же обычными, обязательными, как анализы крови и записи электрокардиограмм.

В сентябре 1963 года 33-летний доктор медицинских наук Р. В. Петров предложил издательству «Медицина» написать учебник иммy-

нологии. Официальный ответ гласил: «В списке вузовских дисциплин, утвержденных Минздравом СССР, дисциплины «Иммунология» нет». Трудно даже поверить, что было это всего два десятилетия назад!

Официальной дисциплины не существовало, но каждой клеточкой своего мозга молодой ученый ощущал ее необходимость, ее огромную значимость. Что же, отступить, смириться? Пять долгих лет, каждую весну отправлялся Петров в новосибирский Академгородок, чтобы читать студентам университета первый в стране курс «неутвержденной» иммунологии. Вместе с лектором «грех» этот и ответственность за него разделял бывший тогда ректором университета академик И. Н. Векуа.

Не организовать ли подобный же курс, но с практикумом, и для студентов-медиков? В 1969 году Петров сделал такое предложение ректору 2-го Московского Медицинского института академику АМН СССР Ю. М. Лопухину. У затеи была, конечно же, своя тайная цель — привлечь внимание медицинской общественности к все еще официально «не существовавшей» научной дисциплине. Согласие было получено, на кафедре самого ректора такой курс возник. Вместе со студентами, охочими до всего нового, в аудиторию пришли и ревнивые представители смежных кафедр: не заберется ли новоявленный лектор на их заповедные поля? И успокоились: Петров шел только своей целиной.

Курс имел большой, заслуженный успех. Ректорат решил организовать специальную кафедру — иммунологии. Всем была ясна и кандидатура ее потенциального руководителя. Но не так думали в Московском институте биофизики, где заведовал отделом Петров: ему наотрез отказались выдать характеристику, необходимую для участия в конкурсе на замещение должности заведующего кафедрой. В довершение пришла еще и коварная бумага из Минздрава СССР — официальное возражение против назначения Петрова. К чести ректората 2-го Московского медицинского института, следует сказать: он не отступил, конкурс, несмотря ни на что, состоялся. Петров был единодушно избран.

Однако радость оказалась невеселой. Руководство Института биофизики решило срочно обсудить поведение профессора-коммуниста Петрова.

— Сижу, помнится, в лаборатории, не знаю, в чем провинился, и не ведаю, что предпринять,— с грустью рассказывает Рэм Викторович.— Настроение, сами понимаете, преотвратное, будто участвую не в организации нужного дела, а в перепрыгивании через капканы... И вдруг — бывает же такое!— появляется добрая фея в лице корреспондента одной из газет. Редакция решила, оказывается, опубликовать интервью руководителя первой в стране кафедры иммунологии.

Через три дня материал появился в печати, и сразу всех «осенило»: как это важно, как это полезно знакомить будущих врачей с основами новой, перспективной дисциплины! Кафедра начала жить — были созданы первые программы. Написан, наконец, и первый учебник по иммунологии, который в 1982 году вышел в свет стотысячным тиражом и сразу же стал библиографической редкостью.

А мысли ученого все возвращались и возвращались к колдовским движениям калдеровских мобилей, к их чутким реакциям. Он думал: насколько сложнее, замысловатее, подвижнее должна быть живая иммунная система. И разве под силу человеческому мозгу перебрать, сопоставить, проанализировать невероятное обилие ее реакций? Без помощи математики тут не обойтись. Крупнейший математик академик Г. И. Марчук уже занимался моделированием инфекционного процесса. В 1975 году они встретились. Началось плодотворное творческое сотрудничество двух наук и двух прогрессивно мыслящих ученых.

— Гурий Иванович,— рассказывает Петров,— вскоре сделал мне комплимент: «Вы промысливаете логические задачи биологии как математик. Ну, а считать нынче каждый умеет...» Я же отчетливо видел, что только с его компетенцией можно строить и совершенствовать математические модели иммунной системы, чтобы потом «проигрывать» их варианты на ЭВМ.

Десять лет совместных усилий ознаменовались важными результатами. Три представительных международных симпозиума всесторонне обсудили итоги машинного анализа иммунных реакций и их проверки в биологическом эксперименте. Выводы были однозначны: от состояния иммунной системы, контролирующей ход самых фундаментальных жизненных процессов, зависит, разовьется ли в каждом случае болезнь, выздоровеет ли больной или станет хроником, чем вообще завершится этот тягучий патологический процесс. И, во-вторых, у ряда распространенных недугов причина иная, чем принято считать: дефекты иммунной системы, ее поломки — вот почва, на которой они развиваются. И, значит, ключи от них следует искать «на другой полке». Только вот на какой? Никто во всем мире не ведал, с каким иммунологическим дефектом связана та или иная болезнь. Иммунологи невольно оказались в роли незадачливых игроков, севших за шахматную доску, не зная, как ходят фигуры.

Нужно было во что бы то ни стало выведать у природы ее секреты. С этой целью Р. В. Петров совместно с Ю. М. Лопухиным организовали специальную клинику для детей с врожденными иммунодефицитами. Рецептов их лечения еще не было, несчастные малыши считались обреченными. Коллектив иммунологов и клиницистов делал все возможное, вплоть до пересадок костного мозга и вилочковой железы, чтобы как-то облегчить их участь. Попутно врачи с дотошной скрупулезностью изучали характер каждой иммунной «поломки» и то, как она отражается на здоровье. Ряд таких связей в клинике 2-го Московского медицинского института установили впервые в мире. На этой основе удалось составить первую в СССР классификацию иммунодефицитов. Ее значение оценили и далеко за пределами страны. Всемирная организация здравоохранения пригласила Р. В. Петрова в Женеву в качестве эксперта по созданию международной классификации иммунодефицитов.

В одно из посещений института я разговорился с группой молодых научных сотрудников и деликатно спросил, как складываются их отношения с шефом. Ответы были единодушными: «Нормально... Подойдет, задаст дватри вопроса и кивнет: «Ну-ну, не буду вам мешать»,— готовых решений не навязывает... Подсказывает так, что, кажется, будто ты сам придумал. Считает, что поддерживать молодых сотрудников рентабельней, чем «топтать» их... Обычно у нас, молодых, главные проблемы: тема для диссертации, возможности роста. Тут с этим порядок — растем вместе с делом».

...В 1967 году в лаборатории появилась новая аспирантка, Лия Сеславина. Ей поручили следить за поведением иммунных лимфоцитов. Требовался не какой-то очень уж сложный биохимический анализ, надо было вести простой, но достаточно точный количественный учет — подсчитывать клетки в пробирке. Однако как раз самое простое в жизни подчас и не получается. Так случилось и тут. Шли недели. Месяцы. Прошел год. Сеславину даже начали жалеть: не везет бедняге!.. Петров предложил изменить методику эксперимента. Дело вроде бы сдвинулось. Но щепетильной Сеславиной казалось, что и теперь у нее «как надо» не получается: куда-то исчезают родоначальники всех кроветворных клеток — стволовые.

Новые раздумья с шефом, дополнительные опыты... Да, стволовые клетки убиваются иммунными лимфоцитами — всякий раз почти 60 процентов их не хватает. И тут у экспериментаторов рождается задорная, почти шальная мысль: может быть, иммунным лимфоцитам «помогают» не обладающие иммунным статусом нормальные лимфоциты?.. Сколько уж раз в науке творило чудеса это «может быть»... Следуют семь поставленных со всеми мыслимыми предосторожностями, точно выверенных экспериментов. И получены семь неопровержимых подтверждений догадки: да, нормальные лимфоциты тоже под самый корень бьют чужеродные стволовые клетки.

Такого еще никто не устанавливал. Это было открытием нового иммунологического феномена. В Государственном реестре открытий появилась запись № 192. Авторами открытия значились граждане Союза Советских Социалистических Республик Петров Рэм Викторович и Сеславина Лия Сергеевна. Академик и аспирантка.

Сегодня «на подходе» новое открытие, сделанное Р. В. Петровым совместно с научной сотрудницей А. А. Михайловой. Обнаружен новый класс регуляторов нашей естественной защиты, обладающих обезболивающим действием, ускоряющих заживление ран и резко стимулирующих иммунные реакции. На основе этих веществ, вырабатываемых костным мозгом, предложен лечебный препарат, который уже проходит клинические испытания.

Неизведанное явление, новый объективный закон природы никогда «вдруг» не возникают, они открываются взору ученого на базе исследований его предтеч, на основе накопленных наукой знаний. Дорога в будущее неизменно прокладывается из прошлого, этим подтверждается связь эпох и поколений. Свыше века назад гений Луи Пастера положил к ногам человечества «золотые яблоки» — прививки, защищающие от ряда болезней. Сколько тревог, бед, несчастий отвели они от людей, сколько спасли жизней! Время показало, однако, что пастеровские прививки не всесильны. До сих пор не удается создать по их типу надежные вакцины против гриппа, дизентерии, сифилиса, против стафилококков, стрептококков, пневмококков. В чем тут дело?

Есть много объяснений этих неудач. Петров построил свою концепцию. По его мнению, вакцины, созданные по пастеровскому принципу, порой пасуют не потому, что не содержат тех субстанций микроба — антигенов, которые должны возбуждать против себя защитную реакцию, а потому, что сам человеческий организм не способен дать достаточный иммунный ответ. У этих антигенов слишком слабый «голос», чтобы зазвучало громкое иммунное «эхо». В организме молчит тот ген, который должен подать сигнал о массовом производстве защитных антител. Что же делать?

Самое главное — отойти от соблазнительных, надоедливо мельтешащих перед глазами частностей, преодолеть в себе инерцию привычного и увидеть сложное явление в его главных, несущих, «геометрических» чертах, в его общностях и связях. Наука, рассуждал ученый, имеет мало возможностей воздействовать на безмолвствующие гены. Значит, остается другой путь — обойти генный контроль. Подсунуть возбудителю непобежденной болезни некое вещество, которое кричало бы вместо него и обмануло (или обошло!) молчащий ген. Где только отыскать это чудодейственное «нечто»? Да и существует ли оно в природе или его надо создать из рукотворных соединений?

На помощь пришли два ученых — член-корреспондент Академии наук СССР В. А. Кабанов и профессор Р. М. Хаитов. Почему они?

— Кабанов — смелый, творческий химик, создатель ряда новых полимеров и теории их взаимодействия,— объясняет Петров.— Хаитов — исследователь экстра-класса, неутомимый в экспериментах и их осмыслении. Он умеет и любит ставить вопросы. Есть такие сотрудники — ему скажешь, он сделает и, как отстрелявшаяся подводная лодка, ложится на дно, ждет новых указаний. Хаитов не таков, он постоянно нацелен на поиск.

Творческая бригада после многолетних исканий остановила свой взор на искусственных веществах — полиэлектролитах, которые активно вступают во взаимодействие почти со всеми сложными органическими соединениями. На один из таких полимеров экспериментаторы и «посадили» тот микробный антиген, на который организм почти не реагирует. И свершилось чудо: синтетический «возбудитель» вызвал в 50—100 раз более сильный иммунный ответ. Многократные проверки повторили этот эффект. Значит, найден принципиально новый путь для создания вакцин против еще не побежденных болезней. Вакцин будущего, способных делать слабые антигены сильными и не нуждающихся в «добро» генов иммунного ответа. Разум, упорство и вдохновение победили!

...Уже через восемь лет после окончания института Р. В. Петров стал доктором наук, потом — членом-корреспондентом, академиком АМН СССР, а сейчас и действительным членом главной академии страны. Его научные труды переведены в Англии, Болгарии, США, его научно-популярными книгами зачитываются в десятках стран мира.

В чем же секрет этих успехов? Трудолюбие, цепь благоприятных совпадений, способность делать выводы из неизбежных ошибок, врожденный талант исследователя или мужество объективности? Наверно, все вместе. Но есть еще один мощный движитель: умение держать цель. Об этом образно говорит сам ученый.

— Ведь не яблоко, упавшее на глазах Ньютона, породило в его мозгу закон всемирного тяготения. Он держал цель, еще не сформулированную, держал в своем сознании день и ночь, чтобы в это мгновение она реализовалась, превратившись в закон. Надо быть немного гончей, чтобы уметь преследовать цель. Хорошей гончей, которая не бросает преследуемого зверя, даже если в кровь разбиты ноги. Надо быть немного скаковой лошадью, которая скорее упадет, чем сойдет с дистанции. Но надо быть и много знающим человеком, чтобы формулировать и крепко удерживать поставленные перед собой цели.

Академик Р. В. Петров крепко «держит цель».

В. Псарев. Род. 1950. ПАМЯТЬ. 1980—1984.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Е. Зубов. Род. 1955. СЫН. 1984.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Валентина САAКОВА

Поклонимся солдатским матерям

●

Поклонимся
Солдатским матерям!
Прислушайтесь, как долгими ночами
Они как бы с живыми говорят
С погибшими своими сыновьями.
Поклонимся
Солдатским матерям:
Ведь то, что мы так долго в мире жили,
Что светит в окна мирная заря,—
Сыны их ратной службой заслужили.
Поклонимся
Солдатским матерям,
Их скорби, их душе, рукам усталым.
Поклонимся
Солдатским матерям —
Их на земле уже осталось мало...
Поклонимся
Солдатским матерям —
Какой нечеловеческою мукой
Оплачена их долгая разлука,
Оплакана тоска по сыновьям.
Но подняла б война свой тяжкий меч
И гарь пожарищ опалила дали —
Они бы снова сыновей послали
На бой, свое Отечество сберечь!
Поклонимся
Солдатским матерям!

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Луна плыла за мглою синей,
Пока не стало рассветать,
Письмо на фронт солдату-сыну
Писала старенькая мать.
Писала, словно говорила
С родным сынком наедине,
Как будто заговор творила
От лютой пули на войне.
Она беречься не просила —
Просила храбрым быть в боях,
Была неведомая сила
В сердечных и простых словах.
А для себя не попросила
Она сыночка ни о чем.
И молчаливо мать Россия
Стояла за ее плечом.
Чадила тусклая коптилка,
Вздыхала тяжко мать в тоске,
И билась голубая жилка
Под сединою на виске.

СОСНЫ

Корабельные сосны
Над землей распростерли крыла.
Не из сосен ли прадед
Смастерил для прабабушки кросна,
И она с этих пор
Домотканые робы ткала
Для сынов-рыбаков,
Молчаливых и статных, как сосны.
Были свиты из нитей
И крепкая снасть, и лесà,
К ним для крепости
Волос был женский припутан,
Для сынов-рыбаков
Мать из дум соткала паруса,
Чтобы в дом возвратил
Их из странствия
Ветер попутный.
За морской окоем
Те уплыли давно времена,
Лишь преданья и песня
От них нашим детям остались.
И, как вечность,
Стоит одиноко у моря сосна
И глядит неустанно:
Не покажется ль
Парус?

ПАМЯТИ ЗОИ ГАБУЛОВОЙ

Шумит, как бывало, над Тереком роща,
И в солнечном омуте донной воды
Кудрявая ива косички полощет,
Как будто бы не было давней беды.
Стучалась беда в тихий дом на пригорке,
И мать припадала в тревоге к окну —
Там девочка Зоя в мужской гимнастерке
По улице детства ушла на войну.
А ветер был свеж и отчаянно молод,
А смерти на свете, казалось, и нет.
И там, где значок комсомольский приколот,
Грел сердце огнем комсомольский билет.
Тогда батальону досыта досталось,
Горела броня на моздокском мосту.
И Зоя-связистка навечно осталась
На том боевом комсомольском посту.
У школьной тетради закрыта страничка,
И выцвели буквы на белом листке,
А матери снится девчонка в косичках
С весенним букетиком в теплой руке.

●

Да будет мир земле во имя жизни,
Весенний голубь, в синем небе рей!
О мире говорит моя Отчизна
От имени солдатских матерей.
Уходит ночь. Заря крылом трепещет,
Грядущему дорогу осветя,
И вскидывает мать над миром веще
Смеющееся солнышку дитя!

●

Ты говоришь мне, сын мой:
— Не старей!
Не вязь морщин, не седина нас старят,
А, как набатом, в сердце вдруг ударит
Бессонная тревога матерей.
Твой первый шаг,
И первый твой полет,
И первое прочитанное слово,
И первая любовь — во мне живет,
С тобою проживаю жизнь я снова.
Ты счастлив —
И я снова молода,
Мне отраженьем счастья солнце светит,
И мудрость жизни — старость —
Не беда,
Лишь только в мире жили б наши дети!

●

Вплетется
В победную песню отваги
Мальчишеский голос
Сегодняшних дней:
Солдатские внуки подходят к присяге,
Стоят на постах возле Вечных огней.
Завещано детям —
Жить в мире и братстве
И доброму гостю оказывать честь.
Хлеба колосятся
На поле солдатском,
И место под солнцем у каждого есть!
В надежные руки
Оружье и знамя
Мы новому племени передаем.
И будет
Победы великая память,
Как воин,
Стоять в их строю молодом!

Земля моя,
Ты — мать солдатская:
Когда твой сын служить идет,
Проводишь ты со строгой ласкою,
Глаза — в глаза,
Его в поход.
Твой долгий след за ним потянется
И будет сердце греть вдали...
Берут на службу новобранцы,
Как клятву,
Горсть родной земли.
Берут залогом возвращения
В родимый дом со всех дорог,
Как матери благословение
На трудный долг,
Солдатский долг.
В свой срок
Сын даст тебе присягу
Ни в чем тебе не изменить
И воинский закон хранить:
Перед врагом —
Назад ни шагу!
Послужит миру он со славой
Под гордым знаменем полка,
И после трудного броска
Ты будешь теплой и шершавой,
Как материнская рука!

ВИТКИ

Мать космонавта вечерами вяжет
Привычными движеньями руки.
Сын звездную разматывает пряжу:
Всю Землю опоясали витки.
Мать в сумрачное поглядит окно:
Как сына углядишь в небесной шири?
Все ничего —
Покуда космос мирен,
Но кто-то бредит «звездною войной»...
Мать лечится вязаньем от тоски:
Вернется сын,
Потом — опять в дорогу,
И вяжет сыну теплые носки —
Там, в космосе, небось, озябли ноги!
Мелькают спицы —
Петли,
Узелки,
Вот по щеке слезинка пробежала.
И время
Вяжет медленно витки,
К Земле желанной сына приближая.

О ночь,
Не прибавляй душе тревог
И мирный сон всем матерям навей,
Судьба,
Со всех неведомых дорог —
Верни живыми
Наших сыновей!

Раскатный гром,
Грозы не напророчь,
Пролейся в поле солнечным дождем,
Утихни, ветер,
Прочь с дороги, ночь,
Когда детей мы в дом родимый ждем.
Сгинь, пропади,
Проклятая война,
Не загради грядущему пути:
Вперед идти
И добрый мир нести
Мы завещаем внукам и сынам.
Планета
Беззащитна, как дитя,—
Чтоб защитить ее и обогреть,
Горит над ней,
Надеждою светя,
Как факел мира,
Сердце матерей.

Плакаты, посвященные XII Всемирному, делаем сами.

ГЛАВНЫЙ ЭК

А. СОКОЛОВ

Фото Д. ДЕБАБОВА

«Что лично вы ждете от предстоящего фестиваля?»

«Какие проблемы, на ваш взгляд, должны находиться сегодня в центре внимания международного молодежного и студенческого движения?»

Получив вопросы нашей мини-анкеты, студенты достают авторучки, бумагу, и в небольшой аудитории подготовительного отделения Харьковского политехнического института наступает сосредоточенная тишина. Сидящие здесь — иностранцы; они приехали на учебу в СССР из различных государств Африки, Азии и Латинской Америки. Предлагая им эти вопросы, мы знали, что не всем будет легко написать свои ответы на русском языке. Но договорились—на грамматические ошибки не обращать внимания.

— Эти ребята,— говорит о своих воспитанниках заведующая кафедрой русского языка Светлана Павловна Олейник,— учатся на подготовительном около десяти месяцев. Большинство из них уже почти свободно говорят по-русски, в сентябре им предстоит начать занятия на различных факультетах нашего института. Так что мы, можно сказать, даем им здесь путевку в студенческую жизнь. Трудно ли было с ними вначале? Судите сами — кроме обязательной аудиторной программы, «уроки» в городе: учили их, как спросить дорогу, как купить книгу. Словом, все с нуля!

Незаметно проходит время урока. Звонок. И вот — двадцать шесть сложенных вдвое листов из школьных тетрадей. Что написано в них?

Али Чеффа (Гана): Думаю, что Москва не случайно вновь станет фестивальной столицей. И дело не только в успехе, который имел Московский фестиваль 1957 года. За время, прошедшее с тех пор, СССР многократно подтверждал свой миролюбивый внешнеполитический курс, а Москва—репутацию города мира.

Адель Абу Хайдар (Ливан): Я искренне надеюсь, что в результате этого фестиваля укрепятся мир и дружба между народами!

Фарис (Сирия): Фестиваль должен стать символом свободы, символом борьбы против агрессии и империализма.

Самуэль Тесфайе (Эфиопия): Главное — это проблема прочного мира. Везде: в Никарагуа, в Ливане, в Южной Африке... Главное — победить войну на Земле и не пустить ее в космос.

Луис Родольфо Ванегас (Эквадор): Самое важное, на мой взгляд,— это оградить народы от империалистического вмешательства...

Мир — вот что прежде всего нужно молодым! И в этом мы убедились, продолжая свою анкету уже устно.

— Известие о предстоящем фестивале очень заинтересовало нашу молодежь,— говорит Гаус Джанбаз, студент из Афганистана, с которым мы разговариваем у выхода из учебного корпуса.— Кабульская газета «Знамя молодежи», где я работал некоторое время, объявила конкурс, посвященный XII Всемирному. Количество откликов было огромно: нам присылали стихи, рассказы, рисунки...

Я знаком с историей СССР, знаю, как нелегко завоевывался социализм, и какой высокий революционный подъем испытывала ваша молодежь в те годы. Думаю, что здесь есть некоторое сходство с ситуацией в нашей стране.

...Еще свежи в памяти этого девятнадцатилетнего парня воспоминания о том, как в составе отряда самообороны вместе со своими сверстниками выходил на ночные дежурства. Охраняли школы, больницы, детские сады. В одну из таких ночей на школу напали бандиты, но отряду удалось продержаться до подхода воинского подразделения. Уже в Советском Союзе Гаус с горечью узнал, что впоследствии ту школу бандитам все же удалось разрушить...

— Ведь мы, как и вы когда-то, строим новую жизнь,— продолжает он,— и без молодежи в этом важном деле не обойтись. Многие юноши и девушки вступили в Демократическую

ЗАМЕН

организацию молодежи Афганистана сразу же после Апрельской революции. И я вступил, потому что понял: не могу оставаться сторонним наблюдателем.

«За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!» — таков девиз предстоящего фестиваля в Москве. Для многих иностранных студентов, обучающихся в Харьковском политехническом, эти слова наполнены глубоким смыслом.

— Нашу родину помнят отцы и матери, ну, а мы ее никогда не видели,— рассказывает Хасан Эль-Шаманди.— Я родился и вырос в лагере для палестинских беженцев в южноливанском городе Набатия. Мои родители были вынуждены переселиться туда в 1948 году, когда израильтяне изгнали наш народ с его родной земли. С тех пор все мы живем одной лишь мечтой: вернуться туда, где должны жить по праву! Заговор американского империализма и израильского сионизма ставит нас перед необходимостью вести вооруженную борьбу. Я осознал это много лет назад, во время жестокой бомбежки нашего лагеря израильской авиацией. За один день было три налета, погибли 570 человек. Во время первых двух налетов меня не было в лагере, я застал лишь третий, когда вернулся туда с группой спасателей. До сих пор перед глазами стоит страшная картина: разбирая обломки одного из домов, мы наткнулись на тела четверых ребятишек, двух братьев и двух сестер. Дети погибли, обнявшись, словно пытаясь прикрыть друг друга своими телами. Но несмотря на все страдания, которые выпали на нашу долю, мы добьемся создания своего независимого государства. Не случайно наш народ уже сейчас думает о будущем и готовит свои национальные кадры. Это происходит именно потому, что в своей борьбе мы опираемся на солидарность народов, на антиимпериалистическую солидарность.

...Со студентом Альфредо Аугустино Фернандесом из Гвинеи-Бисау мы беседуем накануне одного из экзаменов.

— Какие проблемы, на твой взгляд, должны быть сегодня в центре внимания молодежи?

— Кроме борьбы за мир — а это самое главное,— остро стоит вопрос о быстрейшем экономическом и социальном развитии стран, сбросивших колониальное иго.

...Когда Гвинея-Бисау стала независимым государством, ему было тринадцать лет. Отец мальчика погиб. Он был комиссаром партизанского отряда, одним из соратников Амилкара Кабрала.

Отец был и остается для него примером мужества и честного служения своему народу. В течение многих лет он находился на нелегальном положении, лишь изредка глубокой ночью приходил домой, чтобы повидаться с семьей, а в семье было девять детей...

— В наш дом то и дело наведывались агенты португальской охранки ПИДЕ. Допытывались у нас, у детей, где находится отец. Однажды они схватили меня, тогда еще пятилетнего мальчишку, и моего пятнадцатилетнего брата и отвезли в тюрьму, сказав, что мы будем заложниками, пока они не найдут отца...

— Альфредо, как ты представляешь свое будущее?

— Я. очень хотел приехать учиться в Советский Союз. Нам нужны специалисты практически во всех отраслях народного хозяйства. Через год получу диплом. Моя профессия — инженер по транспортному машиностроению. Вернуться на родину и работать — мой долг перед гвинейским народом!

«...Встаньте, студенты, на главный экзамен, стойко боритесь за мир на земле!»

Есть такие строки в гимне Международного союза студентов. И здесь, в Харьковском политехническом, который вскоре отметит свой столетний юбилей, мы многократно убеждались, что учатся тут люди, сдавшие этот свой главный экзамен — экзамен на гражданскую и политическую зрелость. На право быть не только хорошим специалистом в своей профессии, но и активным борцом за мир и счастье народов. А одно без другого немыслимо — так говорят сами студенты.

— Знаете, что в моей работе самое дорогое для меня?— говорит Анатолий Владимирович Бойко, проректор института по иностранным связям.— Письма бывших студентов. Национальные кадры для развивающихся стран мы готовим вот уже тридцать девять лет. Сейчас у нас учатся дети некоторых наших выпускников, что получили дипломы много лет назад.

Моя основная специальность — турбины. И когда получил назначение на должность проректора, откровенно говоря, подумал: «Не мое это дело».

— Но именно здесь,— продолжает он,— я испытал ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения и гордости за нашу родину, за ее науку и технику. Ведь во многих странах мира именно по нашей работе судят об уровне советского высшего образования.

Проректор достает из шкафа толстую папку.

— Вот оценки, которые ставят нам, преподавателям, наши выпускники.

«...Как часто я говорил себе: «У тебя должно быть все на высшем уровне. Иначе нельзя: ты же специалист с советским дипломом». Вопросов в работе возникает много. И я их решаю успешно. Сказывается основательная теоретическая и практическая подготовка, полученная в ХПИ. Как вы уже заметили, мне приходится быть не только технологом, но и геологом. А подчас даже и строителем, и экономистом, и энергетиком... Можете мной гордиться: я хороший специалист!»

Шрестха Радж Дасс (Непал).

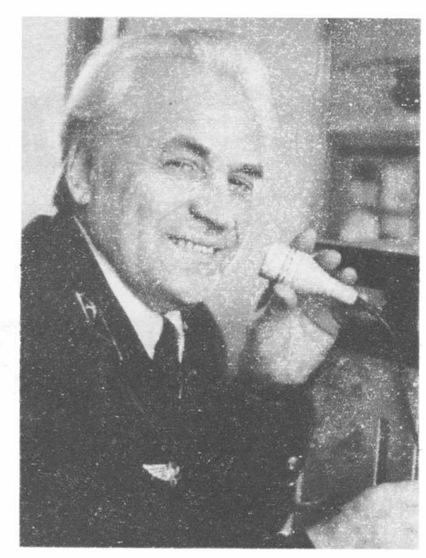
Подобных писем много. В большинстве из них рефреном проходит мысль, что не только знания по специальности определяют ценность дипломов выпускников института. Ваш опыт, ваш образ жизни; пишут юноши и девушки из разных уголков планеты, само общение с советскими людьми — это тоже было нашей учебой!

Все, что мы увидели и услышали в Харьковском политехническом, подтверждало, что студенческая молодежь живет сегодня подготовкой к Московскому фестивалю, мыслями и делами доказывая свое искреннее стремление к миру и дружбе между народами. Праздничное, приподнятое настроение ощущалось и в энтузиазме, с которым выходили парни и девушки на субботники, средства от которых перечисляли в фонд XII Всемирного, и в том, с какой гордостью рассказывали об избрании делегатом на фестиваль студентки третьего курса Светланы Кормилец.

Праздник молодежи и студентов, говорили на прощание ребята, состоится не только в Москве — он будет в сердце каждого.

Песни интернационального ансамбля «Единство» прозвучат в Москве.

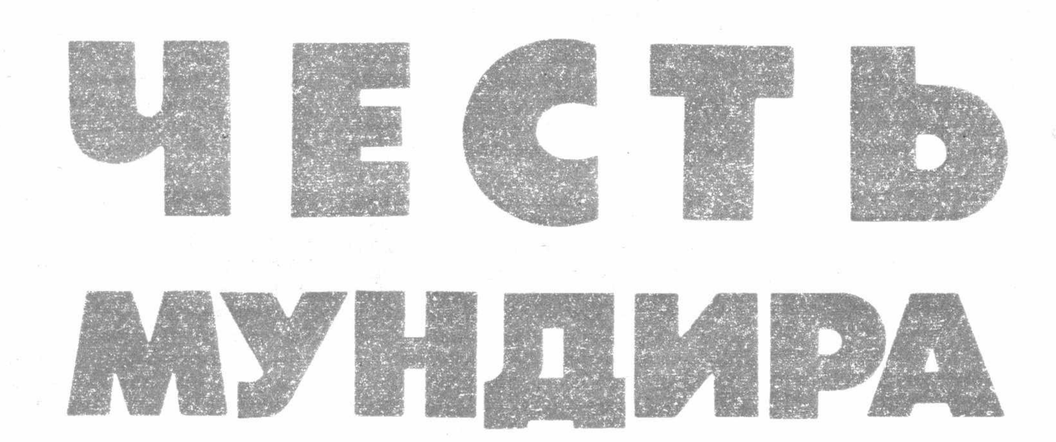

Михаил Иванович Петухов.

Фото В. Сальмре

нужен порядок

Скажу сразу — речь пойдет о железнодорожном мундире. Впрочем, смысл идиоматического выражения «честь мундира» столь широк, что каждый бери и примеряй на себя.

В апреле 1984 года я возвращалась из Ленинграда в Таллин. Место — у окна, по ходу поезда. На всех 350 километрах пути — ранняя весна. Но что я ее не увижу, сразу стало ясно: окна в поезде № 16/15 (депо приписки — Ленинград, Октябрьская дорога!) были не мыты много весен и осеней. Разнокалиберная обивка когда-то удобных кресел была грязной и драной. Ровно в 16 часов 12 минут, когда поезду следовало бы отойти от перрона (невообразимо замусоренного, так же как и пути под колесами), из тамбура в вагон упал проводник. В вертикальное положение его привели молодые люди, стоявшие у дверей, они же попытались перевести его невнятную речь, обращенную к пассажирам. По-моему, получилось нечто несообразное: будто бы в составе не оказалось... поездной электростанции (?), и что если идущий из Таллина другой поезд не опоздает и одолжит (?) нам свою электростанцию, то через час и мы уедем. И верно — через час мы уехали. Слегка проспавшийся проводник выбрался из вагона на одной из станций, да так там и остался. Пассажиры привычно и самостоятельно входили и выходили, и в конце концов мы с изрядным опозданием ступили на ночной пустой и чистый таллинский перрон.

Конечно, можно бы теперь и не перебирать прошлогодний мусор, если бы похожие поездки из Ленинграда в Таллин не длились... по сей день. Теперь обстановка такая: поезд 16/15 постоянно опаздывает на несколько часов и «прибывает» (до чего же не подходит ему это торжественное слово!) в Таллин в два-три ночи, когда уже не ходит никакой городской транспорт, и сотни людей вынуждены ночевать на вокзале; вагоны не отапливаются, и на службу вокзала Таллин — Балти, которая к формированию и отправлению 16/15 не имеет никакого отношения, обрушиваются потоки жалоб рассерженных пассажиров.

— Мы, в свою очередь, забрасываем жалобами и просьбами руководство Ленинградского отделения Октябрьской дороги,— говорит начальник пассажирской службы Эстонского отделения Яков Федорович Лешкин,— но руководство там не меняется, а поезд 16/15 со всеми своими бедами остается. Ленинградские железнодорожники говорят, что у них не хватает вагонов, а которые есть — старые.

Вагоны, конечно, из рук вон... Но ведь за этот год кое-что и отремонтировать можно бы?

«Что делать со злополучным поездом 16/15?» — этот вопрос через «Огонек» адресуем начальнику Октябрьской дороги Геннадию Матвеевичу Фадееву, да еще и с довеском: «Знает ли он, какой уютный, скорый и точный поезд был некогда этот пресловутый 16/15?»

...Пока целое солидное и уважаемое отделение занимается *одним* составом, хочу рассказать, что *один* человек может сделать с поездом, так сказать, средней руки.

Начинать придется издалека как в прямом, так и в переносном смысле. Минувшей осенью я ехала по маршруту Барнаул — Москва — Таллин в удобном скором поезде «Алтай». Мелькали города, заводы, долины, многокилометровая целинная золотая стерня, горы и бесконечные желтые листопады. Моя спутница вздохнула и сказала:

— Хоть бы в одном вокзальном киоске хоть бы один путеводитель! Уносятся станции, реки, хребты, о которых мы ничего не узнали...

— Вот бы поездное радио и рассказало нам про эти города и реки, вместо того чтобы все одну и ту же музыку гонять,— высказала я давнюю мечту.

Спутница, в молодые годы проработавшая девять лет в железнодорожной газете, даже обиделась:

— Не знаешь вагонной техники, так и не говори. Можешь мне поверить, что это невозможно.

Я и решила — видно, есть тут что-то технически совершенно невыполнимое, раз ни в одном известном мне поезде по радио даже станции не всегда объявляют, не то чтобы рассказывать про историю с географией.

Пересаживаясь в Москве, мы не достали билетов на «престижный» поезд № 34, он же «Эстония», и, несколько огорченные, вошли в купейный вагон обычного поезда № 68.

— Смотри-ка,— сказала спутница,— сухое белье.

Это было в самом деле удивительно. Во всех остальных поездах, на которых мы проехали в общей сложности почти десять тысяч километров, белье было влажным, чаще очень влажным.

Тем временем наш 68-й мягко тронулся в путь. Щелкнуло радио, и веселый мужской голос сказал:

— Здравствуйте, товарищи пассажиры! Говорит бригадир поезда Михаил Иванович Петухов, я нахожусь в девятом вагоне и прошу обращаться ко мне со всеми вопросами, связанными с вашей поездкой. В нашем поезде вы сможете...— дальше последовал длинный и не совсем обычный перечень услуг, которыми мы сможем воспользоваться, а потом Михаил Иванович сказал: — Сейчас я расскажу вам об истории этой одной из старейших в стране дорог и о местах, мимо которых мы будем проезжать...

Я покосилась на мою все знающую о вагонах спутницу, она отвела глаза и поспешно сказала:

— Не мешай слушать.

Михаил Иванович как раз говорил, что мы проезжаем канал, водохранилище, реки Волгу, Цну, Тверцу, Каменку... Забегая вперед, признаюсь в плохом знании географии — мне казалось, что речка Цна вовсе не здесь протекает, а где-то в Тамбовской или Пензенской области. Приехав домой, заглянула в БСЭ и узнала, что у нас в стране четыре речки с названием Цна, в том числе и та, в Калининской области. Михаил Иванович сообщал массу интересных подробностей об окрестностях дороги, по которой я ездила по крайней мере добрую сотню раз и, конечно же, не знала их: ночной поезд, недочитанная книжка, собеседники — сто причин! Даже наши спутники, москвичи и калининцы, навострили ушки. Даже невозмутимые эстонцы, знающие каждую пядь своей республики, вдруг оживились и стали вслушиваться во все, что говорил бригадир о Нарве, Раквере, заповеднике Лахемаа, и стали высматривать косуль, про которых Михаил Иванович сказал, что они спокойно гуляют вокруг и никогда не ступают на железнодорожное полотно, а если надо перейти его, делают это очень осмотрительно. Косули, казалось, доброжелательно всматриваются в наши лица.

И чай-то в поезде № 68 принесли горячий и крепкий, и проводницы приветливы, и оконные стекла чистые...

Словом, с Михаилом Ивановичем Петуховым надо было знакомиться.

И вот он перед нами. Спокойный, воспитанный, сдержанный. Ленинградец. Ветеран войны.

— Михаил Иванович, как вам удалось технически организовать ваш радиорассказ?

— Технически? В смысле техники? Да ведь нет ничего проще — вот радиоузел, вот микрофон. До-

быть информацию было сложнее, но ведь есть же библиотеки, есть знающие люди. Шел однажды по составу, слышу, пассажиры спрашивают друг у друга: что за речка, что за городок? И тут стало мне стыдно за всех железнодорожников и обидно за всех пассажиров. Накупил справочников, путеводителей, сам многое узнал впервые. Конечно, можно бы на пленку записать, но зачем? Ведь живой рассказ лучше, кое-что всегда можно обновить и дополнить, а пленка — опять одно и то же... Когда подъезжаем к городам, сообщаю, на каком транспорте куда ехать в данном городе, предлагаю приобрести проездные талоны. Говорю, где можно сделать пересадки, сообщаю некоторые автобусные внутригородские и загородные маршруты.

— Михаил Иванович, а белье в поезде вашем почему сухое?

— А у нас бригада хорошая. «Феномен» мокрого белья просто разгадывается: чтобы, например, высушить как следует одну простыню, ее непременно надо дважды пропустить через каландр. А если простыни влажные, так и знайте — две простыни вместе по одному разу пропускали. В Таллине вокзальная прачечная старая, из нее скорее уйти хочется. Поэтому надо непременно проследить тут за работой, а то и самим у каландра постоять.

— И стоите?

— Случается. Я же говорю — у нас бригада дружная.

Мы пускаемся в воспоминания, в те времена, когда поездная бригада не могла позволить себе не топить вагоны или подсовывать влажные простыни. А помните, тогда проводницы в специальных темных куртках постели стелили, а потом переодевались в белых и крахмальных чай подавали? Теперь мы не только сами стелим, но и белье убираем, и проводнице в купе сами относим, после чего дружно обираем пух от дырявых подушек. Проводники покрикивают: «Вас много, я одна! Я тоже поскорее домой хочу!» Появилось странное соотношение—чем больше пассажиров, тем меньше проводников. Текучесть кадров среди проводников просто не поддается учету. Почему и куда они «утекают»? Ведь заработки проводников доходят в среднем до трехсот рублей в месяц. Работа нелегкая? Действительно нелегкая... Наши горячие рассуждения гаснут, уперлись в тот же тупик: иные почему-то так стали понимать благосостояние — чтоб и работа легкая была, и денег много.

— У нас в бригаде теперь количество проводников немного увеличилось: раньше один проводник обслуживал два вагона, теперь двое на три вагона. Должно бы быть двадцать два проводника, а числится шестнадцать. Но они управляются, молодые девушки, старательные. Учатся заочно: Люба Казакова — в пединституте, Татьяна Новикова и Валя Желнина — в ЛИИЖТе. В бригаде все дружинники, все ударники коммунистического труда...

Сам Михаил Иванович 33 года работает на Эстонской дороге, награжден орденом «Знак Почета», благодарностей много. Мы полистали пухлую книгу отзывов — за два года около трех тысяч добрых записей! Михаил Иванович гордится ими. А еще, бывает, идет по Москве, вдруг слышит: «Михаил Иванович, здравствуйте! Не узнаете? А я пассажир ваш, вы мне в прошлом году очень помогли, я вас запомнил». Неважно, что Михаил Иванович и сам уж успел забыть, чем и как помог, важно, что люди памятливы на доброту.

И все же ведь торопливый пассажир скорее жалобу напишет, чем расчувствуется до благодарности. За что же благодарят бригаду Михаила Ивановича Петухова? А вот за те самые услуги, которые мы вначале назвали необычными. Нет, вы только послушайте! Особенно железнодорожники — пожалуйста, послушайте.

1. Члены бригады собирали все оставленные в вагонах прочитанные журналы, из дому понанесли журналов же и книжек и скомплектовали библиотечку — идите в девятый вагон, получайте, читайте всю дорогу, но не забудьте вернуть: завтра поедут другие читающие пассажиры.

2. Можно получить электробритвы и одеколон.

3. Есть иголки, нитки, щетки для одежды, щетки для обуви и гуталин.

4. Там же, в девятом вагоне, можно получить... бигуди. Их двенадцать комплектов, выдавая, вам скажут, что они промыты и продезинфицированы.

5. В двенадцатом вагоне есть детский уголок с игрушками и книжками.

6. В пятом плацкартном в одном из тамбуров занавесками выгорожен уголок, где пассажиры могут переодеться (мука мученическая переодеваться в плацкартных вагонах под одеялом).

7. В составе есть две аптечки с общедоступными медикаментами для продажи пассажирам.

8. Проводницы предлагают сувениры, путеводители, туристические схемы и карты, разговорники — немецкий, французский, английский.

9. Большие чайники для кипятка уже приобретены, скоро будут куплены заварочные — по одному чайнику на два купе. И купят пластмассовые солонки, чтобы на каждом столике были.

10. Собирается Михаил Иванович организовать... предварительный заказ такси! Продажу курортникам билетов на пярнуский автобус! И... будет пробивать бронь в гостинице — хотя бы несколько мест для больных, для матерей с детьми. Вообще-то он задумал скомплектовать полностью комсомольский поезд, практика показала, что такие составы работают, ну, просто с блеском по сравнению с остальными. Да, а еще надо бы купить...

Ага! Купили, еще надо купить... Сейчас меня спросят: а на какие средства? Ведь управление дороги-то их не предусматривает? Вот и я спрашиваю у Михаила Ивановича про это самое. Он помедлил минутку, ответил:

— Все время только одного и хочу — чтобы никого не обидеть. Сейчас отвечу на ваш вопрос и одним махом многих обижу. Ну что же... Сначала разные мелочи, вроде ниток и пуговиц, мы покупали на свои деньги. Но ведь в нашем составе после каждого рейса остается по 120—150 различных бутылок. Проводницы обычно распоряжаются этими бутылками по своему усмотрению. В нашей же бригаде девушки продают бутылки вагону-ресторану, а полученные деньги расходуют на покупки, необходимые для обслуживания пассажиров. Несправедливо было бы отменять это или запрещать.

Несправедливо. Тем более что не только пассажиры, но и торговые организации должны благодарить бригаду Петухова за то, что в год девушки продают около 4000 лотерейных билетов, на 400 рублей газет, на 120—150 рублей — медикаментов, на 200—проездных талонов, на 500—550 — сувениров...

...Наверное, что-то я упустила, да и Михаил Иванович, пока время бежит, небось еще что-нибудь придумал, чтобы пассажирам интереснее и удобнее ехалось. От знакомства с Михаилом Ивановичем осталось ощущение драгоценной находки — до изумления неравнодушный человек руководит одной из бригад поезда № 67—68 Таллин—Москва.

Ну да, вот именно одной из бригад. А остальные?

А что остальные? Их знакомят с опытом работы Петухова, семинары проводят. Они посещают занятия, слушают. Делают ли выводы? Да как сказать...

Ходят слухи, что где-то в стране на какой-то дороге есть еще один бригадир, так же уважающий пассажиров, как и Петухов.

Нет, конечно, мир не без настойчивых людей. Михаил Иванович немедленно обратил «в свою веру» мою «скептическую» спутницу по поездке из Барнаула корреспондента газеты «Советская Эстония» С. Б. Ставицкую, и она вот уже полгода яростно пробивает в Таллинском горисполкоме место для небольшой стоянки такси у вокзала специально для заказов поезда № 68, и Таллинский таксопарк уже готов предоставить машины для этих заказов. Также и место для киоска «Горсправки» на вокзале вот-вот появится.

Но речь идет сейчас не о мощном и надежном способе «пробивания». Речь идет о том, чтобы по-деловому, не кампанейски заметить, поддержать и развить добрый почин. А Петухов-то Михаил Иванович, он же той славной плеяды работников, он сам и молодые проводницы из его бригады, которым безотлагательно надо, чтобы на участке, где они трудятся, становилось все лучше и лучше.

— А-а, не о пассажирских поездах надо вести речь,— скажут или подумают начальники управлений и станций.— У нас с народнохозяйственными грузами плохо. А тут — чай, заварка, солонки, щетки и бигуди какие-то! Мелочи.

Нет, не мелочи, а чувство ответственности за порученное дело. Разве не наступила пора напомнить о когда-то высокой чести советского железнодорожника.

Нина ХРАБРОВА,
собственный корреспондент «Огонька»

Куда улетрил

Эрнст-Отто ШВАБЕ,
главный редактор журнала «Хорицонт» (ГДР)

Более чем 700 миллиардов долларов ежегодно поглощается гонкой вооружений. Но вот и эта цифра оказалась мизерной — в первые три года пребывания у власти администрации Рейгана военные расходы США составили почти 750 миллиардов долларов, а до конца 80-х годов цифра эта возрастет до... двух триллионов! А бесстрастная статистика тем временем фиксирует: два миллиарда человек на Земле не обеспечены чистой питьевой водой, полтора миллиарда не имеют медицинской помощи, миллиард живет в крайне нищенских условиях, 800 миллионов не умеют читать и писать, более полумиллиарда безработных и примерно столько же постоянно недоедают... Эксперты ООН, опубликовавшие эти данные, заметили, что они «вызывают оцепенение».

Каким же образом намерены тратить империалисты свои триллионы? Космос — вот что не дает покоя заправилам военно-промышленного комплекса. Именно там США и НАТО намереваются осуществить то, чего не удалось достичь на Земле,— изменить примерное равновесие сил между Востоком и Западом. Примеряя космический скафандр, Пентагон твердит о так называемой «стратегической оборонной инициативе», в иных кругах именуемой попросту программой «звездных войн». Уже первый виток одной этой программы, возведенной в ранг первоочередной задачи государственной политики США до конца нынешнего столетия и даже с переходом в XXI век, будет сто-

зарубежные публицисты в «огоньке»

тают лионы

ить около 500 миллиардов долларов. Ясно одно: концепция «звездных войн» на руку лишь ничтожной клике военно-промышленного комплекса с ее неутолимой жаждой наживы. Милитаризация космоса, продиктованная стремлением империалистических кругов к военному превосходству, несет человечеству серьезную угрозу.

Пропагандистская машина военных, призванная защищать орбитальные проекты Пентагона, усиленно муссирует тезис о некоем «прогрессе» науки и техники, о «гарантированном выживании» для человечества. США пристегивают к своей военной колеснице партнеров по НАТО, причем разорение их бюджетов в пользу планов создания «антиракетного щита» опустошительное. Неудивительно поэтому, что планы ведения «звездных войн» вызвали критику и в американских политических кругах и среди обычно покладистых партнеров по Североатлантическому союзу. Все реально мыслящие политики с неослабным вниманием следят ныне за ходом второго раунда советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям в Женеве. Принципиальная позиция Советского Союза на переговорах не является секретом — это действительное и крупное сокращение накопленных вооружений в противовес созданию все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле. Еще раз СССР подтверждает свою роль пионера в борьбе за сохранение нашей планеты от ядерной катастрофы.

Советский Союз еще в ходе первого раунда переговоров выступил с целым рядом важных инициатив. СССР в одностороннем порядке приостановил развертывание ракет средней дальности и осуществление других ответных мер в Европе. В то же время вызывает большую озабоченность неконструктивная позиция американской стороны на проходившем в Женеве первом туре переговоров.

Американской стороне следует перевести на язык практической политики заявления администрации США в пользу ограничения гонки вооружений, не стремиться использовать женевский диалог как ширму для достижения военного превосходства над СССР и его союзниками по Варшавскому Договору.

На фоне конструктивной политики СССР обычная ложь, запугивающая обывателя «угрозой с Востока», не срабатывает. «Уж коли сверхдержавы сели за один стол в Женеве — значит, наравне им отвечать за напряженность в мире»,— твердят нам. На первый взгляд это, казалось бы, можно расценивать как поворот к большему благоразумию. В действительности же версия о «равной ответственности сверхдержав» таит в себе не меньшую опасность. Во-первых, налицо попытка одним росчерком пера снять с империализма его исторически доказанную вину за каждый новый виток гонки вооружений; во-вторых, исключить из мировых дел многие средние и малые страны, обречь их общественные силы на пассивность, доказывая, будто ответственность за международное положение несут только СССР и США.

Конечно, судьбы мира в значительной степени зависят от уровня взаимоотношений двух великих держав. Но именно сейчас, как никогда, важны усилия всех государств в борьбе за мир и разрядку напряженности. Возьмем оба немецких государства. На их отношения влияет ситуация в средней части Европы, где НАТО и Варшавский Договор непосредственно противостоят друг другу. Если оба государства — а в отношении ГДР не может быть никаких сомнений — посчитают правилом «делать все, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила война», это стало бы важным и конкретным вкладом в дело улучшения политического климата и весьма благотворно сказалось бы на советско-американских переговорах в Женеве.

Вспоминаются майские дни 1945 года. Сорок лет назад удалось создать политически неоднородный, но все же достаточно боеспособный союз для борьбы с гитлеризмом. Думается, и сегодня есть смысл вспомнить историю, а значит, и думать, как сообща прилагать силы для спасения Земли — нашего общего дома. Внешнеполитические усилия Германской Демократической Республики идут в русле совместных устремлений стран социалистического содружества, где разум и политический реализм направлены против ядерной угрозы.

От исхода женевского диалога зависит, насколько прочным окажется фундамент мирного сосуществования государств с различными политическими системами. Народы мира возлагают надежды на эти переговоры, хотя и весьма нелегко предсказать сейчас их исход. У нас в ГДР считают: в сложившейся ситуации неуместны чувства восторга, равно как и пессимизма. Необходимы терпение, выдержка, но отнюдь не бездейственное выжидание. Как всегда, когда дело касается создания основ мира и разоружения, наша страна не останется в стороне. Для решения множества проблем в мире, осуществления планов дальнейшего развития и строительства в социалистических государствах пора положить конец безумной гонке вооружений. Сколько можно отбирать у человечества средств, так необходимых для преодоления нужды? Мы хотим, мы обязаны передать своим потомкам мир целым и невредимым, избежать того, чтобы они, подсчитав, с ужасом обнаружили, какие средства бросали на ветер предки вместо использования их в интересах прогресса.

Берлин.

Незабудки

Летом минувшего года я побывал на местах боев 8-го гвардейского стрелкового полка 4-й гвардейской стрелковой дивизии. Бои эти развернулись в первой половине 1942 года при проведении так называемой Любанской операции. Человеку, впервые попавшему на новгородскую землю, трудно поверить в то, что немногим больше сорока лет назад здесь, вот в этих лесных болотах, шли кровопролитные бои. Только памятники да братские могилы, любовно убранные благодарными новгородцами, напоминают об этом.

Все остальное изменилось. Даже лес стал неузнаваем. Залечили раны вековые деревья, а молоденькие белоствольные березки и сосенки превратились в настоящих лесных красавиц. И уже ничто не напоминает о былом.

Хотя нет...

— Незабудки! — восклицает моя спутница. Их очень много. С изумленно раскрытыми глазенками маленькие голубые цветочки приютились на обочинах лесной дороги. Каждую весну раскрывают они свои нежные лепестки, чтобы взглянуть на изменяющийся мир.

Не в этих ли местах в июне 1942 года держала оборону моя вторая стрелковая рота? Я достаю из кармана старую военно-топографическую карту: да, почти рядом. Вот даже пометка на карте, сделанная красным карандашом, и только мне понятная надпись «Незабудки».

...В том уже далеком июне примерно в трехстах метрах от этой дороги вел бои стрелковый батальон старшего лейтенанта Карпова, в состав которого входила моя рота. Среди солдат батальона была девушка — санитарный инструктор Люся Шатрова, отличавшаяся не только смелостью, но и силой. Она выносила раненых с поля боя, перевязывала их, отправляла в санитарный батальон. Пожилые воины восхищались ею, а я...

Случилось так, что в день моего рождения, 8 июня, на нашу долю выпали особенно ожесточенные бои. Пять или шесть раз фашисты атаковали позиции роты. Я даже позабыл, что в тот день мне исполнилось двадцать. Напомнила Люся.

— С днем рождения,— нежно сказала она в телефонную трубку с командного пункта комбата.— Я приготовила тебе небольшой подарок, да вот комбат не пускает.

— Спасибо,— только и успел проговорить я. В ту самую минуту немцы предприняли очередную вылазку. И снова бой. Примерно через час, когда и эта атака врага была отбита, я попросил телефониста связаться со штабом батальона. Доложил Карпову обстановку.

— А Люся у тебя? — вдруг спросил комбат.

— Нет,— почему-то испугался я.

— Прошло уже с полчаса, как она ушла к вам.

Ее нашли на тропинке, соединявшей роту с командным пунктом командира батальона. Сраженная пулей фашистского снайпера, широко раскрытыми, словно удивленными глазами смотрела она в голубое небо. Гимнастерка уже окрасилась в багрово-красный цвет, а пальцы девушки еще сжимали небольшой букет незабудок.

Милые наши «незабудки» — девушки страшного лихолетья. Сколько же вас полегло на дорогах Победы! А тех, кому посчастливилось дожить до сегодняшних дней, мы помним юными и красивыми, как те цветы на лесной тропинке.

Не забываем и тех, чьи нежные руки бинтовали наши раны в военных госпиталях. Разве могу забыть эвакогоспиталь 3237 в Рязани и медицинскую сестру нашего отделения Сашеньку Захарову и ее подруг?! С первого дня все мы, привезенные с подмосковных полей сражения, чувствовали себя здесь словно среди родных сестер, дома.

Когда же они отдыхали? Бывало, ложишься спать — Саша в палате. Проснешься, Саша желает доброго утра. Она писала за нас письма родственникам, как детей, утешала, когда долго не приходили ответы на них. А ведь были мы не ангелы. Да мало ли что могли вытворять измученные тяжелыми боями и израненные люди! Сколько же надо было иметь силы воли, чтобы уметь на любую обиду отвечать неподдельной любовью и материнской лаской, хотя многим из этих «матерей», как и нам, было по восемнадцать — двадцать.

Фотография рядовой медицинской сестры Шуры Захаровой и ее подруги (к сожалению, не помню ее фамилию) заняла почетное место в моем семейном альбоме. Убежден, что такие фотографии хранятся чуть ли не у каждого фронтовика. На них запечатлены другие девушки с другими именами, одинаково дорогие для нас Сашеньки, Наташи, Машеньки, наши незабудки...

Коротенько о себе. Родился в 1922 году в Костромской области. Как только началась война, сразу же в военкомат, так как мой год рождения еще не призывался. Повезло — 26 июня был зачислен в ряды Красной Армии. Несколько месяцев учился в Тамбовском пехотном училище. Когда ухудшилось положение под Москвой, написал рапорт с просьбой направить в действующую армию. Зачислили в 19-ю отдельную курсантскую стрелковую бригаду. Участвовал в обороне Москвы, а с 6 декабря бригада перешла в наступление. В конце декабря был ранен. Из госпиталя — на Волховский фронт. Командир роты. Летом сорок второго был тяжело ранен. Долго лечился в различных госпиталях, после чего получил назначение на работу в райвоенкомат. В действующую армию попал только в конце войны, уже на Дальний Восток...

П. КОНСТАНТИНОВ

пос. Островское
Костромской области.

Медсестра эвакогоспиталя (слева) Саша Захарова и ее подруга. Конец 1941 — начало 1942 года.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Полуночное солнце

Пронзительно бьет в глаза полуночное солнце. Который уж час идет густой июньский снег. И все белым-бело. Норильск как Норильск. Много раз бывал здесь — и в минус пятьдесят, и в плюс тридцать. Однако жарким Норильск в памяти почему-то не остается, не идет ему жара. Вот и сейчас...

Помнится, зимой семьдесят девятого средняя температура воздуха была здесь на 10,3 градуса ниже нормы. А в нынешнем году в начале апреля выдался вдруг день с десятиградусной «жарой». День этот, верно, будут вспоминать и через сто лет. Потому что и через сто лет здешний климат вряд ли переменится. Как останется прежним дух Норильска, особое, удивительное человеческое состояние.

Три с половиной месяца назад в Ленинграде в возрасте 92 лет умер великий человек, профессор Николай Николаевич Урванцев, первооткрыватель Норильского месторождения, первый житель Норильска, почетный его гражданин. Сейчас в городе 265 тысяч человек. Его истории пятьдесят лет, столько же, сколько горно-металлургическому комбинату.

«Уралмаш», Магнитка, ЗИЛ, Сталинградский тракторный... Каждое из этих предприятий — отдельная страница в истории Советского Союза. Норильский комбинат — в их числе.

Вехи Норильска — судьбы людские. Открытие движения по узкоколейке Дудинка — Норильск. Пуск опытного металлургического завода, а вскоре и опытной обогатительной фабрики. Это все предвоенные события. За каждым из них нечеловеческие усилия, борьба за руду, за металл.

...Была зима сорок второго, страна и армия ждали первый норильский металл. А в Норильске на сорокасемиградусный мороз накладывался ветер — десять метров в секунду, что по нынешним нормативным актам добавило бы еще этак градусов двадцать холода. Не было тогда этих актов, но пусть и были, что изменили бы? Шла война... В феврале здесь, на Таймыре, морозы усилились. Находиться на воздухе дольше получаса было почти невозможно. Однако день и ночь не прекращались монтажные работы, чтобы как можно скорее пустить первые плавильные агрегаты большого металлургического завода. Строилась высокая дымовая труба... 69-я широта... Температура — минус сорок семь градусов... Наверху ветер 14 метров в секунду. Температура внутри плавильного цеха такая же... Страшные сквозняки... Много обморожений.

В 16 часов 23 февраля на работу вышла первая смена металлургов. Печь долго не набирала нужную температуру, значит, пока нельзя было загружать и плавить руду. А так хотелось выдать первую плавку штейна — подарок ко Дню Красной Армии... Лишь только в два часа ночи по норильскому времени машинист мостового крана Петр Алексеев принял первый ковш норильского большого штейна. Как жаль, что лишь только в два часа за полночь. И тут кто-то простуженно крикнул: «В Москве еще только десять часов вечера 23 февраля. Успели, товарищи!!!»

Но торжество не состоялось. На него уж не оставалось сил.

В архивах Норильского горкома партии я обнаружил выступление директора комбината Авраамия Павловича Завенягина:

«Война и обстановка острейшей нужды нашей страны предъявляют к Норильску чрезвычайно большие и срочные требования. В действительности от вашей работы, от вашей продукции зависит очень многое во всей нашей промышленности, зависит очень многое в борьбе, которую ведет Красная Армия... А вы знаете, что никель нужен, что танки, знаменитые КВ, сильны прежде всего из-за никеля... Никель решает качество вооружения, решает качество боеприпасов, решает мощь Красной Армии, в значительной мере решает судьбу войны... Поэтому задача перед Норильском такая: дать как можно быстрее, как можно больше никеля... Задача поставлена в упор. Отсрочки на ее выполнение не будет дано».

Отсрочки и не потребовалось. Вот что значил Норильск для страны. Роль его столь же велика и сейчас.

* * *

В конце пятидесятых годов стали поговаривать об истощении Норильского месторождения. Но в августе 1960 года из скважины КЗ-21 был поднят рудный керн. Так началась история Талнаха, а с ней и вторая жизнь Норильска.

Однако до оконтуривания месторождения, до подсчета его запасов было еще далеко. Некоторые скважины приносили разочарование, хотя было уже достаточно данных, что рудное тело будет богатым.

В числе тех, кто верил в богатырскую силу Талнаха, был директор комбината Владимир Иванович Долгих, вложивший немало сил, энергии и точного инженерного расчета в его развитие и в строительство Норильска.

Не были пока приняты соответствующие постановления, не были выделены средства. Но директор, как, может быть, никто другой, понимал, что такое Талнах для государства. А потому нельзя было терять время. По указанию Долгих был заложен рудник, начал строиться поселок. Сейчас он связан с Норильском великолепной дорогой, проложенной через сопки. А тогда по зимнику шли сотни автомашин с цементом, кирпичом, металлоконструкциями. Линию электропередачи тянули в жестокие морозы. Темпы и еще раз темпы! В Талнахе выиграли самое малое три года.

Это была победа духа Норильска!

Из моей давнишней записной книжки:

«1974 год. Сдана в эксплуатацию первая очередь «Октябрьского» — третьего рудника Талнахского промышленного района. Смену я провел там, на 800-метровом горизонте, в передовой добычной бригаде Николая Николаева. Кстати, восемь членов бригады — мастера спорта по классической борьбе. И сам Николаев тоже. Бригада очень большая, 65 человек. Спрашиваю Николая: «Зачем столько? Ни денег, ни славы тебе это не прибавит. Лишних же хлопот сколько угодно». Его ответ: «Будь я строителем, то, наверное, только большие дома строил. А моя выработка за смену — вон какая гора получается. Чуешь разницу?»

Это все люди Норильска.

* * *

Костю Злотникова принимали в партию... «Медный завод? Хорошо. Мастер плавильного отделения? Прекрасно...» Что двадцать пять лет всего от роду, тоже никого не удивило, в Норильске сейчас снова мощный поток молодежи выдвинулся, третий за полвека.

Но когда члены бюро горкома услышали, что работает Костя на печи жидкой ванны, все не просто оживились, но явно обрадовались. Еще бы! О ПЖВ знали все, весь Норильск внимательно следил за ее напряженной жизнью, которая не прекращалась ни на минуту уже девять месяцев. Именно ни на минуту, вот главное, что в корне отличало ее от всех предшественниц. Все понимали: в технологии и технике получения меди сейчас вершилась революция. Девять месяцев непрерывной работы принципиально новой печи означали многое.

Костя почти наверняка знал, что сейчас разговор пойдет о делах в цехе, о трудностях и перспективах, и, честно говоря, не очень волновался.

— Ну, и сколько, Константин Петрович, проработает еще ваша печь без остановки?

— Как минимум полгода,— выпалил Костя, даже не вздохнув. На лицах членов бюро он увидел одобрительные улыбки: поверили. Какникак мастер!

Но через день случилось непредвиденное: печь вышла из повиновения. Встала. Злотников места себе не находил. Еще клял себя за это заявление перед самим бюро горкома.

Ну, да ладно. Надо смывать пятно, разбираться, в чем дело, и снова вперед! Месяц разбирались, устраняли неисправности и готовили печь. Запустили. С тех пор прошло уже СЕМНАДЦАТЬ месяцев. И ПЖВ ни разу с дыхания не сбилась, установив тем самым рекорд из рекордов.

А за это время на медном заводе произошло еще одно выдающееся для комбината и даже всей нашей цветной металлургии событие: закончилось сооружение, пущена ПЖВ-2 — еще более мощная, производительная, более современная печь жидкой ванны с тысячеградусной температурой.

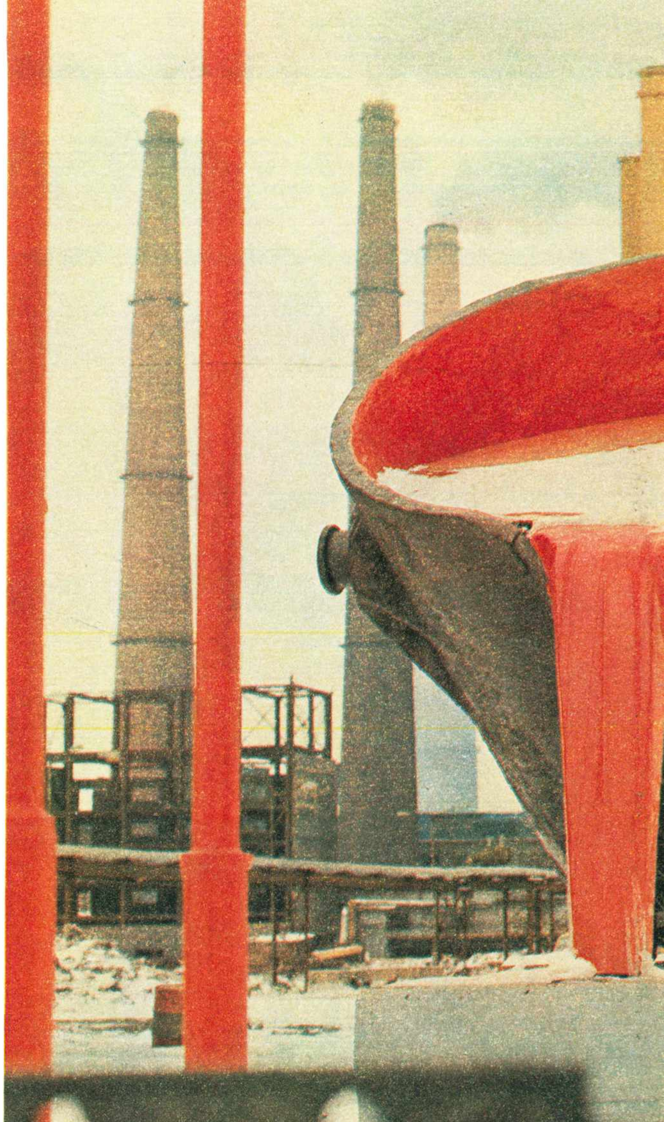
История создания технологии и техники ПЖВ давняя, более чем полувековая. Печь-автомат, в которую непрерывным потоком грузятся руда и концентрат, а оттуда так же непрерывно вытекает тысячеградусный штейн, важнейший промежуточный продукт технологической цепочки получения высокосортной меди,— о такой печи мечтали металлурги всех времен.

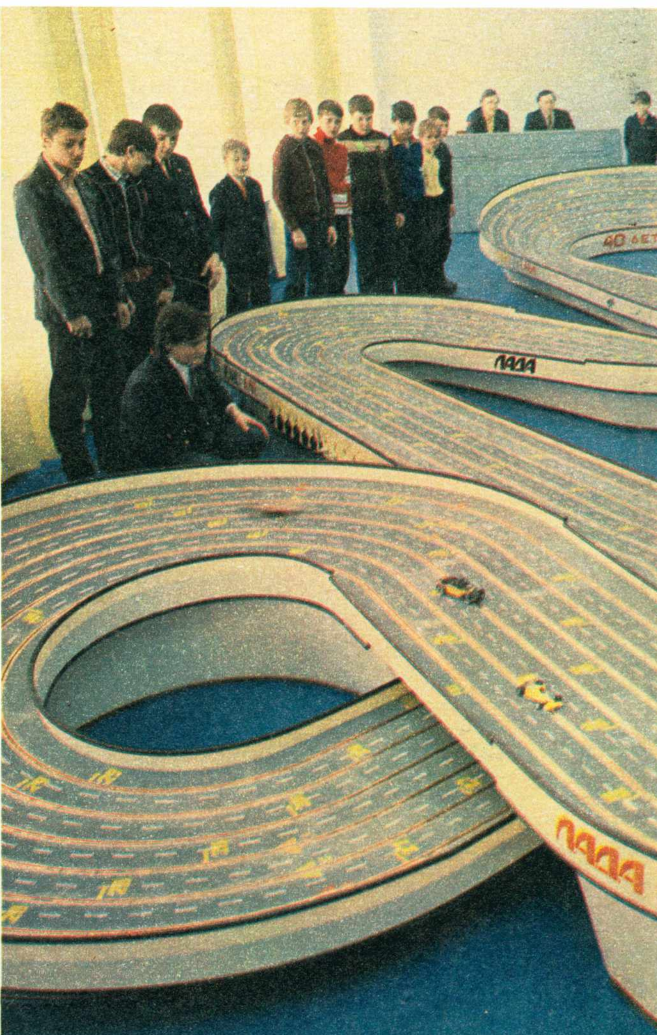
В довоенные годы металлургам не удалось добиться намеченного. Позже профессор Московского института стали и сплавов А. В. Ванюков, продолжая дело своего отца, разработал долгожданную технологию, и в 1977 году в Норильске начался промышленный эксперимент. Трудно, мучительно он начинался. Печь работала по часу, два, по пять. То и дело останавливалась. То и дело проводились переделки конструкции, замена материалов.

Норильск. Двадцать пять лет работает на никелевом заводе бригадир плавильного отделения Николай Николаевич Михайлов, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР * Разливка металла на Надеждинском металлургическом заводе.

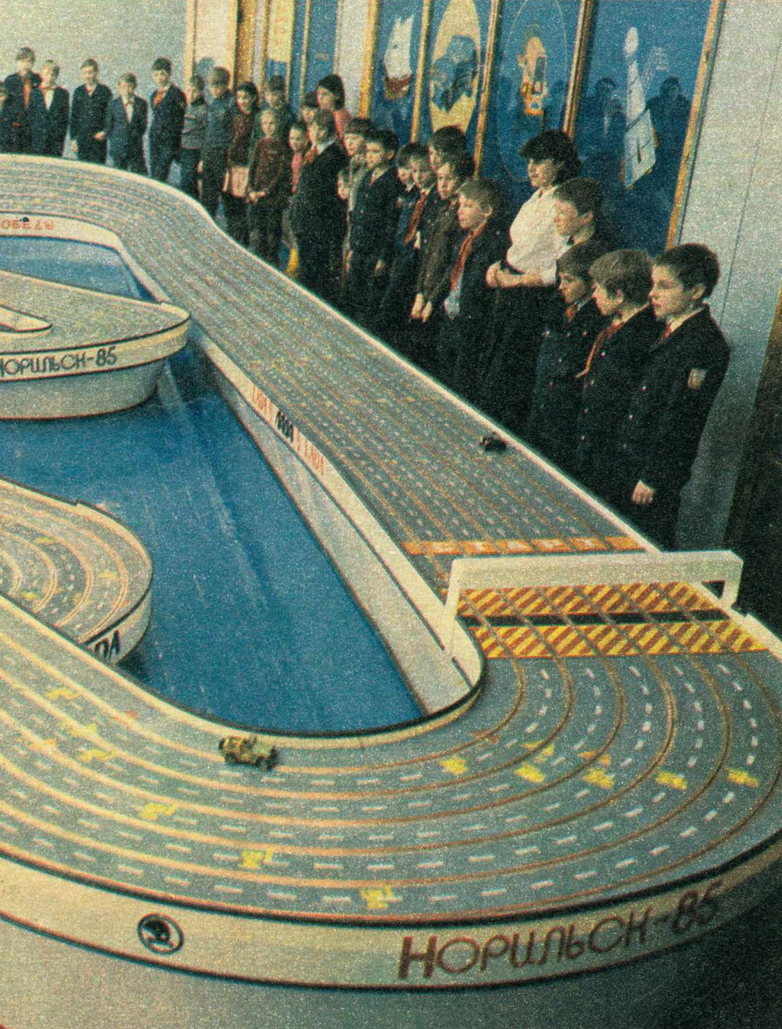
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В магазине «Космос» * Символический «ковш металла» у медного завода * На станции юных техников ребята сделали автотрассу «Полярный круг» * Универсальный дом бытовых услуг «Норильск».

ЛАДА

ЛЕНИН • ПАРТИЯ

НОРИЛЬСК-85
НОРИЛЬСК-85

Было не только неверие. Был страх. Конструкция печи исходила из идеи охлаждения ее корпуса водой. Но металлурги испокон веков знали, что соседство воды с расплавленным штейном очень взрывоопасно. Иные даже опытные рабочие приходили к начальнику анодного отделения В. И. Михайлову: «Отпусти, Иваныч, нервы не выдерживают». Отпускал, конечно. Но таких было немного. На монтаж и ввод печи в действие брали только добровольцев. Их оказалось значительно больше, чем требовалось.

А взрыв все-таки произошел, но не там, где, казалось, его можно было ждать, а в другом месте: в ковше, приготовленном для слива шлака. В нем оказалось немного талой воды, утаившейся за пленкой пыли. Но этого оказалось достаточно, чтобы рвануло...

ПЖВ еще раз напомнила, научила: тысячу раз — внимание! Ни на секунду не спускать глаз с транспортера загрузки, с приборов! Автоматика требовала тщательного контроля.

На пуск приходили ребята с отражательной печи. Смотрели, восхищались, качали головой, завидовали: еще бы, им только для того, чтобы закрыть шлаковое окно, какую силушку надо потратить. А здесь повернул рукоятку — и готово! Но это все стало понятно и ясно не сразу.

Несколько десятков переделок выдержала печь. Выдержали люди. Отчаяние и неверие отступало. Печь проработала месяц, потом два. Перешла из разряда экспериментальных в полупромышленные. Уже было показано, подтверждено, что в расчете на один квадратный метр пода ПЖВ в шестнадцать раз производительней обычных, традиционных отражательных печей, которые стояли, работали здесь же в плавильном цеху и, должно быть, теперь чувствовали себя неуютно. Что делать? В двадцать первый век дорога отражательным печам заказана. Тут сомнений нет. Эта мысль уже не висела сомнением в тяжелом воздухе плавильного цеха, она была ясной, как июньская ночь над Таймыром.

И даже неожиданный сбой после девяти месяцев непрерывной работы в принципе ничего не изменил. ПЖВ доказала право на жизнь. «Хай живе ПЖВ!» — сказали в Норильске. И повторили в Москве.

И вот к началу нынешней лютой зимы созрела в умах, чертежах, расчетах ПЖВ-2, следующая печь, которой надлежало стать совершеннее, умнее, «урожайнее» сестры-предшественницы. Нужно было лишь ее построить, причем в «живом» плавильном цехе, где нет лишних производственных площадей, где некого потеснить, где нельзя остановить действующее производство — конвертеры и отражательные печи.

И никаких корректировок плана. Так решили на медном заводе. Так доложили руководству комбината и горкому партии. Им едва верили. Как можно уложить в три месяца строительно-монтажные работы? И запустить печь, и отработать, вывести ее на нужный режим? Как? А ведь вполне возможно, что не все пойдет гладко.

Учитывая чрезвычайную важность объекта и сложность ситуации, горком партии организовал совет секретарей партийных организаций предприятий, участвующих в работах по строительству и вводу в действие ПЖВ, возглавил его первый секретарь горкома Игорь Сергеевич Аристов.

Повторяю: работать предстояло при действующих рядом печах, а значит, с противогазами, которые от тяжелого дыхания — ведь усилия, усилия-то какие! — покрывались не только изморозью, но льдом, и его то и дело приходилось откалывать.

Над головами проплывали чаши со штейном, выпущенным из отражательных печей. Их же чаша пока пустовала. Ждала своего часа. А чаша терпения казалась бездонной.

Да, смонтировать печь, пусть даже быстро,— это еще не все. О том говорил и опыт ПЖВ-1. Дорогой, тяжелый опыт. Металлурги знали, что сбои будут. Но кто мог предвидеть, что неудачей обернется первый же день работы новой печи — 6 марта?

И снова потекли долгие дни и долгие ночи, чтобы прежде всего выяснить: в чем причина неудачи? Что не просчитали, не учли? Или не доглядели?

Через несколько дней все уже было ясно: дали чуть более интенсивный, чем нужно, режим загрузки шихты, и временно отключилась подача кислорода. Вот две причины — нестрашные, «рабочие», устранимые. Но, наложившись одна на другую, они привели к тому, что 180 тонн полурасплавленной, вязкой шихты предстояло теперь из печи извлечь. Как? Взрывом, конечно, дело известное. Прожечь кислородом шпуры, заложить патроны и рвануть. Все выполнимо, но время, время! Двадцать дней ушло на очистку, наладку, подготовку печи к работе. Точнее, двадцать суток. Ни бригадир Быков, ни Злотников, ни Михайлов не могли теперь вспомнить, сколько они тогда бывали дома.

И вот наступил день нового старта. Тоненькая струйка расплавленного металла появилась неожиданно и совсем не там, где ее ждали.

— Ребята, воздух! — крикнул Быков. Он знал, что такое бывает. Что пока кладка печи не пропитается штейном, металл обязательно найдет себе лазейку. Надо только глядеть в оба. Так и глядели. И увидели. Через несколько мгновений холодный водно-воздушный душ заставил раскаленную массу свернуться, словно кровь, и застыть надежной пробкой.

6 апреля в 19 часов 20 минут первый ковш расплавленного металла обозначил время и дату рождения новой печи. Право открыть мемориальную доску было предоставлено заслуженному металлургу СССР В. Л. Быкову как бригадиру плавильщиков и бригадиру строителей П. Ф. Бекулину. Они разрезали ленту. Спало покрывало, грянули аплодисменты, и все увидели начертанные на бронзе слова: «ПЖВ-2 — трудовой подарок строителей 50-летию Норильского горно-металлургического комбината».

Печь задышала. Все полнее и мощнее. Люди почувствовали, поверили, что теперь дело пойдет, что кончились волнения и бессонные ночи. В конце концов они просто заслужили это неистовым трудом и преданностью. Духом норильским.

Как младенца, одна смена передавала печь другой — с рук на руки, осторожно, с любовью. И каждый раз плавильщики, отработав смену, домой подолгу не уходили. Все смотрели и смотрели, как из разверзнутой пасти миксера несется ликующая лава.

Вечером в день пуска Быкову позвонил из Москвы сын Игорь. Он знал о треволнениях отца, ждал, беспокоился. И не просто так, а профессионально. Четыре года назад, когда парень оканчивал девятый класс, Валерий Леонидович, тогда старший плавильщик на ПЖВ-1, привел сына к печи:

— Вот гляди, Игорек, чем я живу.

Так сын и зачастил на медный завод. А когда окончил школу, сомнений в том, что делать дальше, уже не было: только в Москву и только в Институт стали и сплавов. И только на факультет металлургии цветных, редких металлов и сплавов. Сейчас Игорь занимается на кафедре профессора А. В. Ванюкова. Да, того самого, автора технологии «Печи жидкой ванны». Это к вопросу о том, что такое отцовское счастье рабочего человека.

К своему же Валерий Леонидович шел более сложным и долгим путем. Мог ли он думать, что будет руководить работой на самом современном медеплавильном агрегате, когда сначала судомехаником, а потом штурманом плавал на дизель-электроходе «Михаил Лермонтов» по Енисею? Впрочем, как сказал горновой Сергей Енин, в прошлом штурман дальнего плавания, слово «плавильщик», видимо, происходит от слова «плавать».

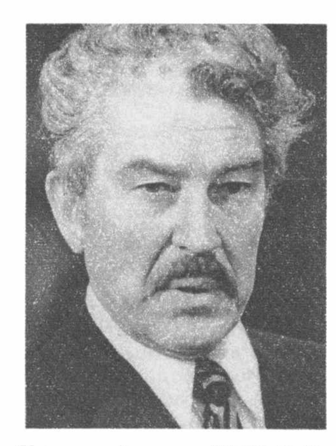
В апреле цех выдал сотни тонн черновой меди сверх плана. Это вселило уверенность: задолженность государству, образовавшаяся за счет реконструкции и наладочных работ, вскоре будет ликвидирована.

Так оно и стало. Майский сверхплановый показатель оказался выше еще в полтора раза. Это была уже сольная партия ПЖВ. Цех с лихвой вернул долг государству.

...Летом в Норильске мне часто снятся белые сны. Идет снег. Пронзительно бьет в глаза июньское солнце. Дневное и полуночное. Сейчас оно самое высокое...

На прогулке семья Ванды и Эдуарда Шенделовых * В детском кафе «От двух до пяти».

театр

Народный артист УССР П. Н. Кленов в роли Любомирова.
Фото Ю. Хромушина.

РОЛИ ПАВЛА КЛЕНОВА

Судьба сельского парня из деревни Княжево Тамбовской области Павла Кленова, казалось, была предрешена: отец не без основания считал, что сын продолжит их древний род строителей. А жизнь распорядилась иначе.

В студии при Ростовском драматическом театре имени М. Горького учебный год был в разгаре, когда сюда пришел двадцатилетний старшина П. Кленов. Он был так настойчив, что художественный совет не выдержал натиска и решил все же попробовать его творческие силы. Посреди экзамена главный режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР И. Ефремов коротко сказал: «Зачислить в мою группу».

Вскоре ему, еще студийцу, доверили первую роль — шофера Минутки в «Победителях» Б. Чирскова. Кленов обрадовался: представилась возможность «досказать» о войне, которая началась для него на дорогах Смоленщины. Молоденький, еще не обстрелянный помощник командира взвода автоматчиков, он поднимал бойцов в атаку. Там, под Ржевом, Кленов был тяжело ранен.

С первой же роли П. Кленов заявил о своем интересе к темам нашей современности, которые станут главными в его творчестве. Придут на сцену Рябинин из «Юности отцов» Б. Горбатова, Валько из «Молодой гвардии» А. Фадеева, Осокин из «Это я — ваш секретарь» И. Штока...

При всей своей непохожести образы эти объединяют духовная значительность и романтическая окрыленность, высокая гражданственность и большая человечность.

За сорок лет сценической деятельности народный артист УССР П. Кленов создал более двухсот образов. Он играл героев Вс. Иванова, К. Симонова, К. Тренева, В. Шукшина, Ю. Германа, А. Калинина, из классики — А. Островского, В. Шекспира, М. Горького.

В юбилейной афише театра, посвященной 40-летию Великой Победы,— «Белая палатка» И. Стаднюка, где Павел Кленов в роли Любомирова рисует характер мужественный, жизнестойкий, волевой. И еще одна постановка — документальная пьеса драматурга Г. Довнара «Вышел я в степь Донецкую...» о стахановцах Донбасса. В ней Кленов играет роль забойщика шахты Порфирия Гришина, который вместе с Алексеем Стахановым стоял у истоков патриотического движения новаторов. Сегодня они ровесники — и шахтер, и артист. В былые годы, когда Кленову приходилось играть возрастные роли, зрители прочили ему «вечную молодость». К счастью, прогнозы сбылись, несмотря на его шестьдесят лет, наполненных трудом художника.

Белла БЛАНК

Станислав КУНЯЕВ

Незадолго перед смертью в разговоре с молодым литератором Сергей Есенин обмолвился: «Ищи родину! Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет! Нет поэта без родины!»

На первый взгляд призыв этот звучит несколько странно. Что значит «искать родину»? Разве неясно, что она вокруг, рядом, куда ни глянь, как земля, как воздух? Но в словах Есенина живет страстная мысль о том, что судьба поэта должна быть постижением родины, деянием, которое никакому таланту легко не дается.

Может статься, что семидесятые годы и были тем сгустком истории для поколения поэтов, раскиданных войной и временем по просторам страны, когда большинство из них осознало всю значимость любви к дому, к почве, к устоям, без которых жизнь продолжаться не может. Безотцовщина вдруг почувствовала, что такое отцовство, от которого рукой подать к ощущению отечества. Да к тому же и грозный ветер времени в течение этого отрезка не раз сдувал пыль с нашего патриотического чувства, не давая ему «впасть в забытье». И не случайно же многие, уже вступившие в пору поздней зрелости поэты, подводя предварительные итоги жизни и творчества, щедро отдали дань этому чувству.

Так свершается шаг в познании родины, связанный с участием в ее судьбе человека, с открытием, которое каждый из людей делает в свой час для себя; кроме родства с землей и небом, лесом и рекой, существует родство с временами и поколениями, с народом и человечеством. Но не полюбив близких своих, не имея за душой малой родины, на которой рождается опыт любви, трудно нащупать дорогу к «общечеловеческому».

Потому в нашей поэзии по-прежнему светится северное небо Николая Рубцова, блещет синевой волна Селигера из стихов Владимира Соколова, дышит воронежская земля Анатолия Жигулина, тоскует по западносибирским просторам перо Василия Казанцева, все чаще возвращается памятью к «гнезду своих отцов», для того чтобы осмыслить сегодняшнее время, муза Николая Тряпкина, и эта сосредоточенность не мешает им жить тревогами всей страны, всего человечества. Поэзия — общее дитя земли, истории и души, обитающей на родной земле. Недаром когда-то Федор Михайлович Достоевский страстно вопрошал сам себя: «Неужели же в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя, и хоть и оторвешься, так все-таки назад свалишься...»

Бытует, однако, и другая точка зрения на этот процесс.

Так, критик С. Чупринин в публикациях последнего времени последовательно отстаивает тезис о том, что в русской поэзии последних полутора десятилетий явствен «мотив отпадения от семейно-родового ствола».

Доказывая свою мысль в статье «Рубеж», С. Чупринин обращается к опыту такого своеобразного, немолодого, но недавно по-настоящему вошедшего в литературу поэта, как Геннадий Русаков. Через двадцать лет после выхода первой книги Русаков, в сущности, ровесник И. Шкляревского, Ю. Кузнецова и даже Н. Рубцова, написал вторую, насыщенную горьким чувством до сих пор длящегося послевоенного одиночества и детдомовской безрадостности:

Русаковы, скупая родня!
отзовитесь — охрипну от воя:
кто-нибудь отыщите меня
в детприемнике под Лозовою.

Кто я вам — пятиюродный брат?
Однокровник по ветке убогой?
Тридцать лет и три года назад
Отыщите меня ради бога!

Где я вас растерял на земле?
Где золою родство наше стало?
Хоть ладони погрею в золе...
Опоздал — и ее разметало.

Стихи впечатляющие, конечно. Но дело в том, что критик, уловив некоторую гипертрофированность, некоторую обостренность заключенного в них чувства, построил вокруг него целую концепцию развития поэзии в семидесятые годы. Цитирую: «Их ведущий лирический мотив — мотив отпадения от семейно-родового ствола, потеря чувства гармонической сращенности с миропорядком (а значит, и защищенности этим миропорядком)».

Сказано слишком смело. Что имеет в виду критик в своем рассуждении под весьма серьезным словом «миропорядок»: устои народной жизни, или государственности, или быта, или нравственности, или все сразу — он не расшифровывает, но та безапелляционность, с которой делает свой вывод, выглядит по меньшей мере странно. Как будто ему обязательно хочется выделить из разнообразного и богатого творчества поэтов (а упоминает в статье критик В. Устинова, Ю. Кузнецова, И. Шкляревского) лишь то, что свидетельствует о сиротстве, одиночестве, распаде времен и поколений, беззащитности человека в современном «миропорядке».

Думаю, делая, например, безрадостный вывод о том, что «лирический герой устиновских од и гимнов чувствует себя чужаком, незваным гостем на празднике жизни...», критик очень упрощает и обедняет творчество Валентина Устинова ради того, чтобы уложить его в прокрустово ложе своей концепции «отпадения»... Но в благодарной памяти остались и те, кто спасал, обогревал и выхаживал нас — все то же добро и милосердие, живущее в народе, все те же русские женщины, о которых с такой благодарностью пишут многие. В эту чашу благодарности вносит свою лепту и память Валентина Устинова:

Судьба над ней стенала, голосила,
но в каплях пота, как ни голоси,
она косила, милая косила,—
беспаспортная женщина Руси.
И обживая сонный сеновал,
Я слушал ветра смутные рыданья.
И от любви страдая, тосковал.
Но из страданья зрело состраданье.

Нелегкое бессемейное детство воспитывает в человеке самостоятельность и волю частенько за счет других свойств — добра, милосердия, нежности. Но о чем бы ни писал В. Устинов в своих поэмах — о тяжести рыбацкой путины, о воинской службе, о спорах со своим ровесником-немцем,— надо всем и превыше всего он ставит вопросы: как жить дальше? Как увязать кочевую судьбу с жизнью отцов и дедов, с судьбою малой родины?

И когда я ушел от погоста
По синему полю,
И когда мимо сруба
Промял до халупы тропу —
Знал, что должен исполнить
Последнюю дедову волю,
Знал,
Что должен достроить
Заветную эту избу...

Дом... Именно так называется знаменитый роман Федора Абрамова, именно с домом связывает будущее своего рода герой поэмы Валентина Устинова.

Судьба Николая Рубцова тоже детдомовская: но ведь нет же и в его поэзии лишь безысходной сиротской тоски, нет потому, что родную речку, село, березу, серое небо над детдомом — словом, все приметы малой и большой родины, вплоть до «таинственных звонов Кремля», то есть до государственности, тоже защищающей человека в «миропорядке»,— все это Николай Рубцов, писавший «неоскорбляемой частью души», воспринимал как явления, родственные «семейно-родовому стволу», потому-то он и смог выдохнуть:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Да мало ли у нас поэтов, переживших детдомовские годы, военное и послевоенное сиротство? И словно бы споря со всеми грядущими скептиками, наш выдающийся лирик оставил недвусмысленное и прямое свидетельство несокрушимой веры в жизнь:

В этой деревне огни не погашены,
Ты мне тоску не пророчь.
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Кто мне сказал, что во мгле заметеленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны,
Кто это выдумал, друг?

С. Чупринин не одинок в тщательных поисках всяческих свидетельств распада «семейно-родовых» связей в поэзии бывших «детей войны». Вот и Лев Аннинский утверждает в статье, посвященной творчеству Алексея Прасолова («Литературная Россия», 16 ноября 1984 года): «Мир лирики Прасолова — изначально раскол. Нет ощущения дома, крова, почвы — есть сквозное бездомье, кочевье, вечная смена временных пристанищ...», «Алексей Прасолов не знает земли, как почвы, как пашни, как щедрого материнского лона — он поэт надлома земли, он знает землю, как прах, как пепел, как руины...»

Но, как это часто бывает, читаешь одно стихотворение за другим и начинаешь сомневаться в правоте критика. Прасолов даже в «опустелом доме» ощущает «дух тепла», и его воспоминания становятся частью реальной жизни.

Поэт постоянно ищет, как связать «сегодня» и «вчера», «прежде» и «вновь», связать буквально кровной связью:

Мать, это сходятся в сердце и доме
Неразделимые п р е ж д е и в н о в ь,
Видишь на свет — в темножилой ладони
Чутко и розово движется кровь.

Замечательно непосредственное выражение чувства поэта, наблюдающего всход зерна,— его порыв из теплой почвы к солнцу, когда он видит, как проклюнувшийся росток:

В пласт тяжелый упираясь,
Напрягает острие —
Жизни яростная завязь,
Воскрешение мое.

Пробивающийся из почвы росток, родная кровь в «темножилой» руке, «чуткая», «розовая», юная жизнь, «что в щеки мне дышит холодным смеющимся ртом», мудрая старость — Старуха-праматерь, взирающая на своих потомков, подвластных «одобренью ее и суду», жизнеродящая почва и жизнеродящая женщина на ней — вся эта «живая», «веселая», «почвенная», «земная» поэтическая стихия Прасолова опирается на миропорядок народной жизни, утверждает связь времен и поколений.

Конечно, Прасолов жил тяжело, и в его поэзии мы найдем немало мучительных и не решенных им вопросов, многие его стихи дышат трагическим чувством — время и судьба не были благосклонны к нему. Но тем не менее, входя в мир Прасолова, надо помнить вещие слова Александра Блока:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Поэзия неизбежно, неся в себе основы трудовой нравственности, стояла и будет стоять на другой опоре бытия — на любви, а любовь в первую очередь, естественно, связана со словами «мать», «жена», «сын», «отец», «семья», «родина»...

Без такой любви не может существовать и любовь к человечеству, не может существовать поэзия. Если внимательнее и непредвзято присмотреться к нынешней поэзии, то не стоит большого труда увидеть, что самые разные по стилю и убеждениям поэты, страдающие от недостатка любви в мире, стараются по мере сил восполнить дефицит этого чувства. Примеров тому множество. Отцовское чувство Валентина Сорокина исторически конкретно и всегда связано с судьбой народа и родины, с ее надеждами на будущее:

Чтоб дни мои летели по планете
В раздольно полыхающем рассвете,
Росли цеха, шумели клевера,
И, как цветы, у нас рождались дети:
С десяток этак или с полтора!

Пусть бой — так бой,
работа — так работа,
Чтоб каждый шаг земного поворота
Наследовали гордые сыны,—
От пахаря до звездного пилота,
От слесаря до маршала страны.

А разве не показателен тот факт, что в стихах Игоря Шкляревского столь часто повторяется благодарность судьбе за счастье чувства к отцу, к брату? И не случайна в стихах Шкляревского страстная жажда собственного отцовства, жажда, превратившая стихотворение почти в молитву или в заклинание:

В колодце плавает листва.
Молчит холодная долина.
С утра один пилю дрова.
О боже правый, пошли мне сына.

Здесь можно вспомнить и Евг. Евтушенко с его темой отцовства:

Благослови, господь, семью — творения
венец.
На головеночках детей покоится земля.
Святая троица земли — Ребенок, Мать, Отец,
И человечество само не что-нибудь — семья...

Нет, никак не могу согласиться, что главный мотив поэзии семидесятых — «мотив отпадения от семейно-родового ствола». Скорее процесс был обратным: преобладал поиск родственных чувств, семейных устоев, кровных и духовных связей. А если даже бегло присмотреться к названиям книг, издававшихся в этот период, то одни их названия (а в заголовке, как известно, автор стремится выразить суть книги) будут явственно противоречить выводам наших критиков: Евгений Евтушенко — «Отцовский слух», Владимир Савельев — «Малая родина», Владимир Гордейчев — «В кругу родимом», Игорь Шкляревский — «Брат», Григорий Корин — тоже «Брат», Владимир Костров — «Дорога на родину», Александр Говоров — «Отцовство», Олег Поскрёбышев — «Отчий дом», Виктор Кочетков — «Материнское окно» и т. д. Ведь недаром же именно тогда снискала необычайную популярность песня «Родительский дом» на стихи Андрея Дементьева, выражавшая, видимо, какие-то существенные ритмы общественного пульса.

Я понимаю, что мне легко можно возразить: ломится, мол, в открытую дверь, проповедует общие места, аксиомы... Но что делать! На этих аксиомах жизнь держится, а от добра добра не ищут. Сию истину хорошо понимал Пушкин, когда в письме к П. А. Плетневу шутливо писал о серьезных основах бытия, покоящихся на связи поколений и естественной стихии родства: «Жизнь все еще богата... дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо».

Надо сказать, что обо всех этих заботах уже задумались и поэты следующего поколения. Поэт из Кемерова Николай Колмогоров родился после войны, но его тоже не миновала чаша безотцовщины. Однако он нашел в душе силы для жизнеутверждения. Не случайно одна из его книг называется «Дом». Это дом уже не отцовский, а свой, собственный. Дом его детей.

Отчетливо, как никогда доныне,
Увижу вновь январскую тайгу,
Сибирь мою и снегирей в полыни,
И лед ручья, мерцающий в логу,
Домишки, спящие о трех дорогах,
Невесть куда пробитых внутрь зимы,
Ребят под пологом пространства
белолобых
И их родителей в горячей дреме тьмы...

Людские судьбы, естественные и сложные отношения людей друг с другом, попытка нащупать истоки добра и человечности не где-нибудь вообще, а на родной земле, рядом с собою — все больше и больше заботят молодого поэта. Значит, он приближается к новому рубежу зрелости и ответственности за «семейно-родовые судьбы». Все чаще его муза от созерцания природы, от разговора с травами, с небом, с вешними ручьями тянется к человеческим душам.

Каждое поколение в известной степени повторяет и не может не повторить главных, стержневых, коренных путей человеческого бытия в новых исторических условиях. Да, жизнь не в силах воскресить старую, кровную связь прошлого дня, но она в силах создать новую и одновременно перевести материальное родство, ставшее золой, в иную область, тоже необходимую для жизни,— в духовную.

В этом и есть задача настоящей поэзии.

среди книг

ИМЯ ЗВУЧИТ НАБАТОМ

Книге доктора исторических наук В. И. Новикова «Жизнь, отданная борьбе» предпослан эпиграф: «...Мой путь давным-давно намечен, свернуть с него — значит убить свою совесть». Слова эти принадлежат Н. Э. Бауману, ему и посвящен труд В. Новикова. Если говорить о жанре, то эту книгу, пожалуй, можно поставить на грани исторического исследования и документальной повести. Автор глубоко проникает в социальные, политические и экономические процессы, происходящие в России в конце XIX и начале XX века, когда в стране зарождалось революционное движение пролетариата, создавалась марксистская партия рабочего класса.

Многие страницы книги написаны с подкупающей живостью и волнением. Это прежде всего судьба Николая Эрнестовича Баумана и Капитолины Поликарповны Медведевой, которых свела подпольная работа. Они полюбили друг друга и рука об руку пошли трудным и героическим путем революционной борьбы.

В. Новикову средствами документалистики удалось создать образ поистине легендарного человека, с твердыми убеждениями, крепким характером и волей. Автор прослеживает жизненный путь Н. Э. Баумана с юношеских лет. Сама жизнь учила Николая Эрнестовича борьбе, его неуемная революционная страсть искала выхода, и он направляется в Петербург. Здесь он становится активным участником «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», ведет пропагандистскую и организационную работу. Царская охранка сразу же почувствовала в Баумане врага и не спускала с него глаз. Последовали Петропавловская крепость, ссылка в Вятскую губернию, побег... Киевская тюрьма, снова побег, эмиграция... Тяжкое противоборство революционера с ищейками царизма, в котором Бауман находился буквально с первых шагов подпольной работы и до часа трагической гибели, изображено автором убедительно, с сюжетной напряженностью, политической остротой. Исследователь выразительно показывает черты характера несгибаемого борца, искусного конспиратора. Ему были присущи оптимизм, вера в рабочий класс, в его неминуемую победу.

«Я молод, силы мои не подорваны — жизнь моя впереди»,— писал он родителям из глухого каземата Петропавловки. В этих словах был весь Николай Бауман, в будущем активный агент ленинской «Искры». Позднее В. И. Ленин назовет его «одним из главных практических руководителей дела».

Находясь за границей, издавая «Искру», Владимир Ильич внимательно следил за работой социал-демократов в Москве, крупнейшем рабочем центре России. Под воздействием его идей и личного влияния Бауман рос и мужал как революционер. В период подготовки ко Второму съезду партии Ильич запрашивал из Лондона: «Кто будет делегатом от Москвы? Абсолютно ли надежен?» Москвичи послали на съезд Баумана. Он оправдал их доверие, по всем вопросам поддерживал Ленина как твердый «искровец». Центральный Комитет, В. И. Ленин снова командируют Баумана в Москву для ведения подпольной партийной работы, где он возглавил Северное бюро ЦК партии и одновременно Московский комитет РСДРП. В Москве продолжилась требующая огромного напряжения и глубокой конспирации неутомимая подпольная работа.

Николай Эрнестович Бауман успел вдохнуть грозовой воздух 1905 года. Некролог на его трагическую гибель написал В. И. Ленин. Он был опубликован в газете «Пролетарий». В нем есть такие взволнованные слова: «Вечная память борцу в рядах российского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции!»

Образ человека, беззаветно преданного партии, встает со страниц книги «Жизнь, отданная борьбе».

Андрей БЛИНОВ

В. И. Новиков. Жизнь, отданная борьбе. М., Политиздат, 1985. 192 с.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ПРОКУРОРУ НИКТО НЕ ПОМОЖЕТ?

В прошлом году в № 24 «Огонька» был опубликован очерк «Помогите прокурору!». Речь шла о том, как некий Буклов, напившись в раздевалке аккумуляторного завода,— напившись в рабочее время на рабочем месте,— неожиданно для самого себя оказался ночью на трассе и был сбит машиной. А прокурор казахского города Текели Павел Николаевич Ким, объезжая «Жигули», сбившие Буклова, переехал того по ногам (к счастью для Буклова, уже через месяц он выписался из больницы). Экспертиза впоследствии установила, что у Павла Николаевича не было технической возможности остановиться, поскольку стоявшие на обочине свидетели стали подавать ему сигналы за десять—двенадцать метров.

Очерк вызвал многочисленные отклики наших читателей. Писали люди, воспринявшие близко к сердцу злоключения Павла Николаевича, которого, не мудрствуя лукаво, уволили с занимаемой должности со странной формулировкой в трудовой книжке — «за недостойное поведение». Многие возмущались развалом трудовой дисциплины на аккумуляторном заводе, где работает Буклов и где, оказывается, можно не только выпить, но и упиться самым что ни на есть мертвецким образом. Немало пришло писем, выражающих недоумение многолетней чехардой с экспертизами, каждая из которых опровергала предыдущую и все более усугубляла вину Павла Николаевича Кима. Последующие автотехнические экспертизы проводились уже на других улицах, с другими машинами, другими участниками, в другое время года и выясняли уже, собственно, не суть дорожно-транспортного происшествия, а вопрос почти теоретический: с какого расстояния можно увидеть в ночное время человека с поднятой рукой?

Откликнулся и председатель Верховного суда Казахской ССР Т. К. Айтмухамбетов. Он отстаивал приговор, вынесенный Павлу Николаевичу, и в подтверждение своей правоты ссылался на одну из экспертиз. Вот как он пишет об этом в редакцию: «Следственным экспериментом установлено, что Ким мог видеть препятствия на дороге и человека, машущего рукой, на расстоянии 66 метров. Согласно автотехнической экспертизе, в пределах этого расстояния он имел возможность остановить машину и предотвратить наезд». А поскольку он этого не сделал, «приговор в отношении Кима П. Н. является законным и обоснованным, оснований для постановки вопроса об его отмене с прекращением дела производством не имеется».

Обратите внимание, как деликатно сказано: Ким мог видеть человека, машущего рукой, с расстояния 66 метров. Но позволительно спросить: кто, где и когда говорил, на какой странице уголовного дела написано, что П. Н. Киму подавали сигналы именно с этого расстояния? В уголовном деле сказано другое: сигналы подавались с десяти — двенадцати метров. И потом, каждому автомобилисту известно, что он вовсе не обязан останавливаться, увидев человека, машущего рукой. Нет этого требования в правилах дорожного движения.

Иначе к делу отнеслись в Прокуратуре СССР — заместитель Генерального прокурора СССР внес протест, отметив необоснованность приговора. Дескать, разберитесь, дорогие товарищи, что-то вы напутали. Однако Президиум Верховного суда Казахской ССР под председательством Т. К. Айтмухамбетова протест отклоняет. Дескать, ничего подобного, все правильно. Вот как об этом сказано в постановлении: «Обстоятельства данного конкретного дела и имеющиеся доказательства позволяли суду прийти к выводу о виновности Кима, независимо от заключения автотехнической экспертизы... При любом заключении автотехнической экспертизы: имел ли Ким техническую возможность предотвратить наезд на потерпевшего, или же он такой возможности не имел — вина его... не исключается». А потому протест заместителя Генерального прокурора СССР оставить без удовлетворения.

Возникает естественный вопрос: уж коли Павел Николаевич Ким виноват в любом случае— была ли у него возможность остановиться, или такой возможности у него не было, оправдывает его экспертиза или же подтверждает его вину, есть ли человек, который махал ему с расстояния 66 метров, или такого человека нет и не было,— если уж все это так, то зачем вообще затевать расследование, суд, многочисленные экспертизы? Если председатель Верховного суда Казахской ССР может в своем официальном ответе и сослаться на выводы экспертизы и с равным успехом пренебречь ими, как же быть с презумпцией невиновности? Редакции хотелось бы знать мнение казахских юристов и по этому поводу.

А читателям, интересующимся, как сложилась судьба у Павла Николаевича, можем сказать: пока неважно. Формулировку о его «недостойном поведении», вписанную в трудовую книжку, никто не отменял, и, естественно, устроиться на работу с таким клеймом непросто. Даже если эта работа никоим образом не связана с прокурорскими обязанностями.

Однако поживем — увидим.

В. ПРОНИН

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Работница Новосибирской телефонной станции Г. А. Загорских написала в «Огонек» о тяжелом материальном положении ее семьи, плохих жилищных условиях, неустроенности маленькой дочки. Редакция направила это письмо в Новосибирский горком КПСС и вскоре получила ответ секретаря горкома М. Клобукова, в котором он сообщил, что семья Загорских включена в списки на получение жилья и Железнодорожного райисполкома и по месту работы; ее дочери выделена путевка в детский сад, а самой Загорских предоставлена работа с укороченным рабочим днем — три часа.

* * *

Жительница города Певека А. Д. Гатыляк написала нам, что в магазине ей продали каракулевое пальто плохого качества. Ее попытки обменять бракованный товар не увенчались успехом. Она написала об этом в «Огонек». Как нам сообщила и. о. начальника УРСа объединения «Северовостокзолото» В. М. Костина, жалоба

А ФАКЕЛ ВСЕ ГОРИТ

Херсонский нефтеперерабатывающий завод. Вот уже 35 лет из высоченной трубы рвется пламя. Днем и ночью, непрерывно, тридцать пять лет... Горят на выбросе газы: водород, метан, пропан, сернистые газы и разновидности углерода. Черный этот факел достаточно жароемкий — до семи тысяч килокалорий! И все семь тысяч вылетают ежемгновенно в трубу, обогревая околоземное пространство.

Факел кричит об огромных убытках. Страшны также вредные газы, копоть, чад... Тепловая энергия вопит об утилизации! А сколько

НУЖНЫ ЛИ СЛОВА?..

В редакцию пришел пакет с фотографиями. Их автор — наш читатель Ф. Семянников из Киева. О себе пишет: с первого дня на фронте солдатом, а со второй половины войны стал фотокорреспондентом. Фотографию, которую мы печатаем, он так и назвал: «Нужны ли слова!..»

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ

«О людях хороших и людях плохих» — под таким названием в № 14 «Огонька» было напечатано письмо Н. Сергеевой. Автор письма рассказала о том, какие преграды пришлось преодолеть ее брату П. Н. Бабику, чтобы получить своевременную медицинскую помощь. Редакция получила ответ главного врача Нижнегорского района Крымской области Е. А. Гордейчика, в котором говорится, что письмо Н. Сергеевой было обсуждено на партийном собрании районной больницы и производственном совещании врачей поликлиники.

Действительно, в период массовых заболеваний гриппом и острыми респираторными инфекциями медицинское обслуживание в поликлинике было организовано недостаточно четко: длинные очереди на прием к врачу, задерживались вызовы к больным на дом, хотя на обслуживание по вызовам были выделены четыре санитарные машины; отмечались и другие недостатки.

За плохую организацию медицинского обслуживания в поликлинике во время массовых заболеваний гриппом и ОРЗ заведующий поликлиническим отделением В. В. Пешков освобожден от занимаемой должности. Принимаются срочные меры по укомплектованию штатов участковых врачей и улучшению амбулаторно-поликлинического обслуживания.

ПОДПИСКОЙ ОБЕСПЕЧЕНЫ

«Жители нашего села не имеют возможности читать «Огонек» по той простой причине, что в Киселевскую сельскую библиотеку он не поступает»,— посетовала читательница А. С. Гарифуллина. Редакция обратилась в Главное управление по распространению печати с просьбой разъяснить эту «простую причину». Вот что нам ответил заместитель начальника управления Л. В. Коротченко: «Как сообщило республиканское агентство «Союзпечати» Марийской АССР, подписка на «Огонек» была аннулирована Мари-Турекским отделением «Союзпечати» необоснованно». Из этого же ответа следует, что так же «необоснованно» лишились журнала и другие сельские библиотеки района. И хотя факт сам по себе весьма печальный, как говорится, спасибо за откровенность.

Вместе с Главным управлением спешим заверить жителей Мари-Турекского района в том, что читать «Огонек» они начнут с июля: принято решение обеспечить подпиской на второе полугодие 1985 года пять сельских библиотек, в том числе и Киселевскую.

А. Д. Гатыляк рассмотрена и ей возвращены деньги за некачественный товар.

* * *

А. И. Епанчинцев из Темиртау сетовал на то, что машины, подвозящие продукты к магазину «Раушан», едут прямо через двор, нарушая покой жильцов. Редакция направила эту жалобу в исполком Темиртауского горсовета народных депутатов. В ответе, полученном редакцией, сообщается, что подвоз продуктов к магазину теперь осуществляется со стороны железнодорожного полотна и проспекта Ленина, минуя двор дома № 5, в котором живет Епанчинцев.

* * *

Инвалид войны II группы К. Ю. Кармашов купил в магазине № 17 г. Мурома краскораспылитель «Ореол-5м», который, проработав пять минут, начал «чудить», облил все и вся вокруг. Затем началась волокита с его заменой. Обо всем этом поведал нам в письме К. Ю. Кармашов. Редакция направила его жалобу в Министерство бытового обслуживания населения РСФСР.

Начальник Главного управления ремонта бытовой техники Б. Е. Фишман сообщил нам, что тов. Кармашову выдана справка, позволяющая обменять некачественный краскораспылитель на новый. За нарушение правил обмена промышленных товаров мастеру ремонта бытовой техники муромского завода «Рембытмашприбор» Б. Ф. Шокину объявлен выговор. Директору завода В. Н. Горбутовичу строго указано на слабый контроль за работой подчиненных.

* * *

Редакция получила коллективное письмо жильцов дома 22/30 по ул. Барнаульской г. Саратова, в котором они жаловались на холод в доме и нерегулярную подачу горячей воды. Жалобу эту редакция направила в исполком Саратовского горсовета народных депутатов, откуда получила ответ зам. председателя исполкома А. М. Алаторцева: все неисправности устранены, и жильцы удовлетворены ремонтом.

* * *

В квартире жителя Одессы А. И. Василевского долгое время с перебоями действовал трубопровод, а слесари не могли никак его исправить. А. И. Василевский пожаловался в «Огонек». Редакция переслала его письмо в Одесский горисполком. Зам. председателя исполкома В. М. Мазурин сообщил редакции, что силами прорабского участка ЖЭО Киевского района удалось починить трубопровод в доме, где проживает А. И. Василевский.

* * *

Москвич Ю. Г. Мурысов был недоволен плохой работой телевизора «Рекорд» и волокитой с его ремонтом. Редакция обратилась в московское производственное объединение «Электрон» с просьбой разобраться по существу этой жалобы и вскоре получила ответ, что телевизор отремонтирован, а мастеру Жемчугову объявлено замечание за нарушение сроков ремонта.

* * *

Семья Мусатовых из Керчи, проживающая в аварийном доме, обратилась в «Огонек» с просьбой помочь в решении своей жилищной проблемы. В ответ на запрос редакции в исполком Керченского горсовета народных депутатов мы получили сообщение председателя горисполкома И. П. Петрова, что Г. Г. Мусатов поставлен на квартирный учет по месту работы — он включен в льготные списки. Принята временная мера — решено срочно отремонтировать подпорную стенку его дома по ул. Митридатской.

* * *

На запрос редакции «Огонька» секретарь обкома профсоюза работников сельского хозяйства С. Г. Иванова сообщила, что инвалиду войны П. П. Терехову, работающему в истринском МПО «Сельхозхимия», выделена путевка в санаторий «Ставрополье».

тонн невесомых веществ, содержащихся в газовых выбросах, исчезло бесследно... И это при том, что известно давным-давно: из дымовых и прочих промышленных газовых отходов можно извлекать полезные элементы. Более того, можно и давно пора перерабатывать их в хозяйственно ценные вещества. Ну, хотя бы готовить удобрения. Это, кстати, и осуществили на одной из ТЭЦ в Молдавии. И проект есть, его разработали Всесоюзный теплотехнический НИИ имени Дзержинского и НПО «Плодородие». Херсонцы! Поинтересуйтесь у молдаван: экологически и экономически проект утилизации газов оказался весьма эффективным.

Уже который год на Херсонском нефтеперерабатывающем судят, рядят и так и сяк, не знают, что делать с черным позорным факелом. Кажется, собираются включить в план капитального строительства установки гидроочистки дизельного топлива от серы (на 12-ю пятилетку?). Конечно, снизится сжигание газов в факеле, но это же полумера! Факел-то не погаснет! Он по-прежнему будет полыхать, а тепло по-прежнему будет вылетать в трубу.

Гидроочистка дизельного топлива и все другие известные способы уменьшения выбросов горючих газов — это хорошо. Однако нужно иметь в виду и вторую сторону проблемы — использование тепловой энергии «вечного» пламени. Как, например, поступили на Дрогобычском нефтеперерабатывающем заводе? Здесь газовые отходы направили в топки ТЭЦ и в топки котельной. И завод теперь не теряет, а экономит ежемесячно до 400 тонн (!) топлива. Ежемесячно. А в год? То-то... Чтобы подсчитать сбереженное, достаточно знания одного действия арифметики.

Значит, решить задачу можно комплексно. Только комплексно. А не ограничиваться гидроочисткой, как надеются на Херсонском нефтеперерабатывающем.

С. АДРИАНОВ, действительный член Географического общества СССР

ОТ РЕДАКЦИИ. Пылающие факелы над трубами нефтеперерабатывающих заводов — эту картину можно видеть не только в Херсоне. Но Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, отраслевые институты ряда министерств, причастные к решению сложной и важной для народного хозяйства и охраны окружающей среды проблемы, медленно и некомплексно ведут разработки.

Интересы экономики и экологии страны требуют решительного изменения в темпах и качестве научно-технических разработок укрощения огненных фонтанов.

МОСКВА, 41-Й

Иван СТАДНЮК **РОМАН** Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

22

Вечер пожинает плоды утренних глупостей. Именно об этом уже не впервые размышлял, горько досадуя на себя, майор Рукатов. Сейчас он лежал на расстеленной плащ-палатке рядом с груженной деньгами, покрытой зашнурованным брезентом телегой, держа при себе наготове ручной пулемет. Поблизости, в высокой траве, паслась пара упитанных пегих лошадей, позванивая неснятой сбруей и пофыркивая от лезших в ноздри комаров.

Да, сглупил он, связавшись с этим занозистым младшим политруком Иванютой. Но откуда ему было знать, что в таком сереньком с виду пареньке столько бешенства?.. А могло ведь случиться непоправимое, если б не капитан Пухляков. Застрели он сгоряча Иванюту, сплели бы это обстоятельство воедино с понижением его, Рукатова, в воинском звании за якобы «состряпанное клеветническое дело» на генерала Чумакова, и приговор военного трибунала Рукатову был бы беспощадным...

Где-то на востоке приглушенно взревывали пушки, а по недалекой дороге за болотом все шли и шли на северо-восток колонны немецких машин и тягачей с пушками, скрипели колесами нескончаемые обозы, грохотали и лязгали гусеницами танки. Туда, в сторону дороги, и выставил два секрета майор Рукатов — троих бойцов с автоматами и одной снайперской винтовкой. Парный и одиночный секреты замаскировались на удалении метрах в ста пятидесяти от груженной деньгами телеги и уже третьи сутки «кормили» там комаров.

Ни полковник Гулыга, ни подполковник Дуйсенбиев, прокладывавшие маршрут Рукатову, не могли предполагать, что начертанная ими ломаная красная линия азимута на топографической карте, по которой Рукатов должен был провести пароконную телегу, пролегала через самый горячий район близившихся с юга к Смоленску боевых действий, куда сейчас выдвигался вражеский 24-й моторизованный корпус.

Скверно было на сердце у Рукатова: будто опился отравы. Томили недобрые предчувствия. С досадой все возвращался мыслями к драке с Иванютой и к тому, что о деньгах узнало великое множество людей и слух об их появлении в расположении штаба дивизии прокатился по окруженным частям и подразделениям, как сплетня по деревне. Капитану Пухлякову пришлось немало поработать, подбирая для конвоирования повозки с деньгами надежных парней... Там, в штабе, все они казались надежными. А здесь, в нескольких сотнях метров от дороги, по которой движется враг?.. Случайно ли сегодня раз-другой поймал Рукатов на себе странный взгляд сержанта Косодарина — одного из троих приданных ему сопровождающих охранников, или «конвойных», как выразился капитан Пухляков, давая всем им напутствие.

Обратил внимание на острые взгляды Косодарина в сторону телеги и молодой, но дюжий красноармеец Антон Шелехвостов. Редкой силищи здоровяк с пудовыми кулаками и широченной спиной, он, Шелехвостов, однажды подпер плечами сломанный мосток через овражек, пока проезжал по нему конный обоз. По натуре Антон был молчуном, однако отличался любознательностью, поддавался на розыгрыши, уважал говорливых людей, повидавших жизнь, набравшихся мудрости. Таким казался ему и сержант Косодарин, старше Антона по возрасту лет на пять.

«Пять лет,— думал Антон,— а разница в знаниях, в умении размышлять о жизни подобна разнице в размерах и силе стремнины реки Кубань и нашей безымянной речушки, впадающей в нее...» В этом зеленом закутке кончалась или оттуда начиналась его, Антона, родная станица Бедаровская.

Вот и сейчас был Антон придавлен мудростью сержанта Косодарина, который, видя, как его напарник отбивается веткой от комаров, назидательно объяснил:

— Бог или природа не зря создали комаров да и другую нечисть, подобную им. Ведь к весне тело человека дряхлеет, слабеет. Когда же его грызет всякая мелкая тварь вроде комаров, он начинает чесаться, вскрывает этим поры, массирует и оживляет кровеносные сосуды и от этого крепнет, здоровеет; одним словом, возрождается.

Да и нескучным человеком был Косодарин. Кинув взгляд в сторону телеги, на майора Рукатова, он с веселой тяжестью вздохнул и посетовал:

— Эх, краплиночку бы этих денег мне до войны...

— Что, нужда была великая?— спросил Антон, чуть насторожившись.

— Мечтал мотоцикл приобрести. Даже денег было накопил.

— Почему же не купил?

— Жена запротестовала... Покупай корову, и только! Две недели спорили.

— И на чем порешили?

— Согласилась жена со мной! Говорит, черт с тобой, покупай мотоцикл, но... чтоб он доился!..

Антон сдержанно захохотал от этой не новой побрехеньки и опять заметил острый взгляд сержанта, кинутый им в сторону Рукатова...

— Не нравится мне этот наш начальник...— тут же сказал сержант Косодарин, будто почувствовав, что напарник его насторожился.

— Почему?— Антон нахмурил брови и внутренне съежился.— Командир как командир.

— Уже одна его фамилия душу холодит: Рукатов!— не сдавался сержант.— Будто за горло хватает...

— А твоя фамилия что означает?— Антон уставил на сержанта свои большие, по-детски наивные серые глаза.— Ко-со-да-рин! Не хочу я ни косы в подарок, ни косого подарка!..— И притишенно засмеялся.— Цаца великая!

— Шелехвостов тоже не царского происхождения!— Косодарин как бы отмахнулся от Антона, приглашая его к новой мысли:— Ты, Антон, не обратил внимания, как этот Рукатов да полковник Гулыга прохаживались в лесу по дорожке и о чем-то шептались?.. Полковник Гулыга еще так осторожненько оглядывался по сторонам...

— Ну и что? Уточняли задачу.

— Вот именно, уточняли! И по этим уточнениям, как мне кажется, когда мы вывезем телегу из окружения, Рукатов избавится от нас, а денежки — тю-тю... Закопает в землю или где-то спрячет до лучших времен.

— Ты что, сержант, умом тронулся?.. Это же государственное дело!.. И как он может от нас избавиться?

— Одна очередь из ручного пулемета, и с приветом, Антон Шелехвостов!.. Шелести хвостом...

— Ну, это ты держи при себе, сержант! Не слышал я от тебя ничего подобного... Сержант!..

Под вечер сержант Косодарин, видя, что Антон сумрачно углубился в какие-то свои мысли, вновь завел разговор о деньгах:

— Что бы ты, Антончик, делал, попади тебе в руки после войны хоть половина, хоть десятая часть такого бумажного добра?

— Сержант, а ты показался вначале мне умным мужиком. Теперь вижу — недоумок.

— Сам ты недоумок... Не пробиться нам к своим! Пойми это... Рано или поздно попадут деньги в руки немцев!

— И что ты советуешь?

— Надо шевелить мозгами.

— Иди шевели вместе с майором Рукатовым.

— Что ты? Он же псих! Тут же и пристрелит.

— За самосуд у нас не жалуют.

— Здесь особая статья... Оправдают майора...— Сержант, будто испугавшись своих мыслей, умолк.

Антон, взглянув на Косодарина, непроизвольно отодвинулся в сторону. Перекошенное гримасой скрытого страха лицо сержанта тут же разгладилось улыбкой — явно притворной, жесткой, едкой и даже какой-то лютой. Приглушенным, потерявшим всякую звонкость голосом он сказал:

— Худо кончится наше дело, красноармеец Шелехвостов... Деньги и такие люди, как Рукатов, а я их нюхом чую, вредны друг для друга.

— А ты предложи Рукатову разумный совет.— Антон все еще надеялся вывести размышления сержанта на какую-то другую стезю.

— Умный человек пулю бы ему предложил... Не то что мы с тобой.

Чувствуя, что полыхнувший в груди холодок страха отнимает у него голос, Антон, пытаясь придать своему лицу безразличие, скосил глаза на сержанта. А тот глядел на него в упор, с улыбочкой, обнажив оскалившиеся белые и ровные зубы вплоть до золотых «мостов» на коренных зубах.

— Ну, а с этим что?— Антон, изо всех сил напрягаясь, чтоб не выдать своего страха, кивнул вправо, где в низкорослых можжевеловых кустах таился их второй секрет — сержант Петров; он служил ранее в танковых войсках и, может, поэтому не снимал с себя темно-синего, промасленного комбинезона.

Впрочем, Антон не знал подробностей биографии Петрова. Только завидовал, что сержанта вооружили не одним легким трофейным автоматом, как их с Косодариным, но и винтовкой со снайперским прицелом. Сквозь этот прицел Петров обозревал недалекую дорогу, а иногда приподнимался над сизой волной можжевельника и смотрел на их парный секрет, будто целился для выстрела, заставляя шевельнуться на широкой спине Антона холодных мурашек.

— Насчет снайпера вопрос дельный.— Сержант Косодарин посмотрел в сторону засады Петрова, и у него хищно вздрогнули широкие ноздри.— С этим... этот сам решит... Либо возьмем его в пай... Но в таком деле все-таки лучше вдвоем...

— Куда тебе столько? Не допрешь!

— Что-нибудь придумаем... А побьют наши фашистов, так мы с тобой заживем... Только чтоб не знать, кто где... Для взаимного спокойствия.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—24.

— Ну и сволочь ты, сержант!— не удержался Антон.— А кто же фашистов побеждать будет?

— И мы подмогнем. Внесем, так сказать, свою лепту в будущую победу... Я и об этом поковырялся в мозгах: может, останемся здесь, попартизаним... А как ты, Антоша, маракуешь?

— Надо подумать,— после трудной паузы сказал Антон.

— Подумай, да не вздумай!.. А то...

— Что «а то»?

— Я сержант! С безупречной анкетой... Мне и доверие...

— Ладно, сам не дурак!—Антон, взяв лежавшую в стороне каску, надел ее на голову поверх пилотки и лег на спину: так было удобнее размышлять.— Покарауль, сержант, один, а я во сне комаров покормлю.

— Валяй...

Когда вечером первые капли дождя густо и крупно ударили по недалекой дороге, по лесу, по сухим полянам и близлежащим полям, в воздухе на какое-то время вдруг терпко и пресно запахло пылью и обновленными ароматами трав, цветов, недалекого можжевельника. Этот дождь для майора Рукатова и для его маленькой группы конвоя был настолько желанным, насколько ненужным для всей войны на Западном направлении, с учетом намечавшихся штабами противоборствующих сторон очередных оперативных задач.

А он начался... И будто тучи не громоздились в вышине. Правда, небо с утра было чуть мглистым; солнце светило из поднебесья, как сквозь белесую кисею. Она-то, эта кисея, и таила в себе неожиданность — постепенно густела, делалась все менее прозрачной, особенно над горизонтом; потом будто набухла неведомо откуда взявшейся влагой и пролилась дождем — густым, яростным, но пока недолгим. Он явился как бы предвестником ливня, который упруго и свирепо наползал в свинцовых тучах на высоты Смоленщины.

Рукатов тихим свистом отозвал из секретов своих конвойных и приказал им завесить плащ-палатками подветренную сторону телеги, чтоб можно укрыться под ней, как под крышей. И это было вовремя: здесь, в глубине леса, после минутной, сторожкой тишины во всей природе с особой отчетливостью послышалось, как загудело пространство между землей и небом, и через какие-то секунды хлестко ударили вокруг тяжелые струи воды.

Все сидели под телегой молча, ощущая под собой сухое, хранящее дневное тепло сено.

— Товарищ майор,— почему-то шепотом проговорил сержант Петров.— А дорога, кажись, утихла... Сейчас бы и проскочить?..

— Боюсь, что по ту сторону большака прячутся в лесу немцы... Там лес сухой и гуще, чем здесь.— Рукатов приставил руку к уху, направив его в сторону дороги.— Переждем ливень и начнем разведывать маршрут...

Мощный натиск ливня постепенно начал угасать, словно там, в небесных глубинах, кто-то ставил ему прочные запруды. Где-то на западе ярко запылал горизонт, осветив верхушки леса и близлежащие поляны. Вокруг стало светлее, но было очень мокро, в воздухе, где пробивались сквозь гущину леса косые лучи солнца, заструились кверху столбики пара.

Еще через какое-то время, когда все выбрались из-под телеги, майор Рукатов, окинув хмуро-напряженным взглядом свое «войско», приказал:

— Сержант Косодарин! Пойдемте со мной прослушивать и просматривать дорогу. А вам,— Рукатов обратился к Антону и сержанту Петрову,— запрягать лошадей и быть наготове.

Уходя, Косодарин кинул на Антона свирепый и что-то требующий взгляд.

— Он убьет его! Убьет!..— панически зашептал Антон Петрову, когда Рукатов и Косодарин скрылись между деревьями за можжевеловыми кустами. И короткой скороговоркой рассказал сержанту о задуманном Косодариным преступлении, видя при этом, как круглое, в золотистом пушку лицо сержанта покрывалось бледностью.

— По эту сторону дороги он не посмеет поднять руку,— озабоченно, с тенью страха в голосе, произнес Петров.— Но на всякий случай надо прикрыть майора. Оставайся!— И Петров, дрогнувшей рукой схватив снайперскую винтовку, побежал в сторону дороги...

Антон снимал путы с ног лошадей, а его глазам все виделась дрогнувшая рука сержанта Петрова... Мысли и чувства были там, у дороги. Он будто видел майора Рукатова, лежавшего в кустах с биноклем у глаз, а невдалеке целился в него из немецкого автомата сержант Косодарин... Успел бы заметить это в оптический прицел сержант Петров...

И вдруг в стороне дороги совсем негромко хлопнул выстрел. А в груди Антона он отозвался оглушающим взрывом, будто на него обрушилась вся вселенная...

Испуганный неожиданным выстрелом сзади, майор Рукатов оглянулся и невдалеке от себя увидел перекошенное смертным страданием, болью и волчьей злобой лицо сержанта Косодарина. В немом крике дико распахнулся его рот, обнажив ровный белый штакетничек зубов, опустились уголки губ, вздулся неподвижный бугор на переносице... И холодный, пронзительный, недобрый ум в глазах...

— Перехитрили, гады...— с бульканьем в горле вырывались из перекосившегося рта Косодарина слова.— Будьте вы прокляты!.. Подавитесь своими деньгами...

— Что? В чем дело?!— панически хрипел Рукатов, видя, как к нему подползал с закинутой на правое плечо снайперской винтовкой сержант Петров.

— Я опередил его, товарищ майор!— с удивлением и страхом сказал Петров, приближаясь к Рукатову.— Может, на секунду!— И шепотом пояснил: — Он уже прицелился в вас... А я убил...— Петров вдруг всхлипнул, уткнувшись лицом в локоть левой руки.— Убил своего...

Под Рукатовым будто колыхнулась земля оттого, что мысли его стали проясняться; словно что-то всплыло на чистой воде, и он, скользнув взглядом мимо этого «что-то», четко увидел дно страшной истины... Вдруг понял, что чудом избежал сейчас смерти, и почему-то в памяти промелькнул младший политрук Иванюта с разъяренным до исступления лицом...

23

Один из мыслителей прошлого изрек слова, утверждающие, что несчастье есть право на бессмертие. Странно звучит это изречение, но возросло оно все-таки на поле человеческой опытности, хотя известно, что никто по доброй воле не стремится в бессмертие через горнила несчастий.

Несчастья приходят незвано... Не подозревал о близившейся для него самой тяжкой беде и один прекрасный человек, военачальник, чье имя зазвучит потом в истории в том особом ряду, который менее других подвержен забвению. Человек этот — генерал-лейтенант Качалов Владимир Яковлевич.

...В начале июля 1941 года поступила директива Ставки Верховного главнокомандования, согласно которой он, генерал-лейтенант Качалов, командующий Архангельским военным округом, назначался командующим вновь создававшейся 28-й армии, а основным ядром командного состава ее штаба должны были стать командиры и начальники из штаба того же Архангельского военного округа.

Впрочем, о директиве Ставки Владимир Яковлевич узнал в Москве, куда ему по телефону приказали явиться незамедлительно. Уезжая, распорядился дома, чтобы и жена, Елена Николаевна, с сыном Володей и тещей Еленой Ивановной тоже собирались в путь-дорогу — для начала в Москву, к Анне Ивановне, родной сестре тещи. А там все будет зависеть от того, какое и куда получит он, генерал-лейтенант Качалов, назначение. В том, что вызывали его для новой службы в новом месте, нисколько не сомневался. И понимал, что ждет его фронт.

В тот же день, когда приехал в Москву, начальник Генерального штаба Жуков представил Владимира Яковлевича Сталину как Председателю Ставки, хотя Качалов был знаком со Сталиным еще со времен обороны Царицына. Представление было совмещено с очередным докладом Жукова о положении на советско-германском фронте.

Генерала Качалова поразила простая и страшная ясность происходящего на полях сражений, которую он ощутил в кабинете Сталина из четкого доклада генерала армии Жукова, из вопросов Сталина и ответов на них. Владимир Яковлевич уже знал, что его прочат на пост командующего формирующейся 28-й армии, которая совместно с другими свежими армиями займет оборонительные рубежи в тылах действующих войск Западного фронта. Поэтому он с обостренным вниманием прислушивался к тому, что происходило в армиях, руководство которыми осуществлял маршал Тимошенко как главком Западного направления. Почти зримо увидел неустойчивость линии Западного фронта и хрупкое оперативное построение его войск... Вон на огромной карте с северо-запада, в полосе шириной в 280 километров, прикрывала шестью дивизиями Смоленское направление 22-я армия генерал-лейтенанта Ершакова, сдерживая шестнадцать вражеских дивизий. Уступом за ее левым флангом оборонялись, не имея плотной локтевой связи, дивизии, входившие в состав все еще прибывавшей по частям на фронт 19-й армии генерал-лейтенанта Конева. Между Витебском и Оршей отчаянно дралась изнемогавшая 20-я армия Курочкина, а южнее, по Днепру, вплоть до Рогачева, оборонялась совсем ослабленная, с оголенным флангом 13-я армия генерал-лейтенанта Ремезова, ее 63-й корпус, оказавшись в окружении, изо всех сил оборонял Могилев. Левый фланг 13-й армии прикрывала 21-я армия генерал-полковника Кузнецова, которая непрерывно контратаковала противника. А в районе Смоленска как резерв фронта сосредоточивалась 16-я армия генерал-лейтенанта Лукина. Все ясно как на ладони, но эта «ясность» виделась только на карте, изменяясь на пространствах Западного направления не то что с каждым днем, а с каждым часом, и Генеральному штабу не так легко было фиксировать эту изменчивость, а тем более реагировать на нее своими распоряжениями о перегруппировках войск и о введении на поля битв новых резервов.

В этот июльский день над Москвой шквалисто клокотала гроза, и в кабинете Сталина было сумрачно. Когда Жуков закончил доклад об оперативной обстановке на фронтах, Сталин молча прошелся по кабинету, держа руки за спиной, затем остановился перед генералом Качаловым, который тут же поднялся со стула, и сказал, будто упрекая его лично:

— Хорошего мало.

— Совсем нет хорошего,— в тон ему повторил Владимир Яковлевич.

— Почему совсем нет?— неожиданно удивился Сталин, сделав ударение на слове «совсем», и затем указал рукой на Поскребышева, который неслышно вошел в кабинет и включил электричество. Стены кабинета будто раздвинулись от света, и вокруг стало, кажется, просторнее. В голосе Сталина улавливалась грустная ирония: — Вот он, товарищ Поскребышев,— сын сапожника, а сейчас — главный помощник товарища Сталина во всех его нелегких делах.

Поскребышев, сверкая бритой головой в свете горящих электроламп, вопросительно посмотрел от дверей на Сталина.

— Верно я говорю, товарищ Поскребышев?— требовательно спросил у него Сталин.

— Верно, товарищ Сталин,— с улыбкой ответил Поскребышев и тут же вышел, поняв, что вопросов к нему больше не будет.

А Сталин продолжил разговор на тему, которая занимала его уже не раз:

— Я тоже сын сапожника и, как видите, возглавляю партию, государство и вооруженные силы. И вы, товарищ Качалов, если мне не изменяет память, тоже сын сапожника!..

— Так точно, товарищ Сталин, и я сын сапожника,— подтвердил Владимир Яковлевич, подумав о том, что, наверное, Сталину привозили для знакомства из Управления кадров его личное дело.

— Так что же получается?— с притворным удивлением спросил Сталин.— Может, мы и есть те самые сапожники, которые взялись не за свое дело? Может, поэтому и бьют нас немцы, учат уму-разуму, как надо воевать? Может, мы действительно сапожничаем на государственно-партийных и военных постах?

— Нет, товарищ Сталин,— с какой-то особой, только ему присущей серьезностью ответил Качалов.— Вы еще под Царицыном показали, что воевать умеете, а я под вашим началом тоже не опозорился. Да и на других фронтах... Пять ранений у меня...

— Да, помню вас, товарищ Качалов, по десятой армии...

— В девятой и во второй мы тоже встречались. Я там уже в высоких чинах ходил.

— И сейчас придется браться вам за большое дело, за командование армией. Вы должны остановить и разгромить танковые войска Гудериана, хотя вы, как и я, сын сапожника.— Сталин ухмыльнулся в усы и добавил: — Правда, ваш отец, будучи сапожником, держал в Царицыне на базаре сапожную лавку с двенадцатью наемными сапожниками... Был мелким буржуа... Но потом его лавка не выдержала конкуренции...

— Верно, товарищ Сталин. Еще перед революцией вернулся отец сапожничать в родное село Городище.

— А вы говорите, что совсем ничего нет хорошего!— Сталин, казалось, всерьез развеселился.— Сыновья сапожников, а в их лице все наше простолюдье... Народ!.. Главным образом рабочие и крестьяне, да и наша интеллигенция, схлестнулись в неизбежной борьбе с военной машиной фашизма, отлаженной лучшими умами всего враждебного нам империалистического мира. И мы их победим!.. Должны победить!.. А вы говорите, что совсем нет ничего хорошего...

Генерал армии Жуков, видя Сталина развеселившимся, что было в последнее время редкостью, сдержанно похохатывал. Когда он стал складывать топографические карты, Сталин, положив руку на стол, придержал его.

— Так вам ясна задача как командующему двадцать восьмой армией, товарищ Качалов?— спросил Сталин, уже глядя на Владимира Яковлевича со строгой требовательностью.— Ведь мы вам доверяем огромную силу — семь дивизий!.. Надо остановить Гудериана! Надо для начала стабилизовать положение на Западном фронте.

— Задача ясна, товарищ Сталин. Важно, чтоб дивизии вовремя прибыли в места боевого сосредоточения.

— В каком положении и где находятся дивизии, из которых мы создаем армию товарища Качалова?— этот обращенный к Жукову вопрос Сталина прозвучал строго.

— Я не готов к точному ответу, товарищ Сталин,— удрученно ответил Жуков.

— Дивизия у нас сейчас — главная тактическая единица, и Генштаб обязан непрерывно видеть, где она и что с ней! Каждая отдельно взятая!— Голос Сталина зазвучал от недовольства глуше, словно его легким не хватало воздуха.

— Через час доложу, товарищ Сталин,— сказал Жуков, нервно складывая карты.— Полагаю, что большинство дивизий двадцать восьмой армии или заканчивают формирование, или уже на марше.

— У вас вопросы есть?— обратился Сталин к Качалову.

— Есть, товарищ Сталин. Но они для управлений Генштаба. Это будет касаться формирования армии.

— Хорошо!.. Только не забывайте, товарищ Качалов, что иногда легче судить об уме человека по его вопросам, чем по его ответам.— И Сталин с подбадривающей улыбкой подал на прощание руку.

Части и соединения 28-й армии формировались в различных районах страны и, получив номерные наименования, стекались в места сосредоточения, находившиеся между Брянском и Ельней — в близком тылу истекавших кровью войск левого крыла Западного фронта, неустанно ведших боевые действия.

Штаб армии разместился на окраине городишка Киров, раскинувшегося на правом берегу речки Болва — левого притока Десны, что брал начало на южных склонах Смоленской возвышенности. Здания фаянсового завода, в которых приютилась часть отделов штаба, и другие «служебные» здания городка особо не привлекали внимания вражеской авиации. На рубежах, где развертывались полки семи составлявших 28-ю армию дивизий, кипели оборонительные земляные работы. Ими занимались войска при массовом участии местного населения. Постепенно рождалась линия обороны, пусть без дотов и дзотов, без проволочных заграждений: не хватало строительных материалов, «колючки», мин... Приходилось ограничиваться пока рытьем стрелковых и орудийных окопов, траншей, ходов сообщения, эскарпов, противотанковых рвов. Мало было и средств связи, что уже теперь затрудняло управление войсками.

А тут еще без устали повадились дожди. Ветер часто менял направление, но будто держал многослойные грозовые тучи на привязи, заставлял их опрокидываться ливнями над Смоленскими высотами. И вся жизнь на фронте замедлилась, затормозилась, грунтовые дороги стали непроезжими, машины и повозки барахтались на них, как мухи в патоке, ручейки превратились в речушки, а речушки — в реки. По дну траншей загуляла вода, подмывая крутизны стен, отсыревшие телефонные провода, сращенные при сухой погоде, заставляли мембраны трубок шепелявить и гундосить. Да и голос всей войны изменился: будто раздвинулись расстояния между передовой и тыловыми районами; глуше и не так яростно ухали бомбежки, артиллерийская перестрелка словно велась в одну сторону, голоса пулеметов тоже утихли.

А. Наумов. Род. 1955. ВЕСНА 1983—1984.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

С. Смирнов. Род. 1954. УТРО В ПЕКАРНЕ. 1985.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Генерал-лейтенант Качалов понимал, что ненастная погода еще больше затормозит сосредоточение дивизий его армии, затруднит строительство их оборонительных рубежей — слишком широких по фронту, а поэтому лишенных должной плотности и глубины. В этих условиях ему, командарму, в предвидении прорывов немцев надо было без промедления создавать крепкий подвижной резерв. Или сразу же, не дожидаясь приказа свыше, планировать создание боевой армейской группы для участия в наступательной операции, которая, как он слышал в штабе фронта, готовится для деблокации зажатых в тиски армий Лукина и Курочкина. Во всяком случае, надо было хоть какие-то силы собирать в кулак. А штабы дивизий в повседневных «строевых записках» и суточных ведомостях будто нарочно напоминали о недостающем по штатному расписанию количестве войск, оружия, военной техники.

И генерал Качалов решил вызвать командиров дивизий всех вместе в штаб армии для знакомства, обсуждения общих задач и для наметок взаимодействия, если обстановка вынудит вступать в бой еще до того, когда все полки дивизий займут оборонительные районы и приготовятся к бою. Тем паче что прибывшая из Орла 145-я стрелковая дивизия генерал-майора А. А. Вольхина, успев занять по речке Десне оборону, уже вела одним полком стычки с немцами в районе Починка, отбив там у противника аэродром. А генерал Вольхин, назначенный начальником гарнизона Рославля, одним батальоном нес в городе службу регулирования и не без большой пользы для своей дивизии руководил «сборным пунктом», куда стекались с запада остатки наших выводимых на переформирование или вырвавшихся из окружения войск. Во всяком случае, 145-я стрелковая дивизия была укомплектована полнее других, и генерал Качалов вознамерился начать количественно «ужимать» ее полки для создания армейского подвижного резерва.

Сбор командиров дивизий был назначен на 12 часов дня в кабинете директора кировского фаянсового завода. Адъютант генерала Качалова майор Погребаев получил задание организовать «ритуальное» предобеденное чаепитие, использовать для этого фаянсовую посуду, пылившуюся в качестве образцов заводского производства на застекленных полках в том же кабинете директора, и двухведерный самовар дореволюционного тульского изготовления, многие десятилетия поивший управленческий люд в заводском буфете.

В этот день у Владимира Яковлевича Качалова было хорошее настроение. Утром ему удалось позвонить в Москву своему давнишнему другу генералу Хрулеву Андрею Васильевичу. От него он узнал, что его, Качалова, семья вместе с семьями генералов Хрулева, Болдина — бывшего заместителя командующего Западным особым военным округом — и другими семьями эвакуирована специальным поездом в Свердловск; затем будет переселена оттуда в поселок Балтым, куда и следует писать письма и адресовать денежные аттестаты. Снять же заботы с фронтовика о семье — значит наполовину облегчить его душу и будто защитить от «ударов» с тыла.

Владимир Яковлевич подошел к зеркалу, наклонно стоявшему в углу кабинета и отражавшему коллекцию изготовленной на заводе посуды, принял перед ним свою излюбленную позу: скрестил руки на груди и выставил вперед левую ногу... Странно... Что за нелепая «наполеоновская стойка»? Понимал неестественность позы, однако не мог избавиться от нее: еще в молодости, после одного из ранений, его левая рука стала короче, и столь нарочитой позой он пытался спрятать свой физический дефект. Привычка молодости закрепилась и даже стала гармонировать с его коренастой фигурой, с крепкими, широкими плечами и мощной, мускулистой шеей. Волевой взгляд его жестковатых серых глаз, чуть скуластое лицо с выражением решительности будто бы уже сами по себе требовали этой «наполеоновской позы», которой неизменно сопутствовали в условиях службы строгость, подчас даже суровость в общении с подчиненными. В то же время дома он неизменно был податливым и обходительным семьянином, ласковым и внимательным мужем, добрейшим папой. Он знал, что этой «разноликостью» давал повод для судаченья командирским женам да и командирам, сам посмеивался над собой, удивляясь такому свойству натуры, но жила она в нем сама по себе, и менять ее он не пытался.

Хотя однажды взъярился, случайно услышав о себе чью-то стишата: «Он грозен во главе полков и добр при виде женских каблуков». Рассердился, естественно, уловив в этом «блудословии» злую иронию. Но тут же, поразмыслив, растопил в себе гнев, дабы не позволить утвердиться неумному двустишию. И стал чаще задавать сам себе вопрос: «На службе справедлив?..» После обозрения внутренним взглядом своих воинских «владений», на фоне которых мелькали образы десятков высокопоставленных, подчиненных ему людей, после размышления над тем, как держит себя в общении с ними, уверенно отвечал сам себе: «Требователен... Но несправедливостей за собой не замечал...» Верно, обид на него не было, хотя были претензии: имел он по партийной линии взыскание за «отрыв от парторганизации» и «за проявление высокомерия». Да, тут, видимо, допустил промашки. Попутали директивы Главпура и наркома обороны, в которых толковались задачи укрепления единоначалия, с разными оттенками давались уточнения, дополнительные разъяснения... К тому же он еще не поладил с одним политработником высокого ранга... Тот в конечном счете оказался прав... А однажды получил письмо от Буденного по делу: маршал поругивал его за недостатки в боевой подготовке и отсутствие должного порядка в штабной службе кавалерийского корпуса, которым он, генерал Качалов, командовал... Исправил недостатки железной рукой. Было также письмо от маршала Ворошилова; в нем речь шла уже об очень личном — о женщине. Не надо было маршалу доверять наушникам и писать ему письмо. Много принесло оно сердечной боли Владимиру Яковлевичу и будто даже ожесточило его характер: на службе он стал еще более строг и требователен. Иные командиры, заступив на дежурство по штабу, испытывали не то что робость, но будто держали самый трудный экзамен.

Продолжение следует.

ПРИХОДИ, ДРУГ!

Едва ли найдется на земном шаре такой уголок, представители флоры и фауны которого не проживали бы в Москве. Речь идет даже не о зоопарке и не о ботанических садах столицы, а о растениях, животных, птицах, рыбах, обитающих в... московских квартирах. Располагай мы неким прибором, способным показать их всех одновременно, зрелище было бы необыкновенным: постоянную прописку в Москве имеют не только бурундуки, белки, но и всевозможные пресмыкающиеся, земноводные, водоплавающие, обезьяны, лемуры, диковинные крысы — всех и не перечислишь. Но особенно богато представлен мир рыб и птиц.

Недавно в помещении Московского городского общества охраны природы, что на улице Чайковского, 22, состоялись очередные выставки клуба любителей птиц. И как всегда посетителей было очень много, особенно в вечерние часы и по воскресным дням — к дверям небольшого выставочного зала на тротуаре выстраивалась очередь.

В клубе работают три секции. Сначала проходил конкурс канареек, потом выставка отечественных птиц и, наконец,— экзотических птиц. Вот золотистогрудый и перепелиный астрильды, смеющаяся горлица, самый маленький на земле представитель семейства куриных — расписной перепел — размером он чуть больше воробья, его родина Китай; вдовушка райская — всего одна пара: самка крохотная серенькая птичка, а самец очень красив, особенно в брачный период, который как раз совпал с временем выставки. Перья хвоста у него как черный бархат и в три раза длиннее тельца.

На выставку приходят и затем, чтобы получить консультацию по уходу за своими питомцами: как получить от них потомство, как бороться с наиболее распространенными заболеваниями, какой должна быть клетка для попугаев, канареек, какие лучше кормушки для того или иного вида, каких птиц можно содержать вместе? Всех вопросов, по которым консультировали члены клуба, и не перечислишь, но они показывают, насколько это сложное, кропотливое и ответственное дело — иметь птицу.

Не все знают, что между хозяином и птицей существует довольно глубокая «духовная» связь. Установлено, например, что птица воспринимает хозяина как существо своего вида. Если у вас живет попугай, то вас он, не обижайтесь на птичку, тоже считает попугаем, при этом различает пол членов семьи и безоговорочно признает вас своим вожаком. Если вас не устраивает попугай, заведите орла.

Конечно, выставка красива, но не это самое главное, ведь, помимо эмоционального, она несет в себе большой воспитательный, нравственный заряд.

— На выставку приходит очень много ребят, и каждый мечтает завести, или уже завел, канарейку, чижика или попугая...— говорит председатель секции экзотических птиц Вячеслав Александрович Гринев.— Поэтому отношение к птице именно как к другу, а не к живой милой игрушке мы стремимся пробудить у посетителей своими экспозициями. Так рождаются и любовь к природе, и экологическая грамотность, и чувство ответственности за дело, которым занят.

Вячеслав Александрович работает инженером лесного хозяйства природного парка «Лосиный остров», птицами увлекся с детства, и эта страсть определила выбор профессии. Впрочем, не только его. Назову еще председателя совета выставки Валерия Лазаревича Рудницкого, он сотрудник орнитологической лаборатории биофака МГУ.

Члены клуба — люди самых разных профессий, есть среди них и студенты, и школьники. Я был свидетелем того, как юноша лет шестнадцати, волнуясь, и поэтому несколько сбивчиво, объяснял Гриневу, что очень любит птиц, но пока еще не решил, кого именно заводить, и может ли он, не имея ни одной птицы, стать членом клуба. Гринев его успокоил: «Конечно! Приходи, друг!»

Ю. СУРХАЙХАНОВ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ФОРВАРДАМИ

Лев ЯШИН,
заслуженный мастер спорта

Я попал в сборную Советского Союза в счастливое время, когда наш футбол выходил на широкую международную арену. Мой учитель и старший товарищ Алексей Хомич от природы был молчалив, особенно на людях. Когда же мы оставались с ним вдвоем, он, случалось, пускался в воспоминания. И, конечно, часто они так или иначе сосредоточивались на знаменитом турне динамовцев по Англии.

— Понимаешь,— говорил Алексей Петрович,— это был мой первый настоящий сезон в большом футболе, и вдруг встречи с профессионалами... Да еще с родины футбола...

Я отлично понимал, какое это было для молодого спортсмена испытание. И не знал, не ведал, что меня ждет еще более суровый экзамен: через несколько месяцев после призыва в сборную СССР я вышел в ее составе играть против чемпионов мира 1954 года — футболистов Федеративной Республики Германии.

Почти сразу же после начала матча я обратил внимание на правого полусреднего гостей — стройного, атлетически сложенного, отличавшегося какой-то особо красивой манерой передвижения футболиста. Это был капитан гостей Фриц Вальтер. Он все время находился в движении: то отодвигался в глубину, то смещался на края, то снова возникал непосредственно передо мной в зоне штрафной площадки. И где бы он ни оказывался, мяч неизменно летел к нему, а от него — к партнерам. И после каждой передачи Вальтера нашей обороне приходилось решать сверхзадачи.

— Это у них дирижер, а стреляют, видно, другие,— сказал мне Толя Башашкин, когда игра переместилась к немецким воротам. Я и сам, грешным делом, тогда подумал, что Фриц предпочитает роль диспетчера.

Словно подтверждая наше предположение, Вальтер еще в нескольких случаях вновь сыграл в пас. «Ну, этого можно не бояться»,— прошептал я сам себе.

Но вот пошла 28-я минута первого тайма. Мяч снова у Фрица. Он имитирует передачу вправо, Башашкин в рывке пытается прервать ее, но немецкий форвард на этот раз не отпускает мяч, легким движением перекатывает его под правую ногу и бьет. Завороженный идеально выполненным маневром, я не успел среагировать, и мяч влетел в сетку.

Не менее заметным, предельно активным был в матче и крайний нападающий Ханс Шефер. Его стремительные проходы по флангу, острые прострелы, нацеленные на партнеров навесные передачи заставляли нас все время быть начеку. Несколько раз мне удавалось разгадать замыслы форварда и ценой значительных усилий ликвидировать возникавшие угрозы.

Почему я вспоминаю этих совершенно непохожих мастеров? Да потому, что их роднило одно чрезвычайно важное умение — использовать неожиданность, непредсказуемость действий.

Пожалуй, эти двое были первыми зарубежными спортсменами, оставившими в моей памяти глубокий след. В конце 1954 года команда московского «Динамо» в ранге чемпиона Советского Союза совершала турне по Франции. Выиграв в Бордо у местной «Жиронды» 3 : 0 и в Лилле у сборной города 2 : 1, мы приехали в Париж, где против нас выступила команда, составленная из лучших игроков двух знаменитых клубов — «Рэсинг» и «Реймс». В центре нападения этого конгломерата я увидел невысокого, плотно сбитого футболиста и, кивнув в его сторону, сказал Крижевскому:

— Ну, сегодня ты отдохнешь, Костя...

— Поживем — увидим,—буркнул он в ответ. Матч мы выиграли 1 : 0. Но наш центральный защитник приплелся в раздевалку чуть живой. Плюхнулся в кресло, посмотрел на меня и выдавил без всякой тени юмора:

— Сглазил, черт...

Да, я видел, как терзал Костю Раймон Копа, как изматывал паутиной своих финтов и стремительными рывками, как обходил игрой в пас... Все видел. И единственное, что с полным правом мог сказать, то и сказал:

— Мне от него тоже порядком досталось.

— Да, с таким лучше больше не встречаться,— покачал головой Крижевский.

На том разговор наш и окончился. Мы улетели из столицы Франции и, наверное, скоро забыли бы о «малыше», если бы не увидели его через год на московском стадионе «Динамо» в составе приехавшей к нам в страну сборной Франции. Правда, на этот раз он занял место на фланге. И имя его уже звучало громко: всего за какой-нибудь год он приобрел у себя на родине огромную популярность.

В том матче против трехцветных я не участвовал; в воротах нашей сборной стоял Борис Разинский, а я сидел на скамье запасных и с интересом наблюдал за происходящим на поле. Первый удар по мячу произвел находившийся у нас в гостях популярнейший французский киноактер Жерар Филип. И он как бы задал тон всему последующему действию. Обе команды избрали открытый футбол, и игра приняла характер красивого спортивного спектакля. В нем явно выделялся Раймон Копа. Московские зрители не раз отмечали аплодисментами его высокое искусство. Он действительно действовал на поле с каким-то подчеркнутым изяществом, и гол, забитый им в наши ворота в высоком прыжке, с лета, был исполнен необыкновенной красоты. А второй мяч в наши ворота (состязание завершилось со счетом 2 : 2) французы провели после очень интересной комбинации, задуманной и осуществленной при активном участии Копа.

Год спустя в Париже наши сборные встретились вновь. На этот раз ворота поручили защищать мне. Игра происходила на стадионе «Коломб» в присутствии 65 тысяч зрителей. Когда хозяева появились на поле, толпа заревела:

— Копа! — Раймон, браво!

Удивительное дело, этот маленький человек олицетворял в глазах болельщиков все самое лучшее, самое яркое, что они ждали от своей команды. И он оправдал их лучшие надежды, «сделав» два гола в наши ворота, на которые в тот раз мы смогли ответить только одним.

Следующий раз я увидел Копа в Швеции, на чемпионате мира 1958 года. Сборная Франции выступала тогда очень удачно, заняв почетное третье место, а ее центральный нападающий Жюст Фонтен стал тогда лучшим бомбардиром чемпионата, забив в ворота соперников тринадцать голов. К слову сказать, этот выдающийся рекорд не побит никем до сих пор. Так вот, давая многочисленные интервью представителям пишущей, говорящей и показывающей прессы, Жюст неизменно повторял:

— Все, что мною сделано, сделано совместно с Копа.

Вот, собственно, и весь рассказ о «малыше», ставшем большим футболистом, подлинным народным любимцем Франции.

На чемпионате мира, который проходил в Швеции, я впервые встретился лицом к лицу с молодым и совсем неизвестным бразильцем Эдсоном Арантесом до Нассименто, который вскоре стал известен всей планете под коротким и выразительным именем — Пеле.

В Швеции Пеле исполнилось всего семнадцать лет. Он просидел на скамейке запасных во время матчей против Англии и Австрии, и матч против нас был его первым в жизни международным выступлением. Ровно десять лет спустя в Рио-де-Жанейро, когда мы встретились с ним перед матчем сборной ФИФА и сборной Бразилии, Пеле признался мне:

— Господи, как хотелось в тот раз забить тебе гол! Каждый раз, когда ты отражал пробитый мною мяч, я тебя ненавидел, Яшин...

Конечно, он шутил, но, как говорят, в каждой шутке есть доля правды. Она состоит в том, что этому выдающемуся спортсмену была органически присуща жажда гола, исключительно высокоразвитое стремление сделать как можно больше полезного и красивого. До́лжно с полным основанием сказать, что Пеле жил на поле, как артист на сцене: он безраздельно вживался в образ. И, кроме игры, кроме партнеров и ворот соперников, для него ничего не существовало.

Вспоминается июль 1965 года. К нам в страну приехали двукратные чемпионы мира, команда, в которой сыграли Пеле, Гарринча, Джалма Сантос, Герсон и другие знаменитости.

На установке я узнал, что старший тренер сборной Николай Петрович Морозов не включил меня в состав: на поле вышел Виктор Банников, а после перерыва сразу его заменил Анзор Кавазашвили. Хотя встреча с великими форвардами современности и не сулила ничего хорошего, скажу откровенно: роль зрителя в этом до известной степени историческом поединке меня огорчила. Но все-таки в этом была и своя прелесть: я смог впервые спокойно наблюдать за легендарным футболистом.

Нужно сказать, что этот матч, который гости выиграли со счетом 3 : 0, стал подлинным торжеством Пеле. Он забил два гола и был более чем соавтором Флавио, который провел третий мяч. Кроме того, еще два удара Пеле попали в штангу и два прошли буквально в нескольких миллиметрах от нее.

Пеле был очень счастлив тем, что ему довелось покорить еще одну аудиторию—требовательную, но исключительно доброжелательную, которая, по его словам, глубоко понимает и ценит футбол. Восторг от успеха, от всего происходящего на поле в Лужниках был у Пеле так велик, что после каждого гола он подбегал почти к самым трибунам, буквально срывая аплодисменты зрителей. И в этом был весь он — великий артист футбольного поля, человек огромного мастерства и неиссякаемого вдохновения.

В конце того же года наша встреча повторилась, но уже в Рио-де-Жанейро, на знаменитой «Маракане», в присутствии 130 тысяч неумолкаемо ревущих зрителей. В том сезоне Бразилия обыграла со счетом 5 : 1 Англию, 2 : 0 — Федеративную Республику Германии, 5 : 0 — Бельгию, 3 : 0 — нашу команду... Естественно, ухудшать столь великолепный баланс хозяевам поля не хотелось.

На этот раз Николай Петрович Морозов отрядил в ворота меня, и с первых же минут я понял, что меня ждет трудное испытание. Матч начался шквалом яростных атак хозяев. Под неумолчный рев, хлопанье выстрелов, в огне и дыму фейерверка они повели массированное наступление на наши ворота. Уже на седьмой минуте Пеле, изящно обыграв защитника Афонина, сильно пробил по воротам, и я с трудом достал в броске посланный им мяч. Сто тридцать тысяч бразильцев стали скандировать его имя:

— Пе-ле! За-бей!

До перерыва счет не был открыт, и Морозов откровенно радовался в раздевалке:

— Ребята, продержитесь еще сорок пять минут, и будем считать, что вы сделали великое дело...

Но как продержаться, когда у бразильцев есть Пеле? Вот он получил мяч в центре поля, повел его вперед, потом резко вывел продольным пасом в штрафную Герсону. Передача была выполнена так идеально, что Герсон легко проскочил вперед мимо растерявшихся Сабо

Окончание. См. № 24.

и Шестернева и метров с восьми почти в упор выстрелил по нашим воротам.

А вскоре счет вырос до 2 : 0. На этот раз гол сделал сам Пеле! Да как! Опишу его подробней. Вот знаменитый форвард, находясь на центральной линии, получил передачу из глубины. Опекавший его персонально Валентин Афонин сразу пошел на него, но действовал он слишком прямолинейно. Пеле резко развернулся на сто восемьдесят градусов и, избежав прямой атаки, оставил опекуна за спиной. После этого, набирая скорость, стал надвигаться на наши ворота.

— Играйте с ним вплотную! — крикнул я партнерам.

В это мгновение продвигавшийся по пятам Афонин в метрах десяти от линии нашей штрафной почти настиг бразильского форварда. Чувствуя погоню, Пеле отдал короткий пас переместившемуся с правого края в центр Жаирзиньо, а сам легко ушел на место партнера. Афонин тут же рванулся к Жаирзиньо, но тот немедленно вернул мяч Пеле, который совершал мощный стартовый рывок, вышел на ударную позицию и метров с двадцати хлестко, звонко пробил в нижний, дальний от меня угол. Потом мы отыграли два мяча, и матч закончился вничью — 2 : 2, но запомнился не счет, даже не общий рисунок поединка, а игра Пеле — ажурная, артистичная и в то же время предельно рациональная.

Я был первым из всех зарубежных голкиперов, кто увидел перед своими воротами Пеле. Я играл против него в Рио-де-Жанейро. Я видел Пеле в дни зарождения его славы на стадионах Швеции, я видел, как его уносили с поля в Чили и как там вместе со всей командой он снова торжествовал большую победу. Я видел слезы на его глазах, когда бразильцы уходили с поля побежденными на чемпионате мира в Англии. Я наблюдал, как он ликует в Мехико. Всегда, в любых обстоятельствах Пеле оставался Спортсменом с большой буквы, человеком, безраздельно преданным футболу.

И еще одно. В шестьдесят восьмом, во время пребывания в Рио-де-Жанейро по случаю матча сборной ФИФА — сборная Бразилии, я имел возможность беседовать с ним с глазу на глаз и попросил его рассказать о том, как получилось, что он, не обучавшийся ни в каких специальных школах, игравший во дворе и на пустырях со своими сверстниками, в семнадцать лет был принят в лучший бразильский клуб «Сантос» и в сборную страны.

Внимательно выслушав вопрос, он ответил через переводчика:

— Главное, чему я научился в детстве,— это дриблингу на ходу, на скорости. Водиться и обыгрывать друг друга любят и умеют все ребята. Но при этом часто забывают, а еще чаще не знают, что главное — не просто обвести противника, а сделать это на скорости, выигрывая пространство, наступая. С детства я инстинктивно почувствовал, что надо добиваться исполнения всех финтов, любых самых сложных технических приемов в самое короткое время... Пожалуй, именно это я считаю главным, основным в обучении детей футболу...

Я слушал его мудрые слова и думал: какое счастье, что в свое время на пути одаренного ребенка не встал какой-нибудь учитель-педант. И еще снова и снова думал о том, как жизненно важно не убивать в юных футболистах присущих им индивидуальных черт...

Пеле продержался в седле почти пятнадцать лет. Он забил в ворота соперников почти 1200 голов, из них 99 в составе сборной Бразилии, за которую выступал в 108 матчах. Такие цифры на первый взгляд непостижимы, как непостижимо его влияние на ряд сторон общественной жизни. Вспоминаю, как бывший президент ФИФА господин Стенли Роуз во время одной из телевизионных передач спросил у Пеле откровенно:

— Считаете ли вы себя примером для бразильской молодежи?

На это последовал столь же откровенный ответ:

— Да, считаю, и это для меня большая честь. Мне кажется, что в какой-то степени я представляю образец, пример для молодежи всего мира. Но говорю это отнюдь не из тщеславия. Я всегда стремился хорошо делать свое дело, я боролся за победу честно, всегда был искренним с людьми... и поскольку эти принципы помогли мне найти свой путь в жизни и добиться победы, я думаю, что они вполне могут помочь и другим юношам из разных стран мира, ищущим свою дорогу в жизни...

Последний раз я увидел Пеле в Мехико на чемпионате мира 1970 года. И для меня, и для него это был уже четвертый чемпионат, и мы оба отлично понимали, что последний. Нужно сказать, что Пеле приехал туда после долгих колебаний: ведь многие уже сомневались в его силе. В Европе к нему кое-кто стал относиться как к выдающемуся, но уже, увы, престарелому маэстро, который заслуживает уважения и... покоя, а в самой Бразилии накануне отъезда команды в Мексику газеты, улавливая настроение болельщиков, выходили с аршинными заголовками такого примерно содержания: «Имеется ли в нашей сборной место для Пеле?»

Вопрос этот, конечно, имел определенный смысл. Вспомним, что после чемпионата мира 1958 года богиня Нике не очень благосклонно относилась к нему: в 1962 году в Чили он был травмирован во втором матче и выбыл из состязания, а в 1966-м в Англии двукратных чемпионов мира постигла неудача. Сам же Пеле, выведенный из состояния равновесия бесславным проигрышем, травмированный морально и физически (защитники не очень-то щадили его), вернувшись домой, громогласно заявил, что ноги его больше не будет на чемпионатах мира. Но в конце концов чувство солидарности с товарищами, чувство национальной гордости возобладало.

И вот он вышел на поле. И после первого же матча против сборной Чехословакии о нем снова восторженно заговорил мир. Многие специалисты, особенно из Европы, предполагали, что в его лице они увидят живой миф, не более. Но он творил на поле такие чудеса которые даже нельзя было представить. Его игра в матче с командой Чехословакии была из ряда вон выходящей.

Я прожил большую жизнь в футболе и могу с полным основанием сказать, что никогда в жизни не видел феномена, подобного Пеле. В Мехико он подтвердил славу непревзойденного спортсмена. Причем показал там не только великолепную игру, но и блестящий пример того, как должен относиться к своему искусству великий мастер. Истинное величие Пеле состоит в том, что он, несмотря на огромный талант, никогда, ни на минуту не останавливался в своем творчестве. Если в Швеции это был ослепительно одаренный беспечный мальчик, весело забивающий голы, если в Чили он взял на себя целиком груз лидера атак, если в Англии он с достоинством пережил горечь тяжелого поражения, то в Мехико мы увидели его в роли мудрого и вдохновенного дирижера, источника созидательной энергии команды. Огромным трудом Пеле подготовил себя к амплуа, которое озадачило всех его соперников и позволило великому бразильцу сыграть совершенно по-новому, но с прежней силой и пользой.

Воспоминания, воспоминания. Они гудят, как ветер в осеннем лесу. В какой год своей молодости ни заглянешь — везде тебя встречает неповторимое. Сижу за письменным столом, и в уши врывается музыка давно отшумевших матчей. Один за другим бьют по моим воротам уругваец Жюлио Аббода, венгр Флориан Альберт, испанец Амаро Амансо. Много выдающихся футболистов промелькнуло передо мной, обо всех и не напишешь, но я не могу не закончить этот очерк рассказом еще об одном форварде.

Бразильская звезда — Пеле.

Фото А. Бочинина

...В центре поля лондонского стадиона «Уэмбли» медленно, как бы в раздумье, одиноко стоял невысокий, стройный юноша, одетый в красно-белую форму лиссабонского «Бенфики». Его смуглое лицо оставалось невозмутимым, и только быстрый взгляд, который он временами бросал на игроков, скопившихся в штрафной площадке своей команды, выдавал томительное ожидание.

Но вот обстановка у ворот «Бенфики» разрядилась, и, повинуясь сильному и точному удару полузащитника Колуна, мяч оказался у одинокого форварда. И он преобразился. В одно мгновение штиль в центральном круге сменился ураганом. Едва заметным движением ноги протолкнув мяч мимо своих опекунов, молодой футболист рванулся вперед, с каждой секундой сокращая расстояние, отделявшее его от ворот «Милана». И в метрах двадцати от ворот, не замедляя бега, без подготовки он нанес по мячу удар огромной силы и отправил его в правый верхний угол ворот.

Признание к молодому спортсмену приходило не сразу. Когда в 1961 году «Бенфика» участвовала в международном турнире в Париже, он находился в запасе. Настал день матча «Бенфика» — «Сантос». Тот самый «Сантос», за который играл Пеле. Португальцы проигрывали 0 : 5. И вот тогда тренер «Бенфики», которому было уже все равно, выпустил на поле новичка. Эйсебио вышел неуверенным и взвинченным, но постепенно успокоился и стал показывать такую игру, что видавшие виды парижские болельщики ахнули. За 20 минут в ворота сильнейшей тогда клубной команды планеты неизвестный молодой бомбардир забил три мяча.

— Это, бесспорно, яркий талант, которому суждена большая жизнь в футболе,— сказал Пеле.

Знаменитый бразилец не ошибся. Ведомая Эйсебио, «Бенфика» дважды стала обладателем Кубка европейских чемпионов и еще трижды — финалистом. А сборная Португалии, преодолев длительный кризис, попала в заключительный этап чемпионата мира 1966 года.

Там-то мы и встретились на стадионе «Уэмбли» в матче за третье место.

— Опекать Эйсебио Николай Петрович Морозов поручил Валерию Воронину — одному из самых техничных игроков отечественного футбола, и это практически начисто выключило нашего талантливого полузащитника из наступательных действий. Правда, и Эйсебио был скован, но его влияние на ход матча все равно осталось огромным. Трижды Эйсебио убегал от Воронина, и мне стоило немалого труда отразить посланные им мячи. Постепенно игра выравнивалась, а за две минуты до перерыва в сутолоке у ворот Слава Метревели забил португальцам гол.

Но после отдыха нам от них досталось. Эйсебио стал все чаще ускользать от опеки. Во время одной из атак он разыграл очень красивую двойную комбинацию со своим центральным нападающим. Торрес сбросил ему головой мяч на ход, прорыв был неизбежен, и, чтобы предотвратить его, Хурцилава должен был сыграть рукой.

Пенальти доверили бить Эйсебио. И вот мы стоим друг против друга. Я знал, что, как правило, он бьет в правый от вратаря угол, к броску вправо приготовился мысленно заранее, хотя внешне свое решение ничем не выказывал, и вот свисток. Разбег. Удар. Так и есть — вправо. Но очень сильно и точно, и хоть в дальнем броске я достал мяч, но остановить его не смог. Лежу, слушаю, как гремят овацией трибуны, и вдруг вижу склонившееся надо мной лицо Эйсебио. Спокойное, даже чуть-чуть расстроенное. Он кладет мне на плечо руку и кричит в ухо:

— Яшин, ай эм сори!

По-русски это значит: «Яшин, прости». Вроде бы ерунда, мелочь. Но этот эпизод я запомнил навсегда.

Еще раз мы встретились с Эйсебио на банкете, устроенном ФИФА в честь победителей и призеров чемпионата мира 1966 года.

Перед началом ужина происходила торжественная церемония награждения. Англичане получили золото, спортсмены ФРГ — серебро, мы и португальцы — бронзу. Потом меня и Эйсебио снова вызвали в центр огромного зала. Тогдашний президент ФИФА Стенли Роуз вручил ему приз лучшего игрока и бомбардира чемпионата, а мне — приз лучшего вратаря. Мы крепко обнялись с ним под овации присутствующих и искренне поздравили друг друга.

За полтора десятилетия жизни в сборной я побывал во многих странах, встретился лицом к лицу с замечательными футболистами. Я видел этих людей в действии, играл против них, познал красоту их вдохновения, щедрость их дарования, богатство мастерства. Они навсегда остались со мной.

Литературная запись Л. ГОРЯНОВА.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. Р. СИМОНОВА

Театр имени Вахтангова. Он не просто носит имя своего выдающегося создателя. Свою деятельность коллектив театра всегда понимал как продолжение дела, начатого Евгением Вахтанговым. Сейчас театр возглавляет Евгений Рубенович СИМОНОВ, народный артист СССР. С ним беседует наш корреспондент Е. ГУДКОВА.

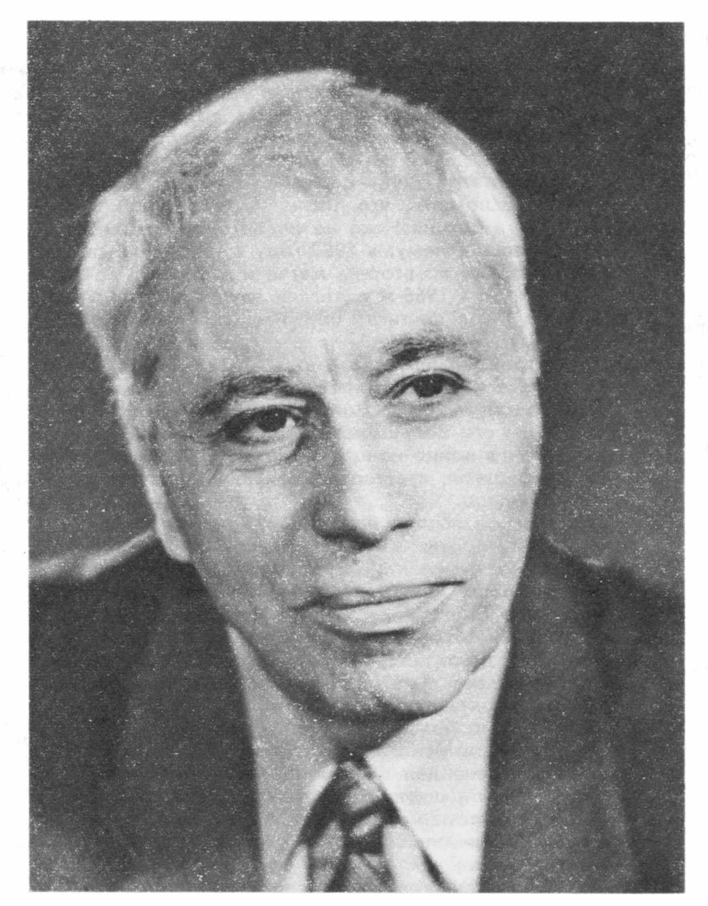

Фото М. Чернова

Вахтанговцы третьего поколения

— Как приходит потребность взяться за непростой труд режиссера? Что это — момент, подобный озарению, или длительный, требующий времени процесс?

— Театр Вахтангова во время войны ставил пьесу Ростана «Сирано де Бержерак». Я тогда мальчишкой сидел на галерке в темноте, никем не видимый, и наблюдал все репетиции Охлопкова. Я также присутствовал на репетиции, когда мой отец ставил спектакль «Фронт», а Дикий играл Горлова, и, наконец, когда Дикий сам ставил спектакль «Олеко Дундич», а Рубен Симонов играл Олеко Дундича. Вот эти три спектакля тогда произвели на меня ошеломляющее впечатление, я начинал предчувствовать высочайшие тайны режиссуры, которые потом на протяжении всей жизни старался понять, и, несмотря на то, что поставил около семидесяти спектаклей, все-таки не считаю, что здесь все понятно. Это сложнейшая профессия.

— На художника, которому довелось возглавить театр имени Вахтангова, ложится как бы двойная ответственность. Перед ним встают две взаимосвязанные задачи. Прежде всего — сохранить уровень театрального искусства, заданный создателем театра. Кроме того, что не менее важно, сберечь дух театра, направление, названное «вахтанговским». Это не следует понимать, что существуют какие-то условия, какие-то ограничения, налагаемые на художника. Но, очевидно, должна существовать внутренняя связь между его творчеством и вахтанговской традицией?..

— Мы, вахтанговцы, всегда задумываемся над бессмертным наследием Евгения Багратионовича Вахтангова. Я думаю, что самым великим его достижением является то, что он создал коллектив единомышленников, создал свой театр. Создавая театр, Вахтангов понимал, что требования, которые он поставит перед своими учениками, потребуют, говоря языком музыки, совершенного ансамбля виртуозов.

Вахтангов оставил после себя совсем молодое поколение. Среди них были артисты, которые обессмертили его имя, я имею в виду Бориса Щукина, Рубена Симонова, Цецилию Мансурову, Анну Орочко, Иосифа Толчанова, Иосифа Рапопорта, Бориса Захаву. Эти молодые вахтанговцы не только играли на сцене, но и думали о новом поколении. Все без исключения преподавали в театральном училище, которому в 1939 году было присвоено имя Щукина. Все названные мной старые мастера вахтанговского театра воспитывали своих учеников. Так воплощалась преемственность традиций. И сегодня старшие вахтанговцы много внимания уделяют молодежи. Сейчас в театре более тридцати молодых актеров. Все они воспитанники вахтанговской школы. Это новое поколение иногда напоминает мне старых вахтанговцев. Я всегда задумываюсь: в чем тут дело? Наверное, это есть живая передача через школу не интонационных свойств ушедших мастеров, а природы вдохновения и импровизации, которая зажигает новые поколения. Я думаю, что традиции передаются тогда, когда театр не изменяет своим принципам.

— Какой смысл заложен в понятие «вахтанговское направление», в чем основная суть духа театра?

— Когда Горчаков спросил Вахтангова: «Зачем вы ставите «Турандот?» — он сказал: «Не ради смеха. Я хочу разгадать коварные загадки, которые загадывает коварная принцесса—жизнь». Разгадать загадки жизни. Вот что имел в виду Вахтангов. Это было утверждение праздника жизни, и утверждал этот праздник умирающий человек. Он завещал людям радость.

— Одним из самых важных условий существования театра Евгений Вахтангов считал актуальность искусства. Всегда все свои начинания вахтанговцы почитали себя обязанными соотносить с современностью.

— У театра в настоящий момент несколько направлений репертуара. Прежде всего это, конечно, линия раскрытия сегодняшнего дня, линия современной пьесы. За шестьдесят сезонов в вахтанговском театре не было сезона, когда бы он не поставил новую советскую пьесу. Современная советская тема — генеральная линия театра. Есть еще линия Щукина—линия высочайшего реализма и огромной психологической глубины. Есть линия праздничного театра, театра юмора, изящного театра. И есть еще одна важнейшая линия, которой мы владеем и гордимся,— это поэтический театр. Вахтангов, конечно, был режиссером-поэтом, человеком, близким по своей природе пушкинскому, моцартовскому началу.

Я рад, что мне за последние сезоны удалось осуществить давнюю мою мечту — поставить поэтическую трилогию. Это «Мистерия-буфф» Маяковского, «Роза и крест» Блока, пьеса Марины Цветаевой «Три возраста Казановы». Наверное, тайна поэтического спектакля еще не разгадана. Не случайно мы не имеем великих образцов постановки «Бориса Годунова», не так уж часто украшают наши сцены «Маленькие трагедии». Мне кажется, что поэтический театр требует лаконизма и особого, образного мышления. Я совершенно не могу слышать, как человек произносит стихи с такой же интонацией, с какой можно читать бытовой рассказ, и, с другой стороны, не нравится бенгальский огонь холодно приподнятых чувств, ложного классического исполнения. Я думаю, что здесь нам есть чему учиться у Яхонтова, который никогда не был напыщен и никогда не был обытовлен. Он держал золотую середину. Когда спросили одного из друзей Пушкина, как сам поэт читал свои стихи, он сказал: «Просто и вместе с тем поэтически приподнято». Вот эта формула — просто и вместе с тем поэтически приподнято — чрезвычайно важна.

Мы, вахтанговцы, стремимся не изменять этому жанру, много занимаемся словом.

Когда я начинал постановку поэтической трилогии, некоторые товарищи говорили мне: это «консерваторское» искусство, оно вряд ли вызовет прилив зрителей, поэтический спектакль, как симфония, не может играться часто, потому что он требует серьезной внутренней подготовленности. Я спорил со своими друзьями и говорил, что сегодня есть огромная духовная потребность в таком театре. Сегодня зритель прекрасно понимает Маяковского с его революционным могуществом и призывом, тонкость и одухотворенность Блока, красоту, нежность, мужество Марины Цветаевой. Наконец, сейчас у зрителя чувствуется потребность в сопричастности с высочайшим русским словом. Кто знает, может быть, десять лет тому назад эти спектакли остались бы непонятыми, но сегодня зритель чрезвычайно тонок.

— Самозабвенная работа, без которой не существует истинное мастерство,— это тоже своего рода завет Вахтангова. Работа, как внутренне наполненный процесс, когда истовое отношение к делу обязательно даст отсвет на окончательный результат...

— Историю вахтанговского театра совсем не надо понимать как некое праздничное шествие, много было неудач, многие спектакли рождались в горячих спорах. Театр Вахтангова — организм живой. Здесь люди откровенно высказывают свои согласия или несогласия, но когда дело касается какой-то большой, центральной работы, здесь объединяются все. Так было совсем недавно на нашей последней работе. У меня родилась идея — режиссерски объединить в одном спектакле произведения Константина Симонова и маршала Жукова. Мы взяли период нашей большой победы под Ельней, решив осветить событие взглядом писателя и взглядом маршала.

В театре царила какая-то особая атмосфера. Это и есть удивительное преображение, когда без всяких указаний уже в раздевалке люди тихо разговаривали, серьезно себя вели, были отменены обычные шутки, игра в домино и все прочее. В свое время, я знаю, такая атмосфера царила в театре, когда Щукин впервые создавал образ Владимира Ильича Ленина в пьесе Николая Погодина «Человек с ружьем» в постановке Рубена Симонова.

Вахтангов всегда мечтал о триединстве — театр, студия, школа. У нас есть театр, у нас есть школа. И мы мечтаем создать студию. Сейчас эта мечта близка к осуществлению: решением Моссовета нам передано помещение, где должна разместиться наша студия.

Театр — в пути, театр — в движении, театр стремится к тому, чтобы быть совершенным, отвечать зову времени.

Некогда вахтанговский театр возник из третьей студии МХТ. Он был создан молодыми художниками, остро ощущавшими потребность времени. Сейчас театр представляет собой содружество мастеров. Свою задачу они видят не только в том, чтобы их искусство отвечало современности, но еще и в том, чтобы эту потребность воспитать у своих преемников. В этом — залог долгой творческой жизни театра.

ЧТО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ?

Говорят, судьбу не выбирают.

Виталий Георгиевич ВОЛОВИЧ — человек необычной, увлекательной судьбы, редкой, но очень нужной профессии. Молодой врач-парашютист, он одним из первых в мире совершил прыжок с парашютом на дрейфующую льдину у Северного полюса, работал на дрейфующих станциях «Северный полюс-2» и «Северный полюс-3», был награжден орденом Ленина.

В Арктике В. Г. Волович нашел свое призвание. «Человек в экстремальных условиях природной среды» — так называется его последняя книга, вобравшая опыт двадцатипятилетних исследований.

Среди них были трудные и опасные эксперименты на «выживание» человека в экстремальных условиях пустыни, джунглей, океана, тундры — эксперименты, в которых Виталий Георгиевич, доктор медицинских наук, продолжает принимать непосредственное участие.

— Я занимаюсь тем, о чем мечтал с детства,— рассказывает В. Г. Волович.— Меня окружали сильные, смелые и — главное — надежные люди. Я хотел походить на них. Таких людей, одержимых и страстных, я встретил затем в Арктике, в отряде космонавтов, среди моих коллег, врачей-экспериментаторов, и наших добровольных помощников-испытателей.

Область исследований, которую в свое время открыл мне Полюс, получает сейчас все более широкое применение. Не обделена она и вниманием общественности. Слово «экстремальный» часто мелькает на страницах газет и журналов, его обычно произносят с боязливым почтением. Однако при этом не всегда отдают себе отчет, что экстремальность в общем-то нормальное явление для отношений человека с природой. Где только не приходится нынче жить и трудиться людям: и в тундре, тайге, пустыне, и в океанских просторах, и в глубинах морей, и у полярных шапок планеты! А значит, ученым необходимо проверять там запасы прочности человеческого организма, исследовать механизмы его приспособляемости и адаптации к природной среде.

«Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха» — к такому выводу пришел поистине замечательный человек, французский врач Ален Бомбар, изучив многочисленные случаи морских катастроф. И вот, чтобы доказать, что главным оружием человека в борьбе со стихией являются воля и мужество, он 19 октября 1952 года на крохотной надувной лодке «Еретик» абсолютно безо всяких запасов воды и пищи отплыл с Канарских островов, держа курс к берегам Америки. 65 суток длилось это удивительное плавание, во время которого Бомбар питался лишь пойманной рыбой, а жажду утолял рыбьим соком да дождевой водой. И благополучно достиг цели.

Три года спустя одиночное океанское плавание на пироге совершил либерийский врач Ханнес Линдеманн. Условия эксперимента были те же, продолжительность — два с лишним месяца. Не довольствуясь этим, Линдеманн через год повторил свое плавание уже на байдарке; попал ночью в шторм, очутился в воде и только к утру, теряя сознание, сумел забраться обратно в лодку. Он выдержал еще немало подобных испытаний и в результате победил.

Плавания Бомбара и Линдеманна — гимн человеческому мужеству, стойкости и находчивости во имя спасения жизни. Они вдохновили многих, экспериментально доказав, что длительное автономное существование человека без воды и пищи в океане вполне возможно. Это подтвердили впоследствии потерпевшие кораблекрушение супруги Бейли, которые 117 суток считались по волнам в надувной лодке, и четыре советских воина — Зиганшин, Поплавский, Крючковский, Федотов, чей подвиг стал известен всему миру. Почти без воды и пищи провели они 49 суток в штормовом зимнем океане...

Так вот, наша задача — научно обосновать, как при минимальных запасах воды и пищи максимально долго сохранить здоровье, работоспособность, какой рацион предпочтительнее в пустыне, а какой в тундре, чем можно его заменить «на месте» в различных природно-климатических зонах, что противопоставить жаре и холоду, солнечной радиации, обезвоживанию организма.

Все эти проблемы находятся в ведении молодой **медицины выживания**, которая теперь выделяется в самостоятельную науку и обретает права гражданства. Причем если раньше термин «выживание» означал главным образом «спастись», «уцелеть», то сегодня мы понимаем под ним в первую очередь возможность активной деятельности человека, оказавшегося в экстремальной ситуации. Чтобы определить пути обеспечения этой возможности, я и мои коллеги всегда имели в своем распоряжении только одно средство — эксперимент. Вот почему мы регулярно отправлялись в малонаселенные, труднодоступные районы земного шара и там моделировали разные экстремальные ситуации.

В Арктике мы, например, строим эскимосское иглу, отапливаемое одной свечкой, или вырываем снежную пещеру, где проводим дни и ночи, наблюдая физиологические процессы в организме под воздействием низких температур, ограниченной подвижности, скудного аварийного пайка и местных продуктов питания. В пустыне сооружаем тент из купола парашюта, испытываем себя голодом, жаждой, солнечными лучами, примеряемся к всевозможным физическим нагрузкам, опробуем способы добывания воды и пищи в раскаленных песках. В океанских тропиках погружаемся на спасательную шлюпку, дабы вкусить «прелести», поджидающие потерпевших кораблекрушение...

Испытатели имеют право прервать эксперимент — их страхуют,— однако они, как правило, доводят эксперимент до конца, помня, что надо выдержать и затем подробно описать свое состояние. Иначе все затраченные усилия будут напрасны. И тут-то человек раскрывается полностью. Бывает, в компании твой будущий спутник ну прямо душа общества! А потом выясняется, что он себялюбец и трус: может тайком съесть остаток пайка, выпить последний глоток воды. Ослабнет — начнет хныкать, не сумеет больше терпеть — сорвется. Так что в наших экспериментах на «выживание» попутно проверяются не только физические, но и нравственные кондиции. Ведь никакие тесты не выявят сокровенные стороны человеческой натуры так, как экстремальная ситуация, где особенно требуются надежность, взаимовыручка, готовность к самопожертвованию.

— Итак, инструмент познания вашей научной области — эксперимент. Но разве для выработки оптимальных рекомендаций в каждой конкретной экстремальной ситуации уже было их недостаточно — добровольных и вынужденных?

— Соратник Амундсена, известный полярный исследователь Х. Свердруп писал, что между исследователем, который производит опыты в лаборатории, и тем, который изучает явления в природе, существует большая разница. Первый обладает возможностью получать ответы на интересующие его вопросы посредством лабораторного труда, второму приходится иногда годами накапливать наблюдения, пребывая в самых труднодоступных местах Земли, чтобы продвинуться на какой-нибудь шаг к постижению сущности явлений и связи между ними. Один может регулировать условия опыта, последовательно изучать отдельные явления. Другой непосредственно наблюдает сложные опыты, которые производит сама природа, и пытается понять их при помощи первоначальных законов, установленных лабораторным путем.

Нечто подобное происходит и у нас. Какой бы богатый фактический материал ни накопила медицина выживания, его всегда будет недостаточно для изучения конкретной экстремальной ситуации в тех или иных природных условиях. И ни один вчерашний эксперимент, пусть даже самый исчерпывающий, не заменит сегодняшнего и завтрашнего. Ибо в природе все течет, все изменяется. И в человеческом обществе тоже. Появляются новые защитные средства, оборудование, приборы, новые медикаменты и продукты питания. Рождаются новые идеи, новые возможности. Меняются условия труда и самой природной среды. А значит, все это надо проверять, испытывать...

— Виталий Георгиевич, вы и ваши товарищи изучаете состояние людей, потерпевших кораблекрушение или авиационную аварию. Скажите, не влияет ли на чистоту ваших экспериментов отсутствие реально затонувшего корабля или совершившего вынужденную посадку самолета?

— Конечно, влияет. Однако психологический фон по-своему проступает у нас на испытаниях. И хотя в ходе их мы не закладываем ударных психических нагрузок, стремимся избежать всякого рода неожиданностей, нервное напряжение, ох, как дает себя знать! Казалось бы, нашим испытателям-добровольцам заранее точно известно, в каких условиях и сколько времени продлится их автономное существование, какое им будет отпущено количество воды, пищи, какие защитные средства, оборудование, одежда и прочее, но все равно к концу эксперимента нервы у каждого натягиваются до предела.

Однажды я попытался создать «потерпевшим кораблекрушение» дополнительную стрессовую ситуацию и договорился с капитаном страхующего судна, что на исходе установленного срока он передаст нам по рации на шлюпку предложение продержаться на воде еще сутки. Палящее и слепящее солнце тропиков, изнуряющая качка, голод, жажда, замкнутость и неподвижность нашего маленького мирка сделали за эти дни свое дело. Услышав сообщение, я, который был его инициатором, какой-то частью сознания допустил мысль: а вдруг нам и впрямь продлили добровольные муки — и пришел в страшное негодование. О реакции моих не подозревавших о задуманной мною инсценировке спутников, считавших не то что дни, часы до завершения эксперимента, лучше не упоминать...

— Вероятно, все же от непредвиденных обстоятельств вы в своей работе не застрахованы?

В ОБХОД

А. ПАНЧЕНКО

Жить по совести

Командировка забросила меня в город моей юности. Радость свидания с родными местами понятна каждому. Идешь по улице и с жадным интересом вглядываешься в лица прохожих: может быть, тот, встречный, окажется другом неповторимых лет — твоим школьным товарищем? Выпало мне в этой поездке немало неожиданных встреч и бесед с людьми, знакомыми по тем давним — сорок лет прошло! — годам и вовсе не знакомыми. И была среди них одна, запомнившаяся своей необычностью.

...Об этой истории я слышал в детстве — о ней говорил тогда весь наш городок. Только не думалось, что судьба сведет меня в будущем с одним из ее «героев».

Школьный друг спросил меня при встрече: «А помнишь Юрку? Блудный сын вернулся».

И вот встреча — и долгая, больная беседа с Юркой, Юрием Андреевичем.

Я не думаю, что будет дурно, если воспользуюсь сегодня доверительностью, «интимом» разговора с человеком, который хотя и не был другом детства и юности, но жил рядом, по соседству.

* * *

...Эх, Юрка, Юрий Андреевич! Вот уже третий час рассказываешь ты историю своей непутевой жизни. В сорок третьем военном году пятнадцатилетним пацаном ты попался вместе со своими сверстниками на краже зерна с колхозного тока. Кража была небезобидной. Пятеро подростков связали старика сторожа, заткнули ему рот тряпкой, насыпали зерна в чувалы и спрятали их в прикубанском лесу, чтобы потом продать. Уже тогда Юрка «пошаливал» — вначале, как ты сейчас говоришь, «по мелочи» — снимал с мальчишек и девчонок шапки, воровал бельишко с веревок во дворах, и вот операция с зерном, групповая, при отягчающих обстоятельствах, особенно с учетом законов военной поры. Четверых из этой компании позже задержала милиция, а ты, Юрка, пустился в бега.

Беседуем на улице, где прошумело твое детство, где начиналась юность, так бездумно прожитая тобой. Ходим взад-вперед по улице с разномастными одноэтажными домиками, среди которых нет-нет да и попадаются еще довоенные хаты, но уже не под камышовыми, а черепичными и шиферными крышами. Проходим мимо домика, где когда-то жил один из твоих сообщников по краже.

— Да, жил Валет в хибаре, а теперь в двухкомнатную квартиру перебрался, в самый центр города. И Борька тоже. А ведь и он тогда с нами накуролесил.

Говоришь все это ты таким тоном, что сразу и не понять, радуешься или завидуешь житейской удаче своих бывших друзей.

В огромных цыганских глазах твоих, словно присыпанных пеплом, вспыхивают огоньки.

Постой, постой, Юрий Андреевич. Теперь я совершенно точно улавливаю оттенки чувства, которое ты с таким трудом дотоле сдерживал. Имя этому чувству — злость.

— Где же справедливость, где? — спросил ты, остановившись. — У Валета и Борьки семья по три человека. И каждому — двухкомнатная квартира с газом, ванной, балконом. А я? Шестой десяток разменял — и ни кола, ни двора, как говорится. Хочешь посмотреть, как я живу? Одна комната в общей квартире на меня с женой. И вот, понимаешь, стучусь-стучусь в разные двери — в горисполком, к директору завода, в профком... К депутату горсовета обращался. Домой его притащил. Думал, перед выборами, может, получу. Но пришел, осмотрел — и с выводами жилищной комиссии согласился. В порядке очередности квартиру получишь, сказал. Но не на такого напал. Я свое вырву! Думаю к депутату Верховного Совета смотаться, а не повезет, напишу в Москву.

Ты называл самые высокие инстанции. А потом добавил:

— Я сыграю на всем.

И продолжил жестко и решительно, произнеся по слогам:

— Год-то у нас какой, ю-би-лей-ный. Тут-то не могут отказать. Посмотрю, какая она, Советская власть.

Не мог я перебить этот затянувшийся энергичный монолог: надо же дать человеку выговориться. Но после этих слов не выдержал, сказал:

— Юрий, давай поговорим по совести, откровенно.

Признаться, в том разговоре я опасался, что любой мой довод будет истолкован тобой превратно, как «чтение морали». А какое уж тут чтение морали? Как говорится, не тот у нас возраст...

Вспомни, как ты рассказывал мне о своей жизни после кражи: «Прибился на шахту и начал вкалывать сразу».

Готов поверить в это — освобожденный Донбасс в разрухе, в большой беде, нуждался в рабочих руках.

«Я был здоровым парнишкой, и один бригадир на свой страх и риск зачислил меня в крепежную бригаду».

Так говоришь ты сейчас. Шахта была, но значительно позже. На самом деле несколько лет ты колесил по железным дорогам, избрав «профессию» вагонного и вокзального вора. Сколько знакомых видели тебя в то время в компании любителей чужого добра: кто в Ростове-на-Дону, иные в Краснодаре, Минводах или Туапсе — Сочи.

Но что было — быльем поросло. Какие бы блуждания и падения ни украшали твою биографию, стал ты в конце концов после работы на шахте токарем.

Ты показывал свой заводской пропуск.

— Жаль только, что в нем разряд не указан, — посетовал ты. — Но можешь поверить на слово, что разряд вот уже сколько лет у меня сто́ящий. Да и трудовая книжка: без наград-благодарностей, но и без особых нарушений КЗоТа.

Рассказал ты мне и о встрече с той, что стала подругой твоей жизни: «Понимаешь, накипи во мне было немало. Сам сознавал, что муж я трудный, не сахар, словом, но она как-то незаметно прибрала меня к рукам. Родился сын Алешка, сейчас он взрослый, живет отдельно, внуком порадовал. Тогда мне повезло: довольно быстро от шахты дали квартиру — две комнаты, удобства. Жил прочно — деньги́, барахла, всего хватало...»

Вот тут-то, помнишь, Юрий Андреевич, я спросил:

— Значит, у тебя есть две Советские власти — та, что в Донбассе дала тебе квартиру, — власть хорошая, а вторая, здешняя, — плохая — заставляет стоять в очереди на жилье?

Ты ожесточился:

— А я об этой высокой материи не думал. Я ведь рабочий человек, мне вынь да положь.

Поняв, что перегнул, ты погасил вспышку раздражения, заговорил спокойнее:

— Но сколько б и где я ни работал, а после шахты я стал токарить — тянуло в родные места. И с каждым годом сильнее. Не выдержал. Пытался обменять донбасскую квартиру, чтобы всей семьей с сыном (он к тому времени вернулся из армии) переехать вместе. Жена поняла. Но с обменом не повезло. Сын остался на старом месте.

И вот—здравствуй, виноградно-

— Разумеется. Все предусмотреть невозможно, поэтому даже самая тщательная подготовка отнюдь не исключает элемента случайности.

Несколько лет назад мы проводили очередной эксперимент в Тихом океане. Группа оставалась на свободно дрейфующей в заданном квадрате шлюпке, корабль уходил, а через пять суток должен был подобрать нас на том же месте.

Капитану наша «затея» пришлась не по душе: того и гляди подымется ветер, волны, шлюпку отнесет, ищи ее потом! Нет уж, говорит, лучше я вас к бую привяжу, так будет надежнее. Принайтовали нас крепчайшим манильским канатом к огромной бочке на якоре, снабженной еще вдобавок мачтой с радиолокационным отражателем; корабль ушел, и мы остались вдесятером посреди океана.

Болтаемся спокойно день, другой. Солнце, как и положено, палит, жажда мучит, влажность невыносимая. На третьи сутки к вечеру край горизонта внезапно потемнел, стремительно надвинулась непроницаемая черная пелена, на глазах поглощавшая звезды, и разыгрался настоящий шторм. Хваленый манильский канат не выдержал, шлюпку оторвало от буя и понесло... А тут еще хлынул ливень, резко похолодало. Прямо скажем, положение не из приятных. Волны, особенно страшные в темноте, перехлестывают через борта, обдают с ног до головы. Мы то проваливаемся, то взлетаем вровень с шипящими белыми гребешками, их только и видно. Корабль за сто километров, связи нет — рация, как и положено в таких случаях, забарахлила. Пробуем завести мотор — сломался. Ну, словом, все одно к одному.

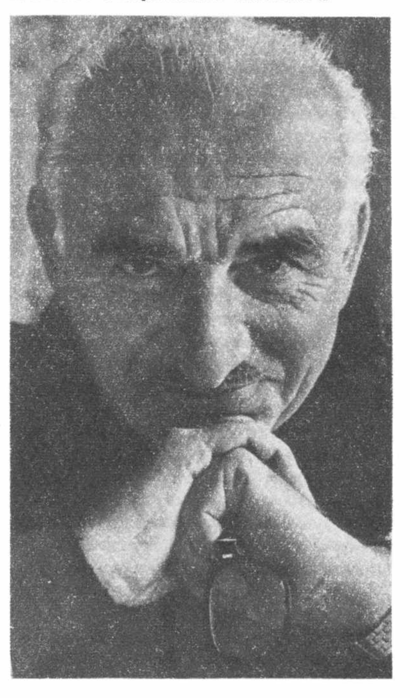
К счастью, нас не перевернуло, надувные плоты не понадобились, никого не смыло за борт, никто не пострадал. Но главное, ситуация не вышла из-под контроля, паники не было, все четко выполняли свои обязанности. С рассветом стало полегче. Однако вот что любопытно: нами владело ощущение некой нереальности происходящего, игры: хотели ЧП и, пожалуйста, получайте! Наверно, если кто и пережил тогда стресс, так это капитан, потеряв с нами связь и не обнаружив наутро шлюпку у буя. «Тебя акула съест, а мне отвечать», — с известной долей истины пошутил как-то его коллега, в другой раз опекавший нашу экспедицию. Акул, между прочим, мы неоднократно встречали во время экспериментов в Тихом и Индийском океанах. Пробовали даже отпугивать их патентованным средством — безрезультатно. Это пока одна из нерешенных проблем.

Отыскали же нас на второй день. И хотя мы не сомневались, что помощь скоро подоспеет, но все же не могли сдержать бурного ликования, завидев на горизонте родной корабль.

— В последние годы большой размах приобрели длительные и сложные экспедиции, нередко проходящие в экстремальных условиях природной среды и наряду со спортивно-пропагандистскими ставящие перед собой также научные задачи...

— Да, такие переходы приносят медицине выживания существенную пользу. Вот уж где сплошь и рядом возникают самые непредвиденные ситуации, которые невозможно смоделировать ни в каких экспериментах. Многие эти экспедиции курируют ученые, их участники порой выполняют серьезную программу медицинских исследований и наблюдений.

Виталий Георгиевич Волович.

Высокие оценки, по отзывам специалистов, заслужил поход через Каракумы. Суммируются и обрабатываются итоги других экспедиций.

Риск в подобных трудных путешествиях действительно оправдан высокой целью, но хочется всетаки, чтобы их участники обязательно соизмеряли свои силы с предстоящим маршрутом, не полагались на пресловутое «авось». Только тогда они смогут доказать — и в первую очередь себе, — на что способны. Ведь, покоряя природу, человек тем самым познает самого себя. Поэтому как бы далеко ни продвинулась в своем развитии современная цивилизация, люди по-прежнему будут штурмовать заоблачные пики гор, отправляться на веслах и под парусом в неведомые морские просторы, бродить с рюкзаком за плечами в тайге...

— Виталий Георгиевич, позвольте задать вам, быть может, несколько щекотливый вопрос. Каковы возрастные пределы у людей вашей профессии?

— Вопрос и правда коварный. Тем не менее постараюсь на него ответить. Не так давно на одну из высочайших вершин Альп поднялся семидесятисемилетний ав-

абрикосовый город детства, который ты много лет назад покинул, скрываясь от суда. Мать уступила свою комнату, а сама переехала к твоей сестре, у которой хороший дом.

Тебя, не роясь в твоем прошлом, не напоминая о нем, зачисляют токарем на машиностроительный завод.

Я поинтересовался, вел ли ты разговор о квартире при поступлении на работу.

— Что я, чокнутый, что ли? Через год, конечно, включился и начал «выгрызать» жилье.

Позже я заходил на завод, где ты работаешь. Председатель профкома и директор показали списки нуждающихся в жилье, точнее, в улучшении жилищных условий, как и ты. Список уже невелик. Но я обратил внимание, что у всех стаж работы на этом заводе был побольше твоего — и значительно. Одно это, согласись, даже при прочих равных условиях (метраж, состояние жилья и т. д.) давало им законное преимущество.

Побывал я и в горисполкоме — и не для того, чтобы ходатайствовать за тебя. Просто хотелось докопаться до истины. Мне показали немало списков очередников. Среди них — об этом тяжело и больно говорить — список инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов, которые должны получить квартиры в нынешнем юбилейном году. После того как я ознакомился с этим списком (по счастью, в нем не так уж много фамилий), кощунственной представилась твоя угроза «отыграться на юбилее».

Очень жалею, что не зашел вместе с тобой к Вальке — Валету, твоему сообщнику по той давнишней краже. Так получилось, что навестил я его сам. Валентин Иванович—через несколько лет он выйдет на пенсию — откровенно поведал мне о своей жизни. После тюрьмы каменщиком вернулся в родной город, потом стал бригадиром строителей, бригада возвела десятки жилых домов. Награжден двумя медалями, а для Почетных грамот и дипломов в семье заведена отдельная папка — их у Валентина Ивановича за тридцать с лишним лет работы почти столько же.

Помнишь, Юрий, окончание нашего разговора? Ты, кажется, обиделся, когда я попытался как можно деликатнее, с учетом твоей раздраженности и непримиримости, объяснить суровую правду житейской ситуации, в которой ты оказался исключительно по своей вине. Тем более, что вернулся ты в родной город по собственному желанию.

Кого ты хочешь обойти, оттеснить в сторону — пенсионера А. Н. Глотова, безукоризненно отработавшего на одном предприятии сорок лет и жившего до сих пор без всяких удобств? Или машиниста электровоза М. И. Сонина? Снимая две комнаты в частном доме, он несколько раз уступал очередь своим товарищам по работе, более нуждающимся в жилье, и лишь сейчас въезжает с семьей из пяти человек в трехкомнатную квартиру. Или вдову и сестру погибшего воина Л. Н. Торопа?

Могу продолжить этот список, Юрий Андреевич. И было бы в высшей степени несправедливым, если бы ты по случайности (вдруг кто-то испугался твоего «горла», обращений к депутатам, писем в высокие инстанции, спекуляции на юбилейном году) обошел когонибудь в этом списке.

Не знаю, удалось ли убедить тебя, Юрий, преодолеть твое упорное нежелание хотя бы наедине с самим собой разобраться в жизни. Наверное, не удалось. Иначе бы ты не сказал при расставании:

— Вот увидишь, я свое вырву. Очередь не для меня.

И все-таки тебе придется постоять в очереди. По закону справедливости. И никто не изменит этого порядка. Даже для людей с особо прочным «горлом».

стриец и после спуска заявил, что чувствует себя отлично. Знаменитый Тур Хейердал в весьма почтенном возрасте дважды пересек океан на судне из тростника. Я был знаком с видными нашими учеными, которые, побеждая старость, продолжали уходить в тяжелые экспедиции и не отставали от молодых. Дело в ресурсах каждого конкретного организма; и то, что один может в восемьдесят, другой не сможет и в двадцать пять.

Потому, я думаю, следует вести речь не о возрастном, а о физическом пределе. Последний же в наших собственных руках. Нужно только постоянно поддерживать спортивную форму, многолетнюю привычку к преодолению трудностей и лишений. А что лучше в этом плане, чем дальняя экспедиция с ее специфическими нагрузками, в которой, оторвавшись от письменного стола и лабораторных стендов, ты вновь способен почувствовать себя мужчиной, проверить свою волю и выносливость?

Спросите ветеранов — первопроходцев, моряков, летчиков,— тех, кому в силу служебной необходимости прежде всего адресованы наши рекомендации, и они наверняка скажут вам то же самое.

Возраст, конечно, вещь неуточная, о чем врачу тем более положено знать. Но в моей работе зачастую приходится забывать и про возраст, и про все остальное. И это, в сущности, прекрасно!

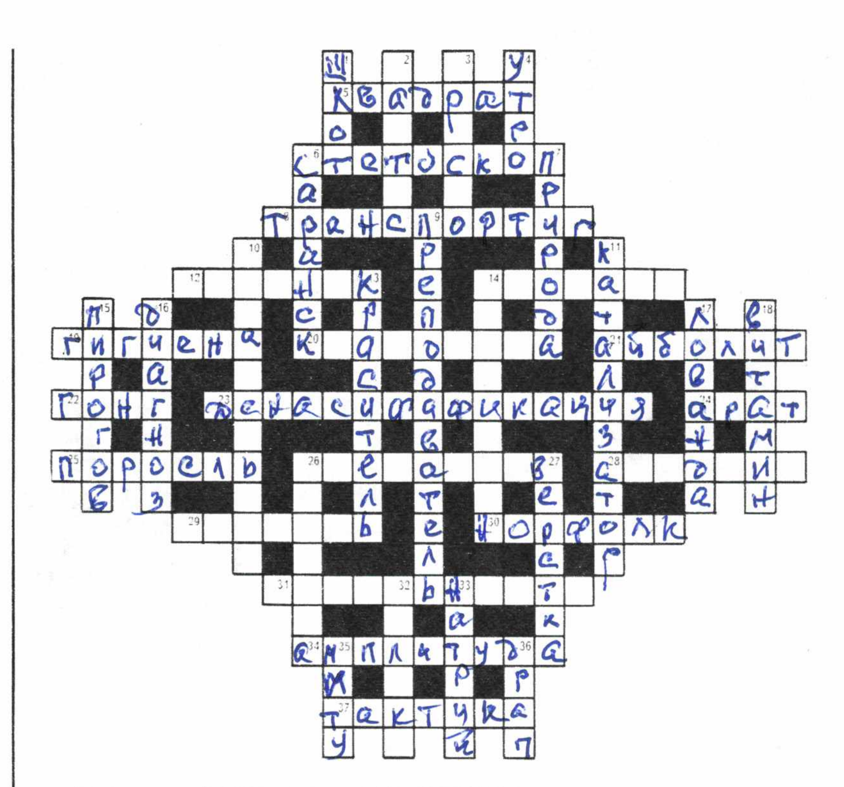
Записал Ю. ОСИПОВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Норильск. Рудник «Комсомольский». (См. в номере материал «Полуночное солнце»).

Фото Г. КОПОСОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Венесуэльский амазон, его зовут Гриша (Южная Америка) * Огненный ткачик (Африка) * Сенегальский попугай * Масковые неразлучники (Африка) * Благодарные зрители * Голландский белохохлый петух. (См. в номере материал «Приходи, друг!»).

Фото И. ГАВРИЛОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Прямоугольник с равными сторонами. 6. Врачебная трубка для выслушивания сердца, легких. 8. Полукруглая пластинка с масштабной линейкой для нанесения и измерения углов на чертежах. 12. Бабочка. 14. Дикая утка. 19. Раздел медицины, изучающий влияние условий жизни и труда на здоровье человека. 20. Зеленая водоросль. 21. Доктор, герой сказки в стихах для детей К. И. Чуковского. 22. Ударный сигнальный инструмент. 23. Разоружение. 24. Трудящийся-скотовод в Монгольской Народной Республике. 25. Молодые побеги растений. 26. Киноактер, народный артист СССР. 28. Советский детский писатель. 29. Город в Свердловской области. 30. Вулканический остров вблизи Австралии. 31. Подвижность, способность к быстрому действию. 34. Наибольшее отклонение колеблющегося маятника. 37. Искусство подготовки и ведения боя.

По вертикали: 1. Снасть для управления парусами. 2. Русский скульптор, автор памятника Минину и Пожарскому. 3. Музыкальный темп. 4. Картина Б. М. Кустодиева. 6. Столица АССР. 7. Советский естественнонаучный популярный журнал. 9. Учитель, педагог. 10. Прямая, имеющая общую точку с кривой линией. 11. Вещество, изменяющее скорость химической реакции. 13. Органическое соединение, придающее определенный цвет текстильным материалам, бумаге, пластмассам. 14. Сторож в пьесе М. Горького «Дачники». 15. Русский врач, основоположник военно-полевой хирургии. 16. Определение болезни. 17. Лекарственное травянистое растение. 18. Вещество, необходимое для нормальной жизнедеятельности организма. 26. Нидерландский философ-материалист, атеист. 27. Составление полос газеты, журнала. 32. Конструктор авиационных двигателей, академик, Герой Социалистического Труда. 33. Химический элемент, щелочной металл. 35. Река в Колумбии. 36. Плотная с ворсом ткань для верхней одежды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 1. «Красавица». 7. Гроздь. 8. Энеску. 10. Новатор. 11. «Родник». 12. Гончая. 13. Касальс. 15. Октава. 17. Ульман. 19. Буссоль. 20. Плоешти. 22. «Прачки». 25. Осадки. 28. Реполов. 29. Чавыча. 30. Адонис. 31. Тетерев. 33. Секста. 34. «Мазепа». 35. Мораторий.

По вертикали: 2. Радон. 3. Астрахань. 4. Центр. 5. Ровница. 6. Осокорь. 7. Гандан. 9. Удочка. 13. Капонир. 14. Суворов. 16. Труба. 18. Метод. 21. Геодезист. 23. Реверс. 24. Чечетка. 26. Андреев. 27. Куница. 31. Титло. 32. «Враги».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 27.05.85. Подписано к печати 11.06.85. А 00365. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1565. Заказ № 698.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

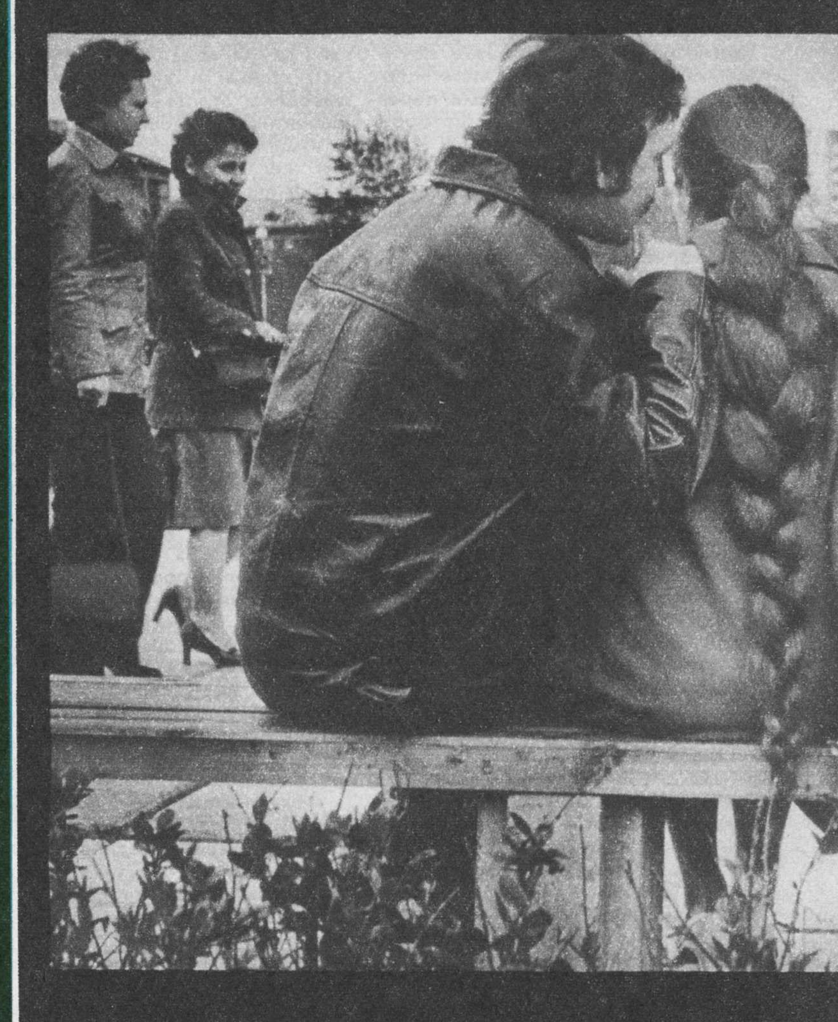
ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

На выставке.

Невеста с приданым.

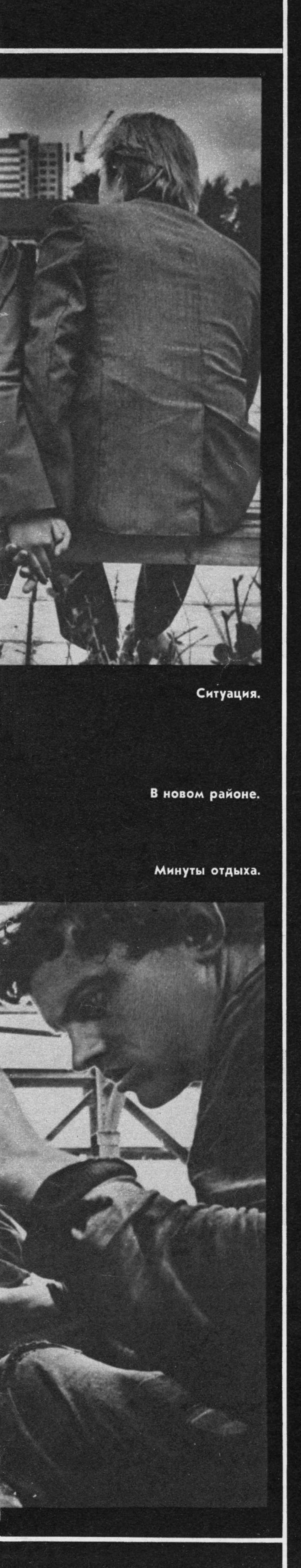

Сергей Васильев — корреспондент газеты «Вечерний Челябинск». В городе хороший фотоклуб, который объединяет большую группу талантливых фотографов.

Сергей Васильев — обладатель четырех призов «Золотой глаз», полученных на ежегодных международных выставках прессы «Уорлдпрессфото», и многих других наград.

На этих страницах напечатаны его снимки.

Ситуация.

В новом районе.

Минуты отдыха.

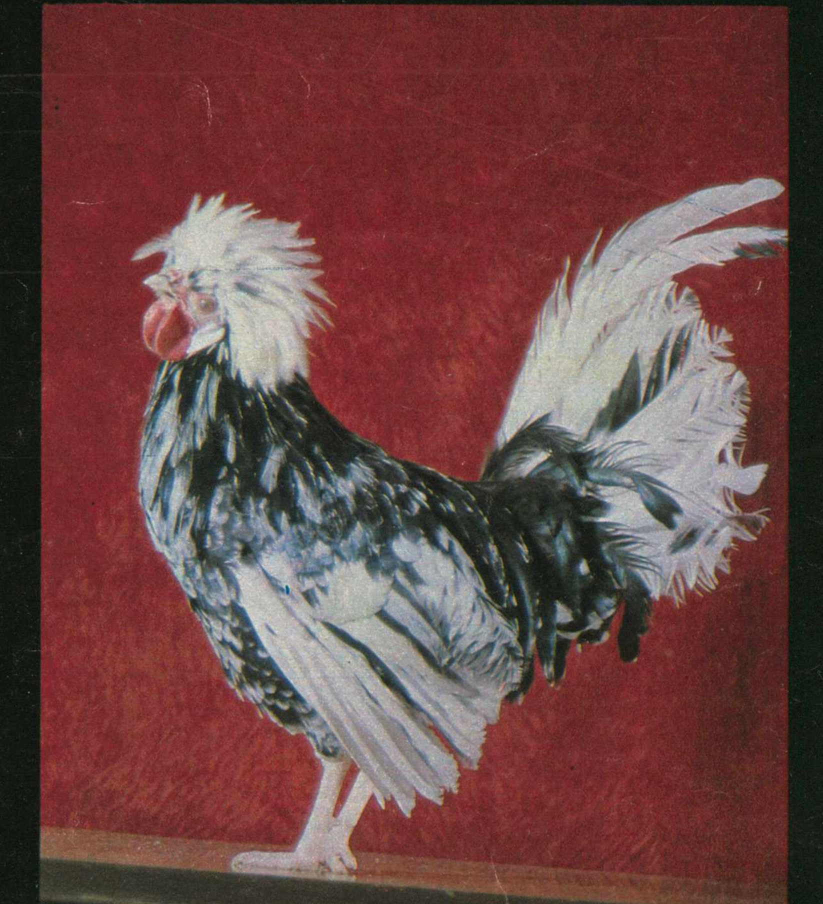

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663